

rocketbook

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Песчаный дьявол

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс
Песчаный дьявол

«ЭКСМО»

2004

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Роллинс Д.

Песчаный дьявол / Д. Роллинс — «Эксмо»,
2004 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-52080-0

Двадцать лет назад английский археолог и миллионер Реджинальд Кенсингтон бесследно исчез в легендарном городе Убаре, затерянном в Аравийской пустыне. После загадочного взрыва в основанной Кенсингтоном галерее, где собраны сокровища из Убара, ученые обнаруживают внутри каменного изваяния, расколотого при взрыве, странную металлическую деталь – точную копию человеческого сердца. Дочь археолога снаряжает научную экспедицию с целью проникнуть в тайны, хранимые пустыней. Однако этот взрыв привлекает к себе внимание не только ученых, но и международной преступной группы, стремящейся завладеть некой таинственной силой, спрятанной где-то в подземельях Убара.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-52080-0

© Роллинс Д., 2004
© Эксмо, 2004

Содержание

Часть первая	9
1. Огонь и дождь	9
2. Охота на лис	24
3. Дела сердечные	42
4. Бурлящая вода	63
5. Хождение по канату	70
Часть вторая	84
6. Возвращение	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джеймс Роллинс Песчаный дьявол

James Rollins
SANDSTORM
Copyright © 2004 by Jim Czajkowski

© Саксин С., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

* * *

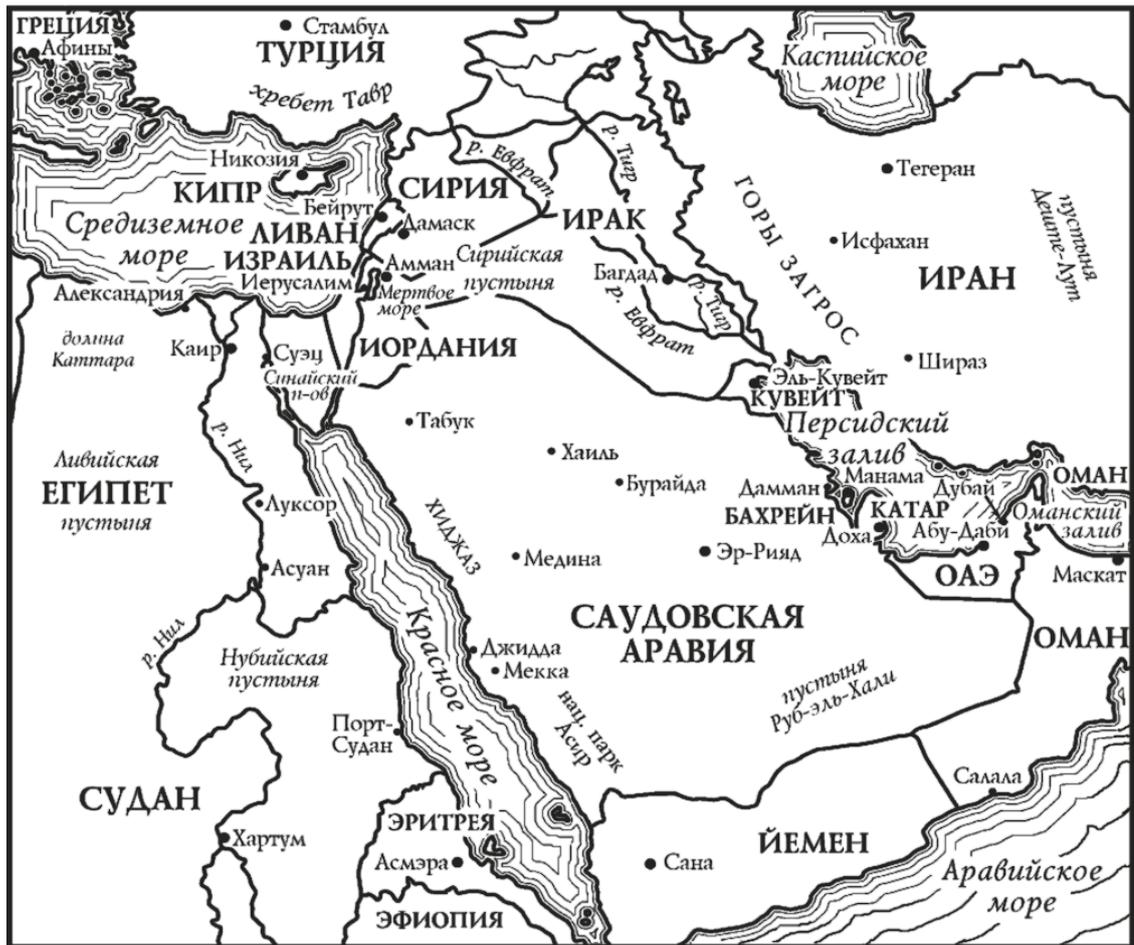
Посвящается Кэтрин, Адриену и Ар Джи, новому поколению

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

**Управление
перспективного планирования
оборонных научно-исследовательских
работ**

Дело № Альфа-42-ПКР

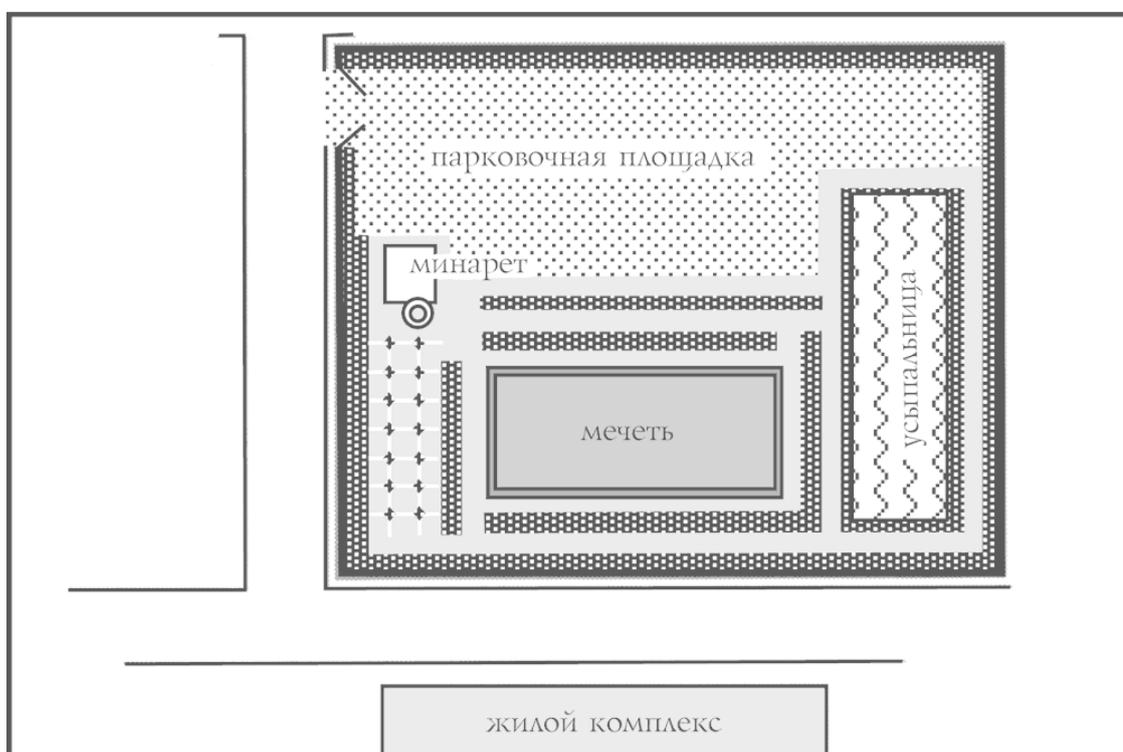
Отряд «Сигма»

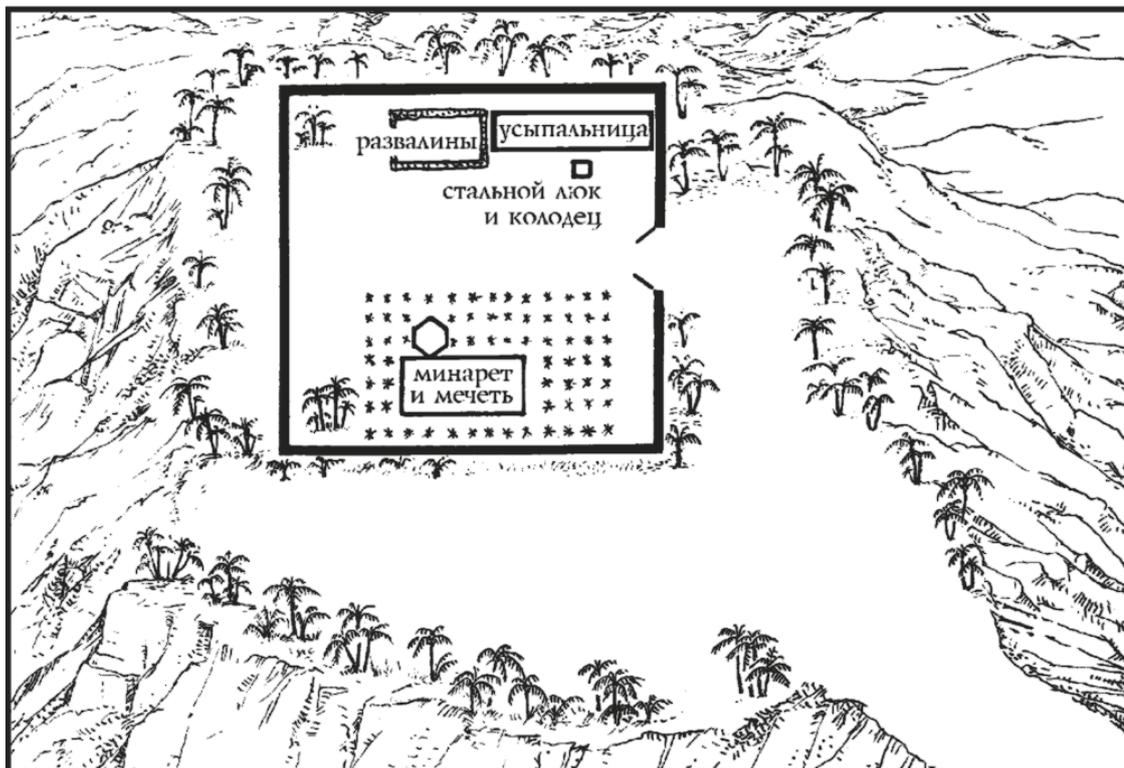
Карта Аравийского полуострова

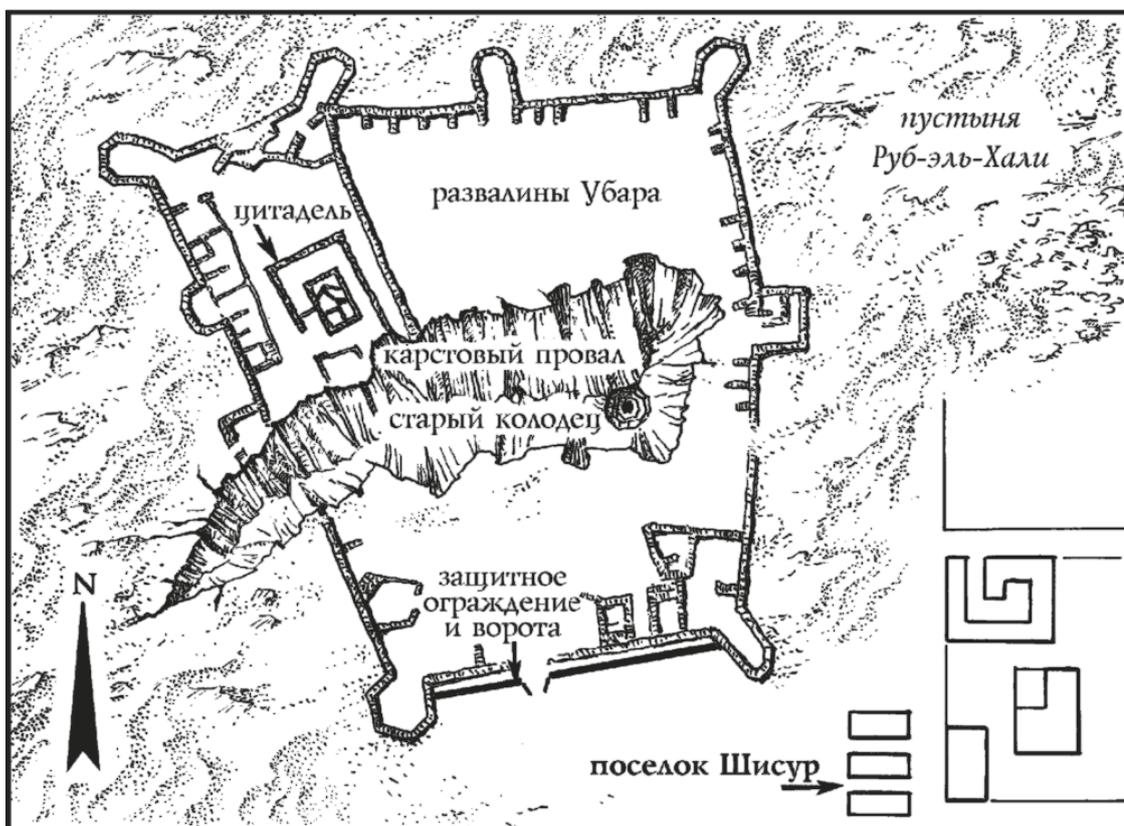
Британский музей

Гробница Наби Амирана

Мавзолей Аюба

Шисур

Часть первая Гроза

1. Огонь и дождь

14 ноября, 1 час 33 минуты по Гринвичу

Британский музей

Лондон, Англия

Гарри Мастерсону предстояло умереть через тринадцать минут.

Если бы Гарри догадывался об этом, то выкурил бы последнюю в своей жизни сигарету до самого фильтра. Однако он загасил окурочек после трех торопливых затяжек и поспешно отогнал дым от лица. Если его застанут курящим за пределами комнаты отдыха, этот сукин сын Флемминг, начальник службы охраны музея, выплет ему по первое число. Гарри и так уже неделю назад назначили испытательный срок за двухчасовое опоздание на дежурство.

Пробормотав ругательство, Гарри убрал в карман потушенную сигарету. Можно будет докурить ее в следующий перерыв. Если вообще сегодня ночью выпадет передышка.

Даже сквозь толстые кирпичные стены были слышны раскаты грома. Зимняя гроза началась вскоре после полуночи бешеной канонадой града, за которой последовал потоп, угрожавший смыть Лондон в Темзу. Молнии многозубыми вилами полосовали небо от края до края. Если верить говорившему о погоде диктору Биби-си, нынешняя гроза была одной из самых свирепых за последнее десятилетие. Бесчинство атмосферного электричества оставило без света половину города.

Судьба распорядилась так, что темнота накрыла именно ту часть Лондона, в которой на Биг-Рассел-стрит стоял Британский музей, где в этот час дежурил Гарри Мастерсон. Несмотря на то что сразу же заработали резервные генераторы, обеспечившие аварийное освещение, для дополнительной защиты музейных ценностей были срочно вызваны все сотрудники службы охраны. Они придут на место в течение ближайшего получаса. И хотя видеокamеры системы наблюдения продолжали действовать, Флемминг приказал всей ночной смене патрулировать музейные коридоры, протянувшиеся на две с половиной мили. Для этого охранникам пришлось разделиться.

Взяв фонарик, Гарри направил луч в глубь коридора. Он терпеть не мог ночные обходы, когда музей охватывает полумрак. В это время свет проникает только через окна от уличных фонарей. Однако сейчас из-за отключения электричества они погасли. Музей погрузился в зловещую темноту, лишь кое-где мерцали пятнышки красноватого света тусклых ламп аварийного освещения.

Гарри отчаянно требовалось ввести в организм дозу никотина, чтобы успокоить нервы, однако он не мог прохладиться долго. Его ждала работа. Занимая нижнюю ступеньку в иерархии ночной смены, Гарри получил приказ обойти залы северного крыла – той части музея, которая была наиболее удалена от подвала, где находилось помещение службы охраны. Но это никак не означало, что путь нельзя сократить. Повернувшись спиной к уходящему в темноту длинному коридору, Гарри подошел к двери, ведущей в Большой двор королевы Елизаветы Второй.

Это пространство площадью два акра окружали четыре крыла Британского музея. В самом центре возвышался большим медным куполом Круглый читальный зал – одна из лучших библиотек мира. На большой высоте все два акра были перекрыты огромными сводами конструкции Нормана Фостера, что создало самую большую в Европе крытую площадь.

Отперев дверь, Гарри нырнул в чрево двора. Как и в зданиях музея, здесь царил тьма. По стеклянным перекрытиям где-то высоко вверху барабанил дождь. Но тем не менее шаги Гарри гулким эхом разносились в пустоте. Небо снова разорвало копье молнии. На одно ослепительное мгновение озарилась стеклянная крыша, разделенная на тысячи треугольных панелей. И тотчас же музей снова потонул во мраке, наполненном стуком дождя.

Молнию догнал запоздалый раскат грома. Содрогнулась даже крыша. Гарри непроизвольно отшатнулся назад, испугавшись, что все сооружение обрушится вниз. Светя перед собой фонариком, он прошел через двор, направляясь к северному крылу. Обогнул библиотеку. Вновь сверкнула молния, заставив дрогнуть сердце. Словно из ниоткуда появились огромные статуи, скрывавшиеся до этого в темноте. «Книдосский лев» присел на корточки рядом с огромной головой изваяния с острова Пасхи. И тут же молния погасла, и мрак опять поглотил безмолвных хранителей музея.

По спине Гарри пробежал холодок. Он ускорил шаг, бормоча ругательства: «Треклятая, поганая, вонючая, грязная работа». Это заклинание помогло ему успокоиться.

Гарри быстро добрался до двери в северное крыло и поспешно юркнул внутрь, где его встретила знакомая смесь запахов сырости и аммиака. Он испытал облегчение, снова ощутив вокруг себя прочные стены. Посветил вдоль длинного коридора. Кажется, все в порядке, однако нужно проверить остальные галереи крыла. Он прикинул: если поторопиться и быстро завершить обход, можно будет успеть курнуть. Соблазненный надеждой, Гарри направился по коридору вслед за лучом фонарика.

Северное крыло было отведено под юбилейную выставку к двухсотлетию музея. Экспозиция представляла этнографическое собрание, которое позволяло увидеть полную картину человеческих достижений за прошедшие века и охватывало все культуры. Гарри торопливо двигался вперед, проходя мимо залов, оформленных каждый в своем стиле: кельтском, византийском, русском, китайском. Входы в помещения разделов выставки были снабжены охранными решетками, которые автоматически опустились, как только электричество отключилось.

Впереди показался конец коридора.

Большую часть экспонатов для юбилейной экспозиции взяли из Музея человечества. Однако последняя галерея находилась в северном крыле всегда, по крайней мере на памяти Гарри. В ней располагалась Арабская коллекция – бесценное собрание древностей со всего Аравийского полуострова. Галерея была создана на средства одной семьи, разбогатевшей на нефтедобыче в этом регионе. По слухам, ежегодные взносы на содержание галереи в составе Британского музея доходили до пяти миллионов фунтов. Подобная жертвенность могла вызывать уважение.

Или совсем наоборот.

Презрительно фыркнув по поводу столь глупого расточительства, Гарри провел лучом фонарика по закрепленной над дверью латунной табличке с выгравированной надписью «Кенсингтонская галерея». Между собой музейщики называли ее «чердаком стервы».

Хотя сам Гарри ни разу не встречался лично с леди Кенсингтон, но знал по рассказам сослуживцев, что малейшие провинности при уходе за экспонатами – пыль на шкафу, пятно на табличке с надписью, сдвинутая с места древняя статуэтка – карались самым суровым образом. Галерея была любимым детищем леди Кенсингтон, и гнев сумасбродной меценатки не знал пределов. Нередко случалось, что после ее визита в музей кто-нибудь из сотрудников лишался своего места, причем, по слухам, однажды слетела голова самого директора.

Именно эти соображения заставили Гарри задержаться перед решеткой, закрывающей вход в галерею, чуть дальше. Он посветил фонариком в первый зал и взгляделся в полумрак внимательнее обычного. Но опять же все было в полном порядке.

Когда Гарри уже отворачивался, его внимание привлекло какое-то движение. Застыв, он снова направил луч в дверь. В глубине Кенсингтонской галереи, в одном из самых последних залов медленно перемещалось световое пятно, рождая дрожащие тени.

Гарри почувствовал, как сердце начинает колотиться у него в горле. В музей проник посторонний. Гарри отпрянул к стене, нащупывая непослушными пальцами рацию. Сквозь стены донеслись раскаты грома, низкие и звучные.

Гарри включил рацию.

– Вероятно, в северном крыле посторонний. Пожалуйста, дайте совет, что делать.

Он стал ждать ответа старшего ночной смены. Пусть Джин Джонсон и полный идиот, но он служил в Королевских военно-воздушных силах и разберется в этом дерьме. Однако электрические разряды бушующей грозы проглотили большую часть слов Джонсона:

– ...вероятно... ты уверен?... дождись... решетка закрыта?

Гарри повернулся к опущенной защитной решетке. Разумеется, ему следовало первым делом проверить, в порядке ли она. Каждая галерея имеет лишь один вход из общего коридора. Другой способ попасть в запертые комнаты только один – через окна, но они находятся высоко от земли и снабжены датчиками, которые среагируют, если открыть или разбить окно. И хотя из-за грозы электричество отключалось, резервные генераторы продолжили питать систему сигнализации. А в центральном пункте службы охраны никаких сигналов тревоги не принимали.

Гарри отчетливо представил себе, как Джонсон последовательно подключает к монитору видеокамеры наблюдения, проходя по северному крылу до самой Кенсингтонской галереи. Он рискнул заглянуть в анфиладу из пяти залов. Световое пятно в самой глубине галереи не исчезло. Его перемещения казались случайными, не похожими на целенаправленные движения грабителя. Гарри проверил защитную решетку. На электронном замке горела зеленая лампочка. С этой стороны посторонний попасть в галерею не мог.

Гарри снова внимательно всмотрелся в проблески. А что, если это проникающее с улицы отражение света фар какой-то машины?

Он вздрогнул, услышав по рации голос Джонсона, резко появляющийся и исчезающий.

– Видеокамеры наблюдения ничего не показ... Пятая камера вышла из строя. Оставь на месте... мы идем к тебе.

Все остальные слова растворились в эфире, стертые грозой.

Гарри застыл в нерешительности перед решеткой. С минуты на минуту сюда подоспеет подкрепление. А если это не грабитель? Что, если всему виной отблески фар? Его отношения с Флеммингом и так уже не самые лучшие. Не хватало лишь выставить себя дураком.

Решив, что терять ему все равно нечего, Гарри поднял фонарик.

– Эй, ты! – крикнул он.

Ему хотелось, чтобы оклик получился строгим и повелительным, но в действительности прозвучало нечто больше похожее на истощенный вопль.

Однако в случайных блужданиях светового пятна не произошло никаких изменений. Казалось, его источник направился в самую дальнюю часть галереи – но это было не паническое бегство, а медленное, размеренное движение. Таким хладнокровием не обладает ни один грабитель на свете.

Подойдя к решетке, Гарри отпер электронный замок. Магнитная защелка открылась. Гарри приподнял решетку так, чтобы под ней можно было пролезть, низко пригнувшись, и попал в первый зал. Он поднял фонарик, выпрямился, не желая поддаваться минутной панике. Надо было все-таки сначала выяснить все подробнее и лишь затем поднимать тревогу. Однако сделанного не воротишь. Нужно постараться хоть как-то спасти лицо, самому разобраться в таинственном происшествии.

Гарри громко крикнул еще раз, на всякий случай:

– Служба охраны! Ни с места!

Его крик не возымел никакого действия. Световое пятно продолжало свое беспорядочное, но упрямое блуждание по галерее.

Гарри оглянулся на дверь в коридор: ну где же наши?

– Проклятье! – пробормотал он.

Гарри поспешил в глубь галереи вслед за световым пятном, полный решимости выяснить его причину до подхода остальных.

Он прошел мимо сокровищ величайшей ценности, едва скользнув взглядом по стеклянным витринам. В них хранились глиняные таблички ассирийского царя Ашшурбанипала, неуклюжие изваяния из песчаника, восходящие к временам до персидского завоевания, мечи и другое оружие всех эпох, финикийские фигурки из слоновой кости, изображающие древних царей и цариц, и даже первое печатное издание сказок «Тысяча и одна ночь» под своим первоначальным названием «Восточные нравоучения».

Гарри быстро шел через залы, переходя от одной династии к другой, от эпохи Крестовых походов до рождения Христа, от побед Александра Македонского до времен царя Соломона и царицы Савской.

Наконец он добрался до последнего зала, одного из самых больших. Здесь были собраны экспонаты, представляющие интерес скорее для ученого-натуралиста: редкие камни, окаменелые останки древних животных, орудия труда эпохи неолита с Аравийского полуострова.

Наконец-то стало ясно, что является источником таинственного света. Посреди перекрытого куполом зала в воздухе лениво парил шар диаметром полметра, испускающий голубоватый свет. Свет мерцал; поверхность шара, казалось, была покрыта дрожащими голубыми огоньками. На глазах у Гарри шар проплыл через стеклянную стенку шкафа так, словно это был воздух. Потрясенный Гарри застыл на месте. Ему в нос ударил резкий запах серы.

Шар приблизился к одной из тусклых красноватых ламп аварийного освещения, и та, зашипев и заискрившись, с громким хлопком погасла. Вздвогнув от резкого звука, Гарри отшатнулся назад. Судя по всему, такая же участь постигла видеокамеру номер пять в предыдущем зале. Гарри взглянул на камеру за спиной. На ней горел красный огонек. Значит, по-прежнему работает.

Словно почувствовав на себе внимание Гарри, Джонсон снова вышел на связь. По какой-то причине треск статических разрядов исчез.

– Гарри, знаешь, тебе лучше убраться оттуда.

Гарри застыл на месте, замороженный страхом и любопытством. К тому же неизвестный объект плыл прочь от него в дальний угол зала, теряющийся в темноте.

Своим сиянием шар высветил заключенную в стеклянный куб бесформенную железную глыбу. Ее силуэт походил на теленка, опустившегося на колени. Правда, табличка сообщала, что это верблюд. Подобное сравнение было в лучшем случае натянутым, но Гарри знал, чем оно объясняется. Этот экспонат был найден в пустыне.

Шар застыл над железным верблюдом. Осторожно отступив назад, Гарри поднес к губам рацию.

– Господи!

Мерцающий голубым светом шар опустился на верблюда. Сияние, моргнув, погасло, словно огонек догоревшей свечи. Внезапно наступившая темнота на мгновение ослепила Гарри. Он поспешно поднял фонарик. Железный верблюд как ни в чем не бывало покоился внутри стеклянного куба.

– Оно исчезло...

– С тобой все в порядке?

– Да. Черт побери, что это такое было?

В голосе Джонсона прозвучал благоговейный трепет.

– Думаю, треклятая шаровая молния! Я слышал рассказы экипажей боевых самолетов, которым приходилось пролетать через грозовые тучи. Должно быть, ее породила гроза. Но, черт возьми, красотища была знатная!

Что ж, все это закончилось, подумал Гарри, качая головой. Но что бы это ни было, по крайней мере, он будет избавлен от насмешек приятелей-охранников. Гарри опустил фонарик. Однако даже после того, как луч переместился, железный верблюд продолжал светиться в темноте. Сочным рыжевато-бурым светом.

– А это еще что за чертовщина? – пробормотал Гарри, хватая рацию.

Ему в пальцы ударил мощный статический разряд. Выругавшись, Гарри тряхнул рукой. Наконец ему все же удалось взять рацию.

– Тут что-то странное. Мне кажется...

Свечение вокруг железной скульптуры усилилось. Гарри отскочил назад. По поверхности верблюда потекло расплавленное железо, словно на него выплеснулся кислотный дождь. И Гарри не был единственным, кто это заметил.

У него в руке залаяла рация.

– Гарри, живо уходи оттуда!

Гарри не стал спорить. Он стремительно развернулся, но было уже слишком поздно. Стекланный ящик взорвался. Длинные и тонкие осколки впелись Гарри в левый бок. Один острый осколок распорол щеку. Но Гарри не успел ощутить боль от порезов – в тот же миг на него обрушилась волна раскаленного воздуха, опаляя, сжигая весь кислород. Его рот раскрылся в крике, которому так и не суждено было сорваться.

Следующий взрыв сбил Гарри с ног и швырнул через всю анфиладу залов. Однако до решетки долетели и с треском впечатались в ее стальные прутья лишь обугленные кости.

1 час 53 минуты

Сафия аль-Мааз проснулась, охваченная смертельным ужасом. Со всех сторон доносился вой сирен. На стенах спальни пульсировали красные отсветы проблесковых маячков машин аварийных служб. Страх стиснул Сафию стальными клещами. Она не могла дышать, на лбу высыпали бисеринки холодного пота, пальцы судорожно натянули одеяло под подбородок. С широко раскрытыми глазами Сафия на мгновение застыла между настоящим и прошлым.

Завывание сирен, грохот разрывов вдалеке и совсем рядом, крики раненых, умирающих, ее собственный голос, вливающийся в хор боли и шока...

За окном гудели клаксоны пожарных машин.

– Освободите дорогу! Всем отойти назад!

Кричали по-английски. Не на арабском и не на иврите. Волна низкого гула, прокатившаяся через дом, в котором находилась Сафия, затихла вдали.

Голоса бойцов пожарных расчетов вернули Сафию в настоящее. Она в Лондоне, а не в Тель-Авиве. Из ее груди вырвался долгий сдавленный вздох. На глаза навернулись слезы. Сафия смахнула их дрожащей рукой.

Приступ паники.

Она сделала еще несколько вдохов и выдохов, закуталась в одеяло. Ей по-прежнему нестерпимо хотелось расплакаться. Сафия постаралась убедить себя, что всегда все заканчивается именно этим, но слова не помогали. Закрыв глаза, она попыталась расслабиться, чувствуя, как бешено колотится сердце. Чтобы успокоиться, Сафия еще поделала дыхатель-

ные упражнения, которым ее обучил врач: вдох на два счета, выдох – на четыре. С каждым выдохом отпускало напряжение, холодная кожа понемногу начинала теплеть.

Издав тихий звук, похожий одновременно на скрип и писк, на кровать плюхнулось что-то тяжелое. Протянув руку, Сафия нащупала мягкую теплую кошачью спину.

– Иди сюда, Билли, – прошептала она огромному черному персидскому коту.

Ткнувшись в ладонь, Билли потерся мордой о пальцы, затем перебрался на колени Сафии и растекся черной кляксой. Судя по всему, сирены спугнули кота, совершавшего обычный ночной обход квартиры.

Довольное урчание разнеслось по всей комнате. И именно оно, а не дыхательные упражнения помогло Сафии расслабить напряженные мышцы плеч. Она поймала себя на том, как, оказывается, боязливо согнулась ее спина в ожидании удара, который так и не последовал. Выпрямившись, Сафия вытянула затекшую шею.

Сирены продолжали завывать в соседнем квартале. Надо встать, выяснить, что происходит. Сделать все, что угодно, лишь бы не сидеть без движения. Паника преобразовалась в беспокойное возбуждение, которому надо было дать выход.

Сафия передвинула ноги, осторожно скидывая Билли на одеяло. Урчание на мгновение прервалось, затем возобновилось вновь, как только коту стало ясно, что его не прогоняют. Билли родился на улицах Лондона, в беспощадных трущобных переулках. Сафия обнаружила котенка – дикий комок шерсти и злобы – на пороге своей квартиры, окровавленного, со сломанной лапой, перепачканного машинным маслом, после того как он побывал под колесами автомобиля. Она попыталась помочь котенку, но тот больно укусил ее за большой палец. Знакомые посоветовали Сафии отнести несчастного в питомник для бездомных животных, однако та знала, что это заведение ничуть не лучше приюта для сирот. Поэтому она завернула найденыша в льняную наволочку и отвезла в ближайшую ветеринарную лечебницу.

Было бы так легко в тот вечер просто перешагнуть через котенка, но и самой Сафии однажды тоже пришлось быть покинутой и одинокой. Ее в свое время тоже взял к себе один человек. И, подобно Билли, она тоже «одомашнилась». Но они оба так и не стали полностью ручными, сохранив любовь к диким местам и странствиям.

И все это одним ясным весенним днем завершилось страшным взрывом.

Во всем виновата я... В ушах Сафии снова зазвучали крики и вой сирен, смешиваясь с теми, что доносились с улицы.

Учащенно дыша, Сафия протянула руку к стоящей у изголовья кровати лампе – изящной вещице от «Тиффани», со стрекозами из матового стекла. Она несколько раз щелкнула выключателем, но лампа не загоралась. Значит, электричества нет. Вероятно, гроза повредила линию электропередачи. Этим, очевидно, и вызвана суета на улице. Дай-то бог, чтобы объяснение было таким простым.

Сафия встала с кровати. Босиком, но в теплой фланелевой ночной рубашке до колен она подошла к окну, отодвинула шторы и выглянула на улицу. Ее квартира находилась на четвертом этаже.

Обычно тихая и пристойная улица с чугунными фонарными столбами и широкими тротуарами превратилась в место сюрреалистического столпотворения. Вся проезжая часть была сплошь заставлена пожарными и полицейскими автомобилями. Свирепый ливень утих до обычной лондонской мороси. Фонари не горели, и улица озарялась лишь мигалками на крышах машин аварийных служб. Однако в конце квартала сквозь дым и мрак пробивалось мерцающее багровое зарево.

Сердце Сафии забилось чаще, дыхание перехватило – и причиной тому были не старые страхи, а внезапный ужас настоящего. Пожар в музее! Она дернула шнур, поднимая шторы,

и завозилась с оконной щеколдой. Наконец, распахнув створку, Сафия перевесилась через подоконник под струи дождя, не замечая ледяных капель.

От ее квартиры до Британского музея было совсем недалеко. Сафия ахнула, увидев открывшееся ее взору зрелище. Северо-восточный угол музея превратился в объятые пламенем руины. Из разбитых окон верхних этажей вырывались огненные языки и густые клубы черного дыма. Пожарные в касках тянули шланги. Струи воды били вверх. Из кузовов красных машин поднимались лестницы.

Но самым страшным была зияющая дыра на втором этаже. На улице валялись почерневшие обломки кирпичной стены и разный мусор. Судя по всему, Сафия не услышала грохот взрыва или приняла за раскат грома. Но это был не удар молнии.

Больше похоже на взрыв бомбы. Атака террористов? Неужели снова?

Сафия почувствовала, как у нее подгибаются колени. Северное крыло... Она сразу определила, что зияющая дыра ведет в последнюю галерею. Вся ее работа, плоды всей жизни, коллекция из тысяч древних экспонатов с ее родины. Это уже было слишком. Сафия не могла поверить своим глазам. Зрелище казалось нереальным, кошмарным сном, который должен был вот-вот закончиться.

Она отпрянула назад в уютное убежище своей комнаты. Отвернулась от окна, от беснующегося вдали огня. В темноте вдруг засветились стеклянные стрекозы. Сафия уставилась на них, не в силах понять, что это значит. Затем до нее дошло: снова дали свет. И в этот момент, испугав ее, на ночном столике зазвонил телефон. Оторвав голову от подушки, Билли настороженно поднял уши.

Сафия торопливо схватила трубку.

– Алло?

В ответ услышала профессионально суровый голос:

– Доктор аль-Мааз?

– Д-да?

– Говорит капитан Хоган. В музее случилось чрезвычайное происшествие.

– Происшествие?

Что бы там ни произошло, это было больше чем просто происшествие.

– Да, директор музея попросил, чтобы я пригласил вас на совещание. Вы не могли бы присоединиться к нам в течение ближайшего часа?

– Да, капитан. Я уже выхожу.

– Замечательно. Я сообщу вашу фамилию полицейскому оцеплению.

В трубке послышался щелчок. Капитан Хоган закончил разговор.

Сафия обвела взглядом спальню. Билли раздраженно колотил хвостом, по-кошачьи демонстрируя свое недовольство бурными событиями этой ночи.

– Я ненадолго отлучусь, – пробормотала Сафия, сама не зная, правда ли это.

За окном продолжали завывать сирены.

Паника, захлестнувшая Сафию в момент пробуждения, упорно не желала отступить. Весь ее мир, надежность ее положения в степенных стенах Британского музея пошатнулись до основания.

Четыре года назад Сафия бежала из мира, где женщины привязывали к груди самодельные бомбы. Она бежала в безопасность и упорядоченность жизни ученого, променяв экспедиции и раскопки на кабинетную тишину, кирки и лопаты – на компьютеры и толстые фолианты. Сафия создала в музее маленькую нишу, в которой чувствовала себя безопасно, которая стала ей домом.

И все же беда отыскала ее.

У Сафии задрожали руки. Пришлось сцепить их, чтобы побороть новый приступ паники. Больше всего на свете ей сейчас хотелось заползти обратно в кровать и с головой укрыться одеялом.

Билли внимательно смотрел на хозяйку; у него в глазах отражался свет лампы.

– Со мной все хорошо, – тихо промолвила Сафия, обращаясь не столько к коту, сколько к себе самой. – Все будет в порядке.

Однако эти слова не убедили ни ее, ни Билли.

2 часа 13 минут по Гринвичу

(21 час 13 минут по восточному поясному времени)

Форт-Мид, штат Мэриленд

Томас Харди терпеть не мог, когда его отвлекали от решения кроссворда. Это был ритуал воскресного вечера, включавший также стаканчик виски сорокалетней выдержки и отличную сигару. В камине потрескивал огонь.

Удобно устроившись в высоком кожаном кресле, Томас трудился над кроссвордом, крутя в пальцах дорогую шариковую ручку. Наморщив лоб, он угадывал, каким словом из пяти букв можно выразить понятие «высшая цель». Пока Харди ломал голову, зазвонил телефон. Вздохнув, Томас сдвинул очки с кончика носа на лоб. Вероятно, это его дочери звонит одна из подруг, чтобы обсудить, как прошли выходные с очередным кавалером.

Однако, перегнувшись через стол к пульта, Харди обнаружил, что мигает индикатор пятой линии, его личного канала связи, известного лишь троим: президенту, председателю Объединенного комитета начальников штабов и его собственному помощнику в руководстве Агентства национальной безопасности.

Положив газету на колени, Харди ткнул красную кнопку пятой линии. Этим простым движением он запустил сложный математический алгоритм шифрования, надежно защищающий переговоры от прослушивания, и только после этого снял трубку.

– Говорит Харди.

– Добрый вечер, господин директор.

Встревоженный, Харди уселся прямее. Он не узнал звонившего, хотя голоса тех, кому был известен номер его личного телефона, он знал так же хорошо, как голоса своих близких.

– Кто это?

– Тони Ректор. Прошу прощения за то, что беспокою вас в столь поздний час.

Томас мысленно порылся в справочнике. Вице-адмирал Энтони Ректор. Фамилия прочно связана с аббревиатурой из семи букв: УППОНИР. Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ. Девиз УППОНИР: «Будь первым». Когда речь идет о новейших вооружениях, Соединенные Штаты Америки не могут позволить себе быть на втором месте. Ни за что.

Предчувствие беды нарастало.

– Чем я могу вам помочь, адмирал?

– В Британском музее в Лондоне произошел взрыв.

Далее Ректор в мельчайших подробностях описал случившееся. Харди взглянул на часы. С момента взрыва не прошло и сорока пяти минут. На него произвело впечатление то, как много информации успела собрать служба Ректора в такой короткий срок.

Как только адмирал закончил, Томас задал наиболее очевидный вопрос:

– И почему этот взрыв заинтересовал УППОНИР?

Ректор объяснил, и Томасу показалось, что в комнате стало на десять градусов холоднее.

– Вы уверены?

– Бригада моих людей уже на месте, чтобы заняться этим вопросом. Но мне понадобится помощь британской контрразведки. Или еще лучше...

Альтернатива повисла в воздухе, невысказанная вслух даже по секретной линии связи. Томасу стал понятен этот таинственный звонок. Британская служба внутренней безопасности являлась эквивалентом его собственного ведомства. Ректор хотел, чтобы АНБ «поставило дымовую завесу», дав возможность команде УППОНИР незамеченной поработать на месте и исчезнуть, прежде чем в происшедшем разберется кто-нибудь еще. В том числе и британская контрразведка.

– Понимаю, – наконец ответил Харди, подумав, что с такой миссией справиться будет непросто. – Ваши люди готовы?

– Будут готовы к утру.

Поскольку дальнейших разъяснений не последовало, Томас понял, кому придется заниматься этим, и в задумчивости выводил на газетном поле греческую букву, которой в математике обозначают сумму.

– Я расчищу для них дорогу, – сказал он в трубку.

– Отлично.

Связь окончилась. Харди положил трубку на рычажки, уже ломая голову над тем, что предстоит сделать. Работать придется очень быстро. Он перевел взгляд на пять клеточек в кроссворде, куда следовало вписать слово, означающее понятие «высшая цель». Удивительное совпадение¹.

Взяв ручку, Харди аккуратно вписал в кроссворд прописными буквами слово «СИГМА».

2 часа 22 минуты по Гринвичу

Лондон, Англия

Сафия остановилась перед желто-черным ограждением. Борясь с тревогой и холодом, она обхватила себя руками. Воздух был пропитан дымом. Стоявший за ограждением полицейский раскрыл пропуск Сафии в музей и внимательно рассматривал ее фотографию. Она понимала, что ему будет нелегко найти сходство. На фотографии молодой полицейский видел сосредоточенную тридцатилетнюю женщину: лицо цвета кофе с молоком, иссиня-черные волосы аккуратно зачесаны назад, зеленые глаза за слегка затемненными стеклами очков. А сейчас перед ним стояла промокшая насквозь женщина с распущенными спутанными волосами, которые длинными мокрыми прядями облепили лицо. Ее недоуменный и растерянный взгляд был устремлен вдаль, за ограждение, где деловито сновали сотрудники чрезвычайных служб.

Вдоль ограждения толпились журналисты-хроникеры, сверкающие фотовспышками, стояли фургоны бригад телевизионных выпусков новостей. Сафия заметила среди пожарных и полицейских машин два армейских грузовика, в кузовах которых сидели вооруженные автоматическими винтовками солдаты.

В толпе переговаривались о том, что нельзя исключать версию террористического акта. Сафия услышала об этом от журналиста, мимо которого протискивалась к ограждению. В ней сразу распознали арабскую женщину, и многие подозрительно тарасились на нее. Сафия действительно знала о терроризме из первых рук, однако не в том смысле, в каком думали все эти люди. Впрочем, возможно, она тоже ошибается. Может быть, у нее разно-

¹ Имеется в виду игра слов: английское sum кроме своего основного значения «сумма» имеет также значение «высшая цель», а начертание греческой буквы «сигма» в высшей математике обозначает сумму выкладок в уравнениях. (Здесь и далее примечания переводчика.)

видность мании преследования, которая называется гипертрофированным чувством тревоги и возникает обычно после приступа паники.

Сквозь толпу Сафия пробралась с трудом. Все это время она старалась глубоко дышать, сосредоточив все мысли на том, что ждало ее впереди. Она очень жалела, что не захватила зонт, потому что выскочила из дома сразу же после звонка капитана Хогана, успев лишь натянуть свободные штаны цвета хаки и белую в цветочек блузку. Поверх она накинула плащ, но в спешке оставила зонт у вешалки рядом с дверью. Лишь спустившись вниз и выбежав под дождь, Сафия вспомнила о нем. Но возвращаться на четвертый этаж не стала.

Она должна знать, что произошло в музее. Последние десять лет Сафия посвятила созданию этой коллекции и вот уже четыре года возглавляла исследовательские программы музея. Какая часть ее работ уничтожена? Что еще можно спасти?

Морось усилилась до проливного дождя, пока Сафия добиралась до пропускного пункта в полицейском ограждении. Она промокла до нитки. Ежась от холода, Сафия ждала, когда полицейский закончит проверять ее документы.

– Можете проходить, – наконец сказал тот. – Инспектор Сэмюэлсон вас ждет.

Другой полицейский проводил Сафию до южного входа в музей. Она бросила взгляд на колоннаду портика. Здание словно излучало неприступность банковского сейфа, нечто незыблемое, в чем невозможно усомниться. До сегодняшней ночи так и было.

Полицейский провел Сафию в здание и вниз по лестнице. Они прошли через дверь с табличкой «Только для сотрудников музея». Сафия догадалась, что ее ведут в расположенный в цокольном этаже центр службы безопасности.

У двери дежурил вооруженный охранник. Предупрежденный о ее приходе, он кивнул и распахнул дверь. Сопровождавший Сафию полицейский передал ее чернокожему мужчине в штатском, ростом на несколько дюймов выше Сафии, совершенно седому. Кожа на лице негра напоминала голенище выдавшего вида сапога. Сафия заметила у него на щеках серебристый налет щетины: скорее всего, его подняли с постели и он примчался сюда, не успев побриться. Негр протянул ей мускулистую руку.

– Инспектор Джеффри Сэмюэлсон, – представился он. – Благодарю вас за то, что так оперативно откликнулись на просьбу прийти сюда.

Его голос оказался таким же твердым, как рукопожатие. Сафия кивнула, слишком возбужденная, чтобы говорить.

– Доктор аль-Мааз, прошу вас следовать за мной. Нам нужна ваша помощь, чтобы установить причину взрыва.

– Моя? – с трудом выдавила Сафия.

Они прошли через комнату отдыха охраны, битком набитую людьми. Похоже, здесь собралась вся служба охраны музея, все смены, срочно вызванные из дома. Сафия узнала некоторых, но сейчас все смотрели на нее так, будто видели впервые в жизни. Когда она проходила мимо, приглушенные голоса умолкали. Должно быть, охранники знали, что ее пригласили в музей, но догадывались о причине вызова не больше самой Сафии. И тем не менее в их молчании красноречиво сквозила подозрительность.

Сафия расправила плечи, давая выход раздражению, охватившему ее, несмотря на чувство беспокойства. Это же коллеги по работе, ее товарищи. Впрочем, всем им прекрасно известно ее прошлое.

Когда инспектор Сэмюэлсон повел Сафию по пустынному коридору к самому последнему помещению, она устало сгорбилась, не в силах больше бодриться. Ей было известно, что там находится так называемое гнездо – овальное помещение, заставленное мониторами системы видеонаблюдения. Войдя внутрь, Сафия первым заметила начальника службы безопасности Райана Флемминга, невысокого коренастого мужчину средних лет. Его было легко узнать по лишенной растительности голове и горбатому носу, чем Флемминг снискал себе

прозвище Лысый Орел. Рядом с ним находился долговязый мужчина в военном мундире с иголки, дополненным пистолетом в кобуре. Они стояли за спиной управлявшего работой целого ряда мониторов техника, глядя через его плечо. При появлении Сафии все обернулись.

– Доктор Сафия аль-Мааз, куратор Кенсингтонской галереи, – представил ее Флемминг и махнул рукой, приглашая Сафию подойти.

Когда Сафия пришла в музей, Флемминг работал простым охранником. Теперь он возглавлял службу безопасности. Четыре года назад Флемминг предотвратил кражу статуэтки доисламской эпохи из Кенсингтонской галереи. Именно проявленной тогда бдительностью он и заслужил свою нынешнюю должность. Семейство Кенсингтон умело благодарить тех, кто отличился перед ним. С тех самых пор Флемминг с особой заботой присматривал за Сафией и ее галереей.

Инспектор Сэмюэлсон провел Сафию к мониторам. Флемминг похлопал ее по плечу, и у него в глазах мелькнуло соболезнование.

– Я вам искренне сочувствую. Ваша галерея, ваша работа...

– Как много мы потеряли?

Казалось, Флемминг ощутил физическую боль. Он молча указал на один из мониторов. Черно-белое изображение выводилось на экран в реальном времени. Сафия увидела главный коридор северного крыла, затянутый клубами дыма. Деловито суетились пожарные в противогазах. Несколько человек стояли перед решеткой, закрывавшей вход в Кенсингтонскую галерею, и разглядывали распятый на прутьях, высушенный, скелетообразный силуэт, похожий на тощее пугало.

Флемминг покачал головой.

– В самое ближайшее время прибудет коронер, чтобы идентифицировать останки. Но мы уверены, что это Гарри Мастерсон, один из моих людей.

Обугленная фигура продолжала дымиться. И это когда-то было человеком? Почувствовав, как весь мир пошел кругом, Сафия отпрянула назад. Флеммингу пришлось подхватить ее под руку.

– Я ничего не понимаю, – пробормотала Сафия. – Что там произошло?

Ей ответил мужчина в военной форме.

– Мы надеемся, что вы как раз и сможете пролить на это свет, – сказал он и обратился к технику: – Перемотайте назад до отметки ноль сто.

Убедившись, что приказание выполнено, военный повернулся к Сафии. Его лицо было жестким, недружелюбным.

– Я командер Рэндольф, представитель Министерства обороны. Отдел по борьбе с терроризмом.

– По борьбе с терроризмом? – Сафия недоуменно перевела взгляд на остальных. – Так значит, это была бомба?

– Это еще нужно установить, мэм, – ответил командер Рэндольф.

Техник обернулся.

– Сэр, все готово.

Взмахом руки Рэндольф пригласил Сафию ближе к монитору.

– Мы хотим, чтобы вы посмотрели вот эту запись, однако то, что вы увидите, является секретной информацией. Понятно?

Сафия ничего не соображала, но согласно кивнула.

– Включайте воспроизведение, – распорядился Рэндольф.

На экране появилось изображение, снятое видеокамерой в последнем зале Кенсингтонской галереи.

– Это снято около часа ночи, – объяснил командер Рэндольф.

Все было как обычно в помещении, освещенном аварийными лампами. Вдруг Сафия увидела, как из соседнего зала появился новый источник света. Сначала ей показалось, что вошел человек с фонарем. Но вскоре стало понятно, что источник света передвигается сам по себе.

– Что это? – спросила Сафия.

Ей ответил техник:

– Мы исследовали запись с использованием различных фильтров. Похоже, это шаровая молния. Свободно плавающий шар плазмы, сформированный грозой. Насколько мне известно, эта треклятая штуковина впервые заснята на пленку.

Сафия кое-что слышала о подобных явлениях. Светящиеся шары заряженных частиц летают над поверхностью земли на открытых участках местности, появляются внутри зданий, на борту самолетов, даже в отсеках подводных лодок. Однако шаровые молнии крайне редко причиняют вред. Сафия на мгновение перевела взгляд на соседний монитор, показывающий обугленные останки на входе в галерею. Уж конечно же, причиной взрыва стала не шаровая молния.

Пока Сафия размышляла над этим, на экране появился человек, охранник.

– Гарри Мастерсон, – объяснил Флемминг.

Сафия шумно вздохнула. Если начальник службы безопасности прав, это тот самый человек, чьи дымящиеся кости все еще видны на экране другого монитора. Сафия хотела закрыть глаза, но не смогла.

Охранник не отрывал взгляда от блуждающего светящегося шара. Похоже, он был сбит с толку, как и те, кто сейчас находился рядом с Сафией. Охранник поднес ко рту рацию, что-то докладывая, но видеоизображение не сопровождалось звуком. Тут шаровая молния вплыла на стеклянный шкаф, в котором была выставлена железная фигура. Провалившись сквозь крышу, светящийся шар мигнул и исчез.

Охранник продолжал говорить по рации, затем, по-видимому, что-то его встревожило. Он развернулся к выходу, но в этот момент стенки стеклянного шкафа разлетелись наружу. В то же мгновение экран осветился ослепительно белой вспышкой и погас.

– Остановите и отмотайте четыре секунды назад, – приказал командер Рэндольф.

Изображение застыло, затем кадры начали сменяться в обратной последовательности. Из белой вспышки показался зал, затем вокруг железной фигуры из осколков собрался стеклянный шкаф.

– Остановите здесь.

Чуть дрожа, изображение застыло на экране монитора. Железная фигура сквозь стекло была отчетливо видна. Даже слишком отчетливо. Казалось, она сама излучала свет. Сафия не могла оторвать взгляда от древней фигуры. Теперь она поняла, почему ее пригласили сюда. Никто из присутствующих не мог взять в толк, что произошло в Кенсингтонской галерее. Тому, что они увидели на экране, не было никакого разумного объяснения.

– Что за чертовщина эта скульптура? – спросил командер Рэндольф. – Как давно она находится здесь?

Сафии показалось, что в его словах прозвучало подозрение. А что, если в музей пронесли бомбу, замаскированную под скульптуру? И если это так, кто мог оказать содействие? Кто, как не один из своих, уже имевший к тому же отношение к взрывам в прошлом? Сафия тряхнула головой, словно отбрасывая непрошенные мысли.

– Это не совсем скульптура.

– Тогда что же?

– Обломок метеорита, обнаруженный в Оманской пустыне в конце девятнадцатого столетия.

Сафия знала, что металлическая фигура имеет гораздо более древнюю историю. На протяжении веков в арабских преданиях рассказывалось о затерянном городе, вход в который охраняет железный верблюд. Богатства этого города якобы поражали воображение. В нем было столько сокровищ, что перед воротами, как простая галька, были рассыпаны черные жемчужины. В девятнадцатом веке один караванщик-бедуин вызвался проводить английского исследователя к затерянному городу, однако отыскать его не удалось. Англичанин нашел лишь погребенную в песке железную фигуру, напоминающую опустившегося на колени верблюда. А черный жемчуг оказался кусочками оплавленного стекла, образовавшегося из песка под воздействием огромной температуры при падении метеорита.

– Железный верблюд входит в коллекцию Британского музея со дня его основания, – продолжала Сафия. – Он хранился в запасниках до тех пор, пока я не наткнулась на него в каталоге и не добавила к экспозиции.

Наступившее молчание нарушил детектив Сэмюэлсон:

– Когда это произошло?

– Два года назад.

– То есть достаточно давно, – подчеркнул детектив, взглянув на командера Рэндольфа, словно проверяя, удовлетворен ли тот исходом предшествующего спора.

– Метеорит? – пробормотал военный, качая головой. – Это ничего не объясняет.

Судя по всему, Рэндольф был разочарован тем, что его версия о террористах рассыпалась.

Шум в дверях заставил всех обернуться. Сафия увидела, как в комнату входит директор музея Эдгар Тайсон. Обычно выглядящий безукоризненно, сейчас он был в помятом костюме, который как нельзя лучше соответствовал выражению его лица. Тайсон рассеянно тербил седую бородку. Только сейчас Сафия задумалась над тем, чем объясняется подозрительное отсутствие директора. Музей был для Эдгара Тайсона делом всей жизни.

Однако причина странной задержки тотчас же стала очевидной. Она следовала за Тайсоном по пятам. В комнату электрическим зарядом ворвалась женщина – высокая, ростом на добрую ладонь выше шести футов, в покрытом каплями воды длинном пальто из клетчатой шотландки. Однако ее золотисто-песчаные волосы, остриженные до плеч, оставались сухими и уложенными в мягкие локоны, которые, казалось, шевелились сами по себе. Очевидно, женщина не забыла захватить зонтик.

Выпрямившись, командер Рэндольф шагнул вперед. Его голос внезапно наполнился уважением.

– Здравствуйте, леди Кенсингтон.

Не обратив внимания на приветствие, женщина с тревогой оглядывала помещение, пока ее взгляд не остановился на Сафии. Шагнув к ней, женщина крепко стиснула Сафию в объятиях и взволнованно заговорила:

– Саффи, слава богу! Когда я услышала... Ты так часто работаешь допоздна. И я не смогла до тебя дозвониться.

Сафия тоже прижалась к женщине. Знакомые с раннего детства, они были близки, словно родные сестры.

– Успокойся, Кара, со мной все в порядке, – прошептала Сафия, уткнув лицо в плечо подруги, и почувствовала, как та дрожит.

Она удивилась глубине искреннего страха, который не скрывала сильная и обычно выдержанная Кара. Ведь она не демонстрировала такую любовь очень давно, с тех пор как умер ее отец. Они обе были тогда еще совсем молодыми.

Кару буквально трясло от волнения.

– Не знаю, что бы я сделала, если бы потеряла тебя.

Она крепко обняла Сафию, желая утешить и сама ища утешения.

У Сафии на глаза навернулись слезы. Она вспомнила другие объятия и похожие слова: «Я не смогу жить без тебя».

Когда Сафии было четыре года, ее мать погибла в автокатастрофе. Отца девочки к тому времени уже не было в живых, и Сафию отдали в приют, оказавшийся жутким местом для ребенка, в чьих жилах текла смешанная кровь. Через год девочку забрало к себе семейство Кенсингтон, чтобы она играла вместе с маленькой Карой. Сафия плохо помнила тот день. За ней пришел высокий мужчина. Это был Реджинальд Кенсингтон, отец Кары.

Сафии отвели отдельную комнату. Поскольку девочки были одного возраста и отличались буйным нравом, они быстро сдружились. Ночами они делились друг с другом самыми сокровенными тайнами, шепотом рассказывали о своих мечтах, накрывшись с головой одеялом, днем играли среди финиковых пальм, убегали в кино. То было чудесное время – бесконечное сладостное лето.

Когда девочкам исполнилось по десять лет, лорд Кенсингтон объявил, что Кара отправляется на два года учиться в Англию. Оглушенная известием Сафия выбежала из-за стола, даже не извинившись. Она укрылась у себя в комнате, с ужасом представляя себе возвращение в приют, чувствуя себя игрушкой, которую за ненадобностью убирают в коробку. Но Кара разыскала ее. «Я не смогу жить без тебя, – заверила она подругу среди слез и объятий. – Я уговорю папу взять тебя с собой». И ей это удалось.

Сафия на два года отправилась в Англию вместе с Карой. Они учились как лучшие подруги, как сестры. В Оман вернулись неразлучными, а образование завершили в Маскате. И все было прекрасно до того дня, когда Кара вернулась домой из поездки на охоту, приуроченную к ее дню рождения, – обгоревшая на солнце, умирающая от ужаса.

Отца с ней не было. Официальная версия гласила, что Реджинальд Кенсингтон погиб, провалившись в карстовый разлом, однако его тело так и не нашли.

С тех пор Кара стала другой. Она по-прежнему держала Сафию при себе, однако теперь это была уже не искренняя дружба, а скорее, поддержание чего-то привычного. Кара с головой ушла в учебу, и к тому же на ней теперь лежало бремя ответственности за все отцовские начинания.

Кара окончила Оксфорд в девятнадцать лет. Она очень быстро проявила себя удачливым финансистом и сумела, еще учась в университете, утроить капитал, оставленный отцом. Компания «Кенсингтонские нефтяные скважины» продолжала расти, расширяла деятельность в новые сферы, занимаясь компьютерными технологиями, борьбой с засолением почв, телевидением. Тем не менее Кара ни на минуту не забывала об источнике семейного состояния – нефти. «Кенсингтонские скважины» в борьбе за выгодные контракты на нефтедобычу обошли могущественную корпорацию «Халлибертон».

Кара не забывала не только про нефтяную компанию, но и про Сафию. Она продолжала оплачивать образование подруги, в том числе шесть лет обучения в Оксфорде. Сафия защитила докторскую диссертацию по археологии и была взята на работу в «Кенсингтонские скважины», а затем стала опекуном детища Кары в Британском музее – собрания археологических ценностей с Аравийского полуострова, начало которому положил Реджинальд Кенсингтон. Это его начинание также процветало под руководством Кары и разрослось до крупнейшей коллекции во всем мире. Два месяца назад королевская семья Саудовской Аравии предприняла попытку купить ее, чтобы вернуть раритеты на Аравийский полуостров. По слухам, предполагаемая сделка оценивалась в сотни миллионов фунтов.

Кара ответила отказом. Для нее этот своеобразный мемориал в память ее отца был дороже любых денег. Хотя его тело так и не обнаружили, здесь, в отдаленном крыле Британского музея, стояла, по сути, его гробница, наполненная историей и богатством Аравии.

Сафия смотрела через плечо подруги на монитор, передававший в реальном времени изображение дымящихся руин того, во что она вложила столько сил. Оставалось только

гадать, что значит потеря коллекции для Кары. Наверное, это сравнимо с осквернением могилы ее отца.

– Кара... – начала Сафия, надеясь, что неминуемый удар смягчится, если подруга услышит ужасную новость от того, кто разделяет ее переживания. – Галерея погибла.

– Знаю. Эдгар уже все мне сказал.

В голосе Кары не чувствовалось растерянности. К ней вернулась привычная властность. Несомненно, потеря коллекции вскоре после отклонения предложения саудовской королевской семьи пробудила подозрения у Кары. Молодая женщина обвела взглядом присутствующих.

– Что произошло? Кто это сделал?

Леди Кенсингтон без промедления предложили снова прокрутить запись видеонаблюдения. При этом Сафия вспомнила, как ее строго предупредили о неразглашении того, что она увидит. Каре ничего подобного не сказали. Богатство обладает своими привилегиями.

Сафия отвернулась от экрана монитора и пристально следила за Карой, опасаясь того, какое страшное потрясение может нанести увиденное. Краем глаза Сафия поймала последнюю яркую вспышку взрыва, после чего экран погас. В течение всего просмотра лицо Кары оставалось неподвижным, будто высеченное из мрамора, сосредоточенное – богиня Афина, погруженная в раздумья.

Кара медленно закрыла глаза. Не от ужаса или боли – Сафия слишком хорошо знала настроения подруги, – а с глубоким облегчением. Губы Кары зашевелились в почти беззвучном шепоте, произнеся одно-единственное слово, которое уловил только слух Сафии.

– Наконец-то...

2. Охота на лис

*14 ноября, 7 часов 04 минуты
по восточному поясному времени
Ледьярд, штат Коннектикут*

Ключом к удачной охоте является терпение.

Пейнтер Кроу стоял на своей родной земле, которую племя его предков называло Машантакетом, «местом, заросшим густым лесом». Но там, где застыл в ожидании Пейнтер, не было ни лесов, ни пения птиц, ни шепота ветра. Здесь гремели игровые автоматы, звенели монеты, а безжизненный воздух, хоть и прогоняемый через системы очистки, все равно был пропитан табачным дымом.

Центр отдыха Фоксвудс – крупнейший игровой комплекс во всем мире и превосходит все, что можно найти в Лас-Вегасе и даже в Монте-Карло. Расположенный на окраине убогой деревушки Ледьярд в штате Коннектикут огромный комплекс величественно поднимался над густыми лесами резервации Машантакет. Помимо шести тысяч игровых автоматов и нескольких сотен игровых столов он включал в себя три отеля высшего уровня. Весь комплекс принадлежал племени пеко, «лисьему народу», охотившемуся на этих землях тысячи лет.

Однако сейчас Пейнтер Кроу – так он перевел на английский язык свое имя Пестрый Ворон – охотился не на оленя и не на лисицу.

Его целью был китайский специалист-компьютерщик. Цзинь Чжан, более известный по прозвищу Хаос, считался непревзойденно талантливым взломщиком компьютерных кодов, одним из лучших Китае хакеров. Ознакомившись с его досье, Пейнтер проникся уважением к худому человеку в костюме от Ральфа Лорена. На протяжении трех последних лет Чжан осуществил несколько успешных операций компьютерного шпионажа на американской территории. Его последняя добыча – технологии изготовления плазменного оружия, похищенные из лаборатории в Лос-Аламосе.

Наконец дичь, за которой охотился Пейнтер, поднялась из-за стола.

– Доктор Чжан, вы желаете завершить игру? – вежливо поинтересовался банкомет, стоявший в голове стола, словно капитан на носу корабля.

В семь часов утра китайский компьютерщик оставался единственным игроком в зале, если не считать его телохранителей. Безлюдье вынуждало Пейнтера следить за своей добычей издалека. Ни в коем случае нельзя пробуждать подозрение. Особенно в такой час.

Чжан пододвинул кучку черных фишек скучающей кассирше. Пока та отсчитывала деньги, Пейнтер изучал свою цель.

Своей внешностью Цзинь Чжан полностью соответствовал стереотипу китайца, сложившемуся на Западе, – он был непроницаем. На его абсолютно невозмутимом лице не отражалось никаких чувств, никаких эмоций, которые могли бы подсказать, хорошие или плохие карты у него на руках. Чжан просто вел свою игру – и все.

Глядя на него, никто бы не заподозрил, что это искусный преступник, за которым охотятся органы правосудия пятнадцати стран. Чжан был одет как типичный западный бизнесмен: ладно скроенный костюм в едва заметную полоску, шелковый галстук, часы «Ролекс» в платиновом корпусе. И все же в его облике ощущалась какая-то суровая эстетика. Его блестящие черные волосы были выбриты вокруг ушей и на затылке так, что осталась лишь жесткая щетка на макушке, вроде тонзуры наоборот. Очки в металлической оправе с круглыми и чуть затемненными стеклами придавали лицу сосредоточенное, задумчивое выражение.

Наконец кассирша помахала руками над горкой фишек, демонстрируя пустые ладони и пальцы камерам видеонаблюдения, спрятанным в черных зеркальных куполах под потолком.

– Ровно пятьдесят тысяч долларов, – подвела итог она.

Банкомет кивнул. Кассирша отсчитала пятьдесят тысячедолларовых купюр.

– Пусть вам и дальше сопутствует везение, сэр, – пожелал Чжану банкомет.

Даже не кивнув, Чжан удалился в сопровождении двоих телохранителей. Он провел за игральным столом всю ночь. За окнами уже брезжил рассвет.

Через три часа форум по кибернетическим преступлениям продолжит свою работу. На нем обсуждаются последние мировые тенденции в хищении компьютерной информации, защите внутренних структур и бесчисленное количество других тем, посвященных безопасности. Через два часа начнется завтрак-симпозиум, организованный компанией «Хьюлетт-Пакард». Во время него Чжан и передаст имеющиеся у него данные. Личность того, кто выйдет с ним на связь, оставалась до сих пор неизвестной. Установить его – одна из главных задач операции, проводимой в Фоксвудсе. Мало предотвратить передачу совершенно секретной информации об оружии нового поколения, необходимо также выйти на американского представителя теневой сети, занимающейся торговлей военными технологиями и секретами. Операция ни в коем случае не должна закончиться неудачей.

Пейнтер следил за группой из трех человек. Начальство УППОНИР отобрало лично его для выполнения этого задания, учитывая его опыт в наружном наблюдении, знание компьютерных технологий и прежде всего его способность незаметно раствориться в Фоксвудсе.

Будучи полукровкой, Пейнтер унаследовал от отца внешность, позволяющую сойти за индейца племени пеко. Потребовалось лишь позагорать несколько раз в солярии и поставить коричневые контактные линзы, скрывшие доставшиеся от матери голубые глаза. И теперь Пейнтер, со схваченными в хвостик иссиня-черными волосами до плеч, представлял собой полную копию отца. Для завершения превращения он надел форменный смокинг сотрудника казино с вышитой на нагрудном кармане эмблемой племени пеко – деревом на холме на фоне ясного неба.

Пейнтер продолжал издали осторожно следить за Чжаном. Его взгляд ни разу не задержался на китайском хакере и его телохранителях. Пейнтер наблюдал за тремя мужчинами периферийным зрением, максимально используя естественное прикрытие. Он выслеживал свою добычу сквозь частокол мигающих игровых автоматов и просторные луга зеленых бархатных столов. Сохраняя расстояние, Пейнтер постоянно менял скорость и направление движения.

У него в ухе жужжала китайская речь – голос Чжана, пойманный мощным направленным микрофоном. Чжан направлялся в свой номер люкс.

Прижав к горлу ларингофон, Пейнтер беззвучно проартикулировал слова:

– Санчес, как ты принимаешь сигнал?

– Громко и отчетливо, командер.

Кассандра Санчес, его напарница, затаилась в номере напротив люкса Чжана и наблюдала за входом.

– Как работает подкожник? – спросил Пейнтер.

– Наш приятель должен поскорее сесть за свой компьютер. У «жучка» подходит к концу горючее.

Пейнтер нахмурился. «Жучок» был закреплен на теле китайца вчера во время сеанса массажа. Латиноамериканское лицо Санчес оказалось достаточно смуглым для того, чтобы ее приняли за индианку. Вчера вечером, делая Чжану массаж, Кассандра имплантировала микропередатчик – мгновенный укол остался незамеченным за усиленной работой уме-

лых пальцев молодой женщины. Санчес залепила крошечную ранку хирургическим клеем с обезболивающим. К тому времени как массаж завершился, клей засох, заживив ранку. Однако срок жизни цифрового микропередатчика составлял всего двенадцать часов.

– Сколько времени еще осталось?

– Самая оптимистичная оценка – восемнадцать минут.

– Проклятье!

Пейнтер снова полностью сосредоточился на голосе своей добычи.

Чжан говорил тихо, чтобы его слышали только телохранители. Пейнтер, свободно владеющий пекинским диалектом китайского языка, слушал. Он надеялся, что Чжан хоть словом обмолвится о том, когда собирается забрать файл с данными о плазменном оружии. Однако его ждало разочарование.

– Приготовьте девчонку, – распорядился китайский хакер. – Я займусь ею после того, как приму душ.

Пейнтер стиснул кулак. Девчонке было всего тринадцать лет. Вывезенная из Северной Кореи, она фактически находилась в положении рабыни. «Это моя дочь», – объяснял Чжан тем, у кого возникало желание спросить. Если подозрения Пейнтера окажутся обоснованными, к длинному списку преступлений, в которых обвиняется Чжан, добавится соращение несовершеннолетних.

Следуя за своей добычей, Пейнтер обогнул разменную кассу и направился вдоль длинного ряда игровых автоматов. Один из них бравурно запищал, возвещая о выпавшем джекпоте. Счастливчик – мужчина средних лет в спортивном костюме – огляделся по сторонам, ища, с кем можно поделиться своей радостью. Вокруг не было никого, кроме Пейнтера.

– Я выиграл всего на один доллар! – торжествующе воскликнул удачливый мужчина. Судя по красным, опухшим глазам, он провел в игровом зале всю ночь.

Пейнтер кивнул и, проходя мимо, повторил фразу банкюмета:

– Пусть вам и дальше сопутствует везение, сэр!

На самом деле здесь выигравших не было, если не считать казино. Одни игровые автоматы принесли в прошлом году восемьсот миллионов долларов чистой прибыли. Похоже, племя пеко далеко ушло от разработки песчаных и гравийных карьеров, чем занималось в восьмидесятые годы прошлого века.

К несчастью, игорный бум обошел стороной отца Пейнтера. Как раз в начале восьмидесятых он уехал из резервации и отправился искать счастья в Нью-Йорк. Там он познакомился с матерью Пейнтера, пылкой итальянкой, которая в конце концов зарезала своего супруга после семи лет замужества и рождения сына. Мать отправилась на электрический стул, а Пейнтер воспитывался в различных детских приютах, где быстро усвоил, что лучше хранить молчание и оставаться невидимым. Это стало его первым уроком жизни. Но не последним.

Показав охраннику отеля ключ от номера, Чжан в сопровождении телохранителей вошел в главный вестибюль башни Большой Пеко и направился к лифтам.

Пейнтер прошел мимо. Под мышкой в скрытой смокингом кобуре у него лежал пистолет девятого калибра. Пейнтер с трудом подавил желание достать оружие и выстрелить Чжану в затылок – именно так в Китае приводят в исполнение смертные приговоры. Однако этим он не достигнет главной цели: не вернет наброски и предварительные расчеты орбитальной плазменной пушки.

Чжану удалось похитить информацию с защищенного федерального сервера, оставив после себя компьютерный вирус. На следующее утро сотрудник лаборатории Лос-Аламоса Гарри Кляйн открыл файл, тем самым непроизвольно активизировав вирус, который уничтожил все сведения об оружии и параллельно проложил ложный след, указывающий на самого Кляйна. Эта компьютерная уловка стоила следователям двух недель труда, потраченных впустую.

Несколько десятков специалистов УППОНИР копались в дерьме, оставленном вирусом, прежде чем смогли установить настоящего вора – Цзинь Чжана, мастера компьютерного шпионажа, который официально числился работником компании «Чангнет», занимающейся телекоммуникациями в Шанхае. По данным ЦРУ, украденная информация в настоящее время находилась на портативном компьютере, лежавшем в чемоданчике в номере Чжана. Накопитель на жестком магнитном диске был оборудован сложной системой криптографической защиты. Одна ошибка при вводе пароля доступа – и компьютер сотрет всю информацию.

Допустить этого нельзя было ни в коем случае. После разрушительной атаки вируса в Лос-Аламосе не осталось ничего. Потеря результатов проведенных исследований отбросит работы на целых десять месяцев назад. Но что гораздо хуже, если информация попадет к китайцам, это позволит им совершить скачок сразу на пять лет вперед. В файлах содержались данные о феноменальных открытиях и новейших технологиях. Задача УППОНИР состояла в том, чтобы вернуть их. А для этого надо завладеть компьютером Чжана и узнать пароль доступа.

Время истекало.

Пейнтер проследил по отражению в автомате «колесо фортуны», как Чжан и телохранители вошли в кабину скоростного лифта, который без остановок поднимался на верхний этаж к номерам люкс.

Пейнтер прошептал в ларингофон:

– Они поднимаются.

– Понятно, командер. Теперь дело за тобой.

Пейнтер стремительно бросился к соседнему лифту. Двери его перекрывала ярко-желтая лента с надписью крупными черными буквами: «Лифт не работает». Нажав кнопку, Пейнтер поднырнул под ленту. Как только двери открылись, он заскочил в кабину и снова прижал ларингофон.

– Готов. Давай!

– Держись! – ответила Санчес.

Двери закрылись, и Пейнтер, широко расставив ноги, прижался спиной к стене кабины, обитой красным деревом. Лифт рванулся вверх, вжимая Пейнтера в пол. Он напряг мышцы и следил за тем, как быстро меняются светящиеся цифры табло. Санчес специально поработала с этим лифтом, добиваясь максимальной скорости. Кроме того, она подстроила так, чтобы лифт Чжана замедлился на двадцать четыре процента, что было практически незаметно.

Достигнув тридцать второго этажа, лифт вздрогнул, начиная останавливаться. Пейнтера оторвало от пола и подбросило в воздух так, что он успел сделать долгий вдох и только потом упал вниз. Не дожидаясь, когда двери полностью откроются, Пейнтер выскочил из кабины, не потревожив желтую ленточку ограждения. Он взглянул на табло соседнего лифта. Чжану оставалось подняться еще три этажа.

Надо поторопиться. Пробежав по коридору, Пейнтер нашел номер Чжана.

– Какая у нас диспозиция? – шепнул он в микрофон.

– Девушка прикована наручниками к кровати. Двое телохранителей играют в карты в большой комнате.

– Понял.

Санчес установила видеокамеры со световодами в вентиляторы системы отопления номера. Пейнтер отпер дверь номера напротив и шагнул внутрь.

Кассандра Санчес сидела в окружении приборов и мониторов систем электронного наблюдения, словно паук в центре своей паутины. Она была одета во все черное, от высоких ботинок до блузки. Даже кожаная кобура под мышкой была в тон. Санчес оснастила свой

пистолет сделанной на заказ резиновой рукояткой и переставила рычажок предохранителя под большой палец левой руки. Стреляла она без промаха. Как и Пейнтер, молодая женщина прошла обучение в войсках специального назначения и только затем была зачислена в отряд «Сигма».

Санчес встретила Пейнтера радостным блеском глаз: чувствовалось восторженное возбуждение приближающегося конца партии. При виде ее у Пейнтера участилось дыхание. Грудь молодой женщины распирала тонкую ткань блузки, перетянутой ремнями кобуры. Пейнтеру пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд. Они с Санчес работали в паре вот уже пять лет, и лишь недавно его отношение к ней приобрело романтический оттенок. Начались заходы в бары после работы, которые постепенно сменились долгими ужинами в ресторанах. И все же определенное расстояние между ними до сих пор осталось, некая последняя черта еще не была пересечена. Словно прочтя мысли Пейнтера, Санчес отвела взгляд.

– Ублюдку пора бы уже и появиться, – заметила она, поворачиваясь к мониторам. – Нам нужно, чтобы он открыл эти файлы в течение ближайшей четверти часа, в противном случае... Проклятье!

– В чем дело? – шагнул к ней Пейнтер.

Молодая женщина указала на один из мониторов. На нем было выведено трехмерное сечение верхних этажей башни Большой Пеко, по которому двигался маленький красный крестик.

– Он снова едет вниз!

Крестик отмечал положение микропередатчика, который сейчас быстро опускался вниз.

Пейнтер стиснул кулак.

– Что-то его спугнуло. После того как Чжан вошел в лифт, он связывался со своим номером?

– Ни единым словом.

– Компьютер все еще там?

Санчес указала на другой монитор, на который выводилось черно-белое изображение внутренних помещений номера Чжана. Чемоданчик с ноутбуком по-прежнему лежал на чайном столике. Если бы не пароль! Как было бы просто ворваться в номер и скрыться, прихватив компьютер! Однако для доступа к хранящейся в нем информации необходимы ключи, которые известны только одному Чжану. Имплантированный «жучок» будет фиксировать каждое нажатие клавиши, запоминая код, и тогда, узнав пароль, можно будет арестовать Чжана и его подручных.

– Я должен спуститься вниз. Мы не можем его потерять, – сказал Пейнтер.

Ему необходимо было находиться поблизости от Чжана, потому что радиус действия микропередатчика не превышал двухсот ярдов.

– Если он догадался...

– Знаю!

Пейнтер бросился к двери. Чжана придется ликвидировать. Все файлы в этом случае окажутся безвозвратно потеряны, но, по крайней мере, оружие не попадет в Китай. Это был запасной вариант. Любые меры предосторожности должны быть многоуровневыми. За одной из вентиляционных решеток номера Чжана даже была спрятана электромагнитная граната. В любой момент можно дистанционно «взорвать» ее – сгенерировать электромагнитный импульс, который запустит защитные системы компьютера, что приведет к уничтожению всех данных.

Пробежав по коридору, Пейнтер снова поднырнул под желтую ленту. Заскочил в кабину лифта. Прижал ларингофон к горлу.

– Ты можешь спустить меня вниз раньше их?

– Держи свои яйца! – ответила Санчес.

Прежде чем Кроу успел последовать ее совету, пол кабины провалился у него под ногами. Пейнтер ощутил невесомость, затянувшуюся надолго. Желудок будто поднялся к горлу. Кабина перешла в свободное падение. Пейнтер испытал панику, нарастающую тошнотворными позывами. Затем пол кабины, казалось, подпрыгнул вверх. Устоять на ногах не было никакой возможности. Пейнтер рухнул на колени. Наконец обратное ускорение прекратилось, и кабина плавно замерла.

Двери открылись. Шатаясь, Пейнтер поднялся на ноги. Тридцать этажей меньше чем за пять секунд. Наверное, это абсолютный рекорд. Кроу вышел из лифта в вестибюль и посмотрел на цифры над соседним лифтом.

Чжан как раз проезжал мимо второго этажа.

Пейнтер отступил на несколько шагов назад, достаточно далеко, чтобы не вызывать подозрений, но при этом прикрывая выход: обычный сотрудник охраны казино.

Кабина опустилась вниз, и двери открылись. Пейнтер следил за отражением в полированных латунных дверях лифта напротив. Нет, только не это... Развернувшись, он бросился к скоростному лифту. В кабине никого не было!

Неужели Чжан вышел на другом этаже? Пейнтер глянул в пустую кабину. Это невозможно. Скоростной лифт может останавливаться только на первом и последнем этажах. Правда, можно было нажать кнопку экстренной остановки, а затем открыть двери вручную.

И тут Пейнтер заметил приклеенный к дальней стене кабины блестящий кусочек пластмассы. «Жучок»!

Чувствуя, как бешено колотится сердце, угрожая выскочить из грудной клетки, Пейнтер вошел в кабину лифта. Его взгляд застыл на крошечном электронном устройстве, приклеенном к стене. Он оторвал микропередатчик и внимательно его осмотрел. Чжан перехитрил Пейнтера, заманил в ловушку.

О господи...

Пейнтер прижал ларингофон к горлу.

– Санчес!

Ответа не последовало.

Развернувшись, он нажал кнопку, обозначенную просто «номера люкс». Двери закрылись слишком медленно. Пейнтер принялся метаться в тесной кабине, словно лев в клетке. Он снова попытался связаться по радио. Ответа не было. Лифт начал подниматься. Пейнтер забарабанил кулаком в стену. Обшивка из красного дерева затрещала под ударами.

– Черт поberi... Шевелись же, твою мать!

Но он понимал, что уже слишком поздно.

14 часов 38 минут по Гринвичу

Лондон, Англия

Сафия стояла в коридоре в нескольких шагах от входа в Кенсингтонскую галерею, не в силах дышать. Причем дело было не в зловонии обгоревшей древесины и паленой изоляции электрических проводов. Всему виной было ожидание. Все утро Сафия наблюдала за тем, как следователи и эксперты британских правоохранительных ведомств ходили в галерею и обратно. Ей же доступ туда был закрыт.

Гражданским не позволялось проходить за желтую ленту ограждения мимо настроенных взглядов часовых из армейских подразделений. Наконец полдня спустя Сафии было разрешено зайти внутрь, увидеть собственными глазами опустошительные последствия пожара. В это мгновение ей казалось, что ее грудь стиснута огромным каменным кула-

ком. Сердце перепуганным голубем металось в грудной клетке. Что она увидит? Можно ли будет что-нибудь спасти?

Сафия чувствовала себя такой же опустошенной и разоренной, как галерея. Работа в музее составляла не только научную часть ее жизни. После Тель-Авива Сафия заново обрела здесь свое сердце. Хотя она и покинула родину, но не рассталась с ней, она восстановила Аравию здесь, в Лондоне. Возродила Аравию, какой она была до появления террористов, создала осязаемый рассказ об истории своей земли, о ее несравненных красотах, о древних временах и неразгаданных тайнах. Когда Сафия шла по залам, окруженная реликвиями давно минувших эпох, она слышала под ногами хруст песка, ощущала лицом жар солнечных лучей, чувствовала во рту вкус свежесорванных фиников. Это был ее дом, место, где можно ничего не бояться.

Нет, это было даже нечто большее. Она построила этот дом не только для себя, но также и для своей матери, которую совсем не помнила. Иногда, задерживаясь в музее до позднего вечера, Сафия вдруг чувствовала в воздухе едва уловимый аромат жасмина, воспоминание из далекого детства, единственное, что осталось от матери.

И вот теперь ничего этого не стало. Горе Сафии не имело пределов.

– Нам разрешили пройти внутрь.

Вздвигнув, Сафия посмотрела на Райана Флемминга. Начальник службы безопасности нес бремя ожидания вместе с ней, хотя, похоже, ему все-таки удалось урвать минутку сна.

– Я пойду вместе с вами, – сказал он.

Заставив себя сделать вдох, Сафия кивнула. Сейчас это было единственное, чем она могла отблагодарить Флемминга за его доброту и сочувствие. Сафия двинулась следом за другими сотрудниками музея. Все они вызвались помочь составить опись экспонатов галереи. Эта работа потребует многих недель.

Сафия шла вперед, охваченная стремлением поскорее оказаться в галерее и страхом перед тем, что она может там застать. Небольшая группа прошла мимо последнего ограждения. Защитную решетку сняли и отвезли в лабораторию коронера. Сафия невольно обрадовалась. У нее не было ни малейшего желания смотреть на останки Гарри Мастерсона.

Остановившись у входа в галерею, она заглянула внутрь. Несмотря на просмотр видеозаписи, Сафия оказалась не готова к тому, что увидела. Светлая, яркая галерея теперь представляла собой анфиладу закопченных пещер, пять склепов со стенами из обугленного кирпича.

У Сафии перехватило дыхание. Рядом послышались приглушенные восклицания. Огненная буря не пощадила ничего. Обшивка стен сгорела дотла, обнажив кирпич. Ни один предмет не остался на своем месте, за исключением одинокой вавилонской вазы в центре галереи. Высотой примерно по пояс, ваза, хотя и покрытая копотью, стояла вертикально. Сафии приходилось читать, что то же самое порой происходит во время смерча, который, безжалостно поломав дома и опустошив парк, оставляет среди разрухи велосипед, мирно стоящий на подножке.

Объяснению это не поддавалось.

В помещениях по-прежнему чувствовался сильный запах дыма, а пол покрывал слой черной от сажи воды толщиной в несколько дюймов, которая осталась от потопа, устроенного пожарными брандспойтами.

– Вам надо надеть сапоги и каску, – сказал Флемминг и, положив Сафии руку на плечо, подвел к выставленным в шеренгу резиновым сапогам. Сафия рассеянно взяла одну пару.

– С чего начинать? – растерянно пробормотал кто-то.

Надев сапоги и каску, Сафия механически шагнула в галерею, двигаясь словно во сне и озираясь по сторонам. Она прошла через анфиладу залов. Когда молодая женщина достигла конца галереи, под каблуком сапога у нее что-то хрустнуло. Сафия нагнулась, пошарила в

воде и подняла с пола кусок камня. Его поверхность была покрыта клинописью. Это был осколок ассирийской таблички, наследие древней Месопотамии. Выпрямившись, Сафия обвела взглядом то, что осталось от Кенсингтонской галереи.

Только сейчас она заметила других людей. Посторонних в своем доме.

Люди работали небольшими группами, переговариваясь друг с другом вполголоса, словно на кладбище. Строительные эксперты выясняли, насколько сильно пострадали несущие конструкции; пожарные снимали показания карманными приборами. В углу кучка муниципальных инженеров спорила о финансировании и подрядах на восстановительные работы; полицейские охраняли пролом в наружной стене. Строители уже сколачивали из досок грубые щиты, чтобы временно закрыть его.

В пролом были видны зеваки, толпящиеся на противоположной стороне улицы. Их сдерживало полицейское оцепление. Зеваки демонстрировали завидное упорство, учитывая, что утренняя морось к полудню сменилась мокрым снегом. В сгущающихся сумерках сверкали вспышки фотоаппаратов туристов.

Сафия ощутила приступ ярости. Ей нестерпимо захотелось вышвырнуть отсюда всех. Это ее территория, ее дом. Гнев помог ей сосредоточиться, вернуться к насущным проблемам. У нее есть ответственность, долг.

Сафия перевела взгляд на ученых и студентов, работавших в музее. Все уже начали копаться в завалах. Было трогательно видеть, как оказались забыты на время мелочные профессиональные разногласия.

Молодая женщина направилась назад к входу, готовая организовать работу тех, кто вызвался помочь. Но когда она дошла до первого зала, в дверях появилась большая группа людей. Впереди решительно шагала Кара, облаченная в рабочий комбинезон, в ярко-красной каске с логотипом компании «Кенсингтонские нефтяные скважины». Она возглавляла команду человек из двадцати, одетых так же, как она, в таких же красных касках.

Сафия подошла к подруге.

– Кара?

Они не виделись с самого утра. Кара куда-то исчезла вместе с директором музея, судя по всему, чтобы помочь координировать работу различных следственных бригад полиции и пожарных. Похоже, состояние в несколько миллиардов фунтов стерлингов придавало определенный вес.

Кара махнула рукой, направляя свой маленький отряд в галерею.

– За работу!

Она повернулась к Сафии.

– Я наняла своих собственных криминалистов.

Сафия проводила изумленным взглядом маленькую армию, разлившуюся по залам. Но вместо пистолетов и автоматов эти солдаты были вооружены всевозможными приборами.

– Что происходит? Зачем тебе все это?

– Я хочу узнать, что произошло.

Кара с удовлетворением смотрела, как ее отряд принялся за работу. В глазах у нее горела решимость. Сафия уже давно не видела на лице подруги такого выражения. Подобной искрящейся силы в Каре не было уже много лет. Такое пылкое рвение могло возникнуть у нее только в одном случае – если это касалось отца.

Сафия вспомнила сверкнувшее в глазах подруги необъяснимое облегчение, когда Кара просматривала видеозапись взрыва, и единственное произнесенное ею слово: «Наконец-то».

Кара прошла в галерею. Ее специалисты уже собирали образцы с различных поверхностей. Кара подошла к двум мужчинам, которые с помощью металлоискателей исследовали пол. Один из них вытащил из груды обгоревшего мусора кусок оплавленной бронзы и отложил его в сторону.

- Я хочу найти все до одного обломки метеорита, – распорядилась Кара.
Кивнув, мужчины продолжили работу.
Сафия подошла к подруге.
– Что именно ты здесь ищешь?
Кара обратила на нее свой горящий взор.
– Ответы.
Сафия увидела в сжатых губах подруги надежду.
– О твоём отце?
– Об обстоятельствах его смерти.

16 часов 20 минут

Кара сидела в коридоре на складном стульчике. В разоренных залах галереи продолжалась работа, жужжали вентиляторы. До молодой женщины едва доносились приглушенные голоса рабочих, суетившихся в северном крыле. Она вышла сюда выкурить сигарету. Кара уже давно бросила курить, но ей нужно было чем-нибудь занять свои руки. У нее дрожали пальцы.

Найдется ли у нее силы надеяться?

Появившаяся в дверях Сафия увидела подругу и направилась было к ней. Кара махнула рукой, показывая сигарету:

– Я только на минутку.

Сафия постояла, задумчиво глядя на нее, затем, кивнув, вернулась в галерею.

Кара сделала еще одну затяжку, наполняя легкие дымом, однако это никак не помогло ей успокоиться. Она была на пределе сил – ночной адреналин уже начинал рассасываться – и перевела взгляд на бронзовую табличку у входа в галерею. На ней был высечен профиль отца Кары, основателя Кенсингтонской галереи.

Молодая женщина выдохнула струюку дыма, скрывшего табличку. Папа...

В глубине галереи что-то упало. Громкий стук, похожий на выстрел, напомнил о прошлом, об охоте в песках. Кара погрузилась в воспоминания.

Поездка на охоту в ее шестнадцатый день рождения была подарком отца...

Аравийский сернобык бежал вверх по склону бархана. Белая шкура антилопы отчетливо выделялась на фоне красноватого песка. Белоснежное одеяние благородного животного оттеняли лишь черное пятнышко на кончике хвоста и маска такого же цвета, скрывающая глаза и нос. Антилопа оставляла за собой кровавый след из раны на ляжке.

Пытаясь убежать от охотников, сернобык глубоко вонзал копыта в рыхлый песок. Напрягая силы, животное поскакало к гребню бархана, и кровь хлынула обильной струей. Пара длинных, заостренных рогов вспарывала неподвижный воздух в такт судорожным движениям мышц шеи антилопы, сопровождавшим каждый ярд, добытый такими усилиями.

Кара услышала пронизанный болью крик животного сквозь рев двигателя четырехколесного мотоцикла-вездехода с широкими шинами. В запале стиснув руль, она устремилась вверх по склону огромного бархана. Мотоцикл перевалил через гребень, и Кара на мгновение зависла в воздухе, взлетев над седлом. Ее нос и рот закрывал платок цветом в тон желто-коричневому охотничьему костюму. Собранные в пучок светлые волосы Кары взметнулись, словно хвост дикого мустанга.

Отец, с закинутым за спину карабином, мчался следом на другом мотоцикле. Его рот также укрывал завязанный на затылке платок. Лицо обгорело на аравийском солнце до черноты кожаного седла; волосы приобрели песчано-серый оттенок. Реджинальд Кенсингтон поймал на себе взгляд дочери.

– Мы уже совсем близко! – крикнул он, перекрывая натужный рев двигателей.

Он прибавил газу и помчался вверх по наветренному склону бархана. Пригнувшись к рулю, Кара последовала за ним. Проводник-бедуин не отставал от них. Именно Хабиб вывел охотников на добычу. И меткий выстрел бедуина ранил антилопу. Пораженная мастерством стрелка, поразившего сернобыка на бегу, Кара пришла в бешенство, узнав, что Хабиб умышленно стрелял так, чтобы не убить животное, а только ранить его.

– Чтобы она бежать медленнее, – объяснил он на ломаном английском. – Это для девочка...

Кара была разъярена подобной жестокостью... и оскорблением, нанесенным ей. Она с шести лет охотилась вместе с отцом. Сама прекрасный стрелок, девушка предпочитала убивать добычу наповал. Умышленное нанесение несмертельной раны было в ее глазах неоправданным зверством.

Кара выкрутила до отказа ручку газа. Колеса подняли фонтаны песка.

Многие, особенно в Англии, с осуждением качали головой, глядя на то, как воспитывалась Кара, сожалея, что без матери из девочки получился настоящий сорванец. Сама Кара понимала, что это не так. Она объехала полмира, умела постоять за себя, дралась кулаками и ножом, росла, не обращая внимания на грань, разделяющую мужчин и женщин.

Спустившись к основанию бархана, Кара и проводник настигли отца, застрявшего в «верблюжьей лежанке» – полосе рыхлого песка, который засасывал не хуже зыбучих песков. Они проехали мимо, обдав его облаком пыли.

Выбравшись наконец из ловушки, отец помчался вверх по склону следующего бархана, огромной горы красного песка высотой шестьсот футов.

Кара первой достигла вершины гребня и сбросила скорость, чтобы посмотреть, что ждет ее внизу. И очень хорошо, что так сделала. Склон бархана резко обрывался над широкой полосой ровного песка. Если бы Кара выскочила на гребень на всем ходу, она могла запросто полететь вниз кубарем.

Догнавший Кару Хабиб махнул рукой, призывая ее остановиться. Девушка послушно подчинилась. Она выключила передачу, и двигатель мотоцикла тихо затарахтел на холостых оборотах. Сейчас, когда она остановилась, жара осязаемо легла ей на плечи, однако девушка едва ощутила это. Дыхание вырвалось у нее из груди долгим вздохом, проникнутым благоговейным восхищением.

С вершины бархана открывался величественный вид. Клонящееся к горизонту солнце превратило песчаную равнину в сверкающее стекло. Тут и там переливались лужицами тепловые миражи, создавая иллюзию просторных озер, – лживые обещания этой беспощадной пустыни.

Однако взгляд Кары оказался прикован не к этому. Посреди равнины поднимался спиралью одинокий песчаный столб, упирающийся в облако пыли высоко в небе. Это был «песчаный дьявол».

Каре уже приходилось видеть подобные явления, в том числе и страшные песчаные бури, которые налетали словно из ниоткуда и так же внезапно прекращались. Но это зрелище почему-то глубоко поразило ее. Вероятно, все дело было в том, как абсолютно неподвижно он застыл на песчаной равнине. В этом было что-то таинственное и странное.

Хабиб, опустив голову, бормотал слова молитвы.

В этот момент к ним присоединился сэр Реджинальд.

– Вот она! – задыхаясь, воскликнул он, указывая на основание крутого склона.

Антилопа с трудом ковыляла по глубокому песку, сильно хромая.

Прервав молитву, Хабиб поднял руку.

– Нет, мы не ходить дальше!

Отец Кары нахмурился.

– Что ты говоришь?

Проводник стоял, глядя вдаль. Его глаза прятались за темными очками-консервами, оставшимися от солдат немецкого корпуса «Африка».

– Мы не ходить дальше, – сдавленным голосом повторил Хабиб. – Это земля ниснасы, туда ходить нельзя. Мы должны вернуться.

Реджинальд Кенсингтон рассмеялся.

– Чепуха, Хабиб.

– Папа, в чем дело? – спросила Кара.

Отец, покачивая головой, объяснил:

– Ниснасы – это сказочные чудовища, обитающие в безлюдных пустынях. Черные джинны, призраки, бродящие в песках.

Кара снова перевела взгляд на непроницаемое лицо проводника. Пустыня Руб-эль-Хали, знаменитая «пустыня пустынь», представляла собой крупнейшее в мире песчаное пространство, в сравнении с которым меркла даже Сахара. Огромная пустыня породила множество самых невероятных преданий, и по-прежнему находились те, кто продолжал в них верить. К их числу, судя по всему, относился и проводник.

Отец Кары прикрутил ручку газа.

– Кара, я обещал подарить тебе охоту, и я тебя не разочарую. Но если ты хочешь вернуться назад...

Кара колебалась, переводя взгляд с Хабиба на отца, разрываясь между страхом и решимостью, между мифами и реальностью. Здесь, в самом сердце пустыни, все казалось возможным. Девушка посмотрела вслед спасающемуся бегством животному, ковылявшему по раскаленному песку. Каждый шаг давался антилопе с трудом, ее движения были проникнуты болью. Кара поняла, что она должна сделать. Все эти кровавые мучения начались ради нее. Она положит им конец. Кара поправила на лице платок и дала газ.

– Вниз есть более легкая дорога. Надо взять левее!

Она поехала вдоль гребня, направляясь к пологому склону бархана. Не было необходимости оглядываться, чтобы почувствовать, что лицо отца растянулось в широкой улыбке удовлетворения и гордости.

Кара устремила взгляд вдаль, мимо раненого сернобыка, на одинокую песчаную воронку, поднимающуюся над пустыней. Хотя «песчаные дьяволы» были достаточно распространенным явлением, это зрелище показалось девушке очень странным. Смерч по-прежнему недвижно стоял на месте.

Достигнув пологого склона, Кара направила мотоцикл вниз к песчаной равнине. Склон все равно оказался очень крутым. Мотоцикл не столько ехал, сколько сползал юзом, но все же девушке удавалось удерживать его. Как только Кара выбралась на равнину, сцепление колес с песком увеличилось, и она понеслась вперед.

За спиной раздался рев отцовского мотоцикла. Этот звук достиг и ушей антилопы. Раненое животное ускорило шаг, в отчаянии запрокинув голову. Теперь до сернобыка оставалось меньше четверти мили. Погоня будет недолгой. На равнине песчаные мотоциклы быстро настигнут антилопу, и прицельный выстрел оборвет ее мучения, завершит охоту.

– Она пытается укрыться! – крикнул отец. – Хочет добежать до смерча!

Его мотоцикл с ревом пронесся мимо. Пригнувшись к рулю, Кара прибавила газу. Они начали нагонять раненое животное, однако отчаяние придало сернобыку новые силы.

Прихрамывая, антилопа подбежала к краю смерча и направилась в его центр. Выругавшись, сэр Реджинальд продолжал погоню. Кара старалась не отставать от отца. Приблизившись к ветряной воронке, они увидели в песке глубокую впадину. Оба резко нажали на тормоза, останавливаясь у самого ее края. «Песчаный дьявол» крутился в центре впадины, словно пытался зарыться в глубь пустыни, выбрасывая высоко в воздух песок. Столб пыли

имел не меньше пятидесяти ярдов в поперечнике, а диаметр верхнего края воронки составлял добрых четверть мили. Клубящийся вулкан в сердце пустыни.

Края «песчаного дьявола» были расцвечены зловещими беззвучными голубыми искрами. Внутри смерча бушевало статическое электричество. Это явление было свойственно исключительно песчаным бурям пустынь. Кара почувствовала в воздухе сильный запах озона. Отец указал на горлышко воронки.

– Вот она!

Девушка перевела взгляд. Хромая по днищу впадины, антилопа приближалась к столбу густой пыли, кружащемуся в центре.

– Приготовь карабин! – крикнул отец.

Кара застыла, не в силах пошевелить пальцем. Сернобык доковылял до края «песчаного дьявола». У него дрожали ноги, подгибались колени, однако животное из последних сил пыталось укрыться в песчаном вихре.

Выругавшись, сэр Реджинальд пустил мотоцикл вниз по песчаному склону. Замирая от страха, Кара прикусила нижнюю губу и, перевалив через гребень, последовала за отцом. Как только мотоцикл нырнул вниз, она ощутила статическое электричество, скопившееся во впадине. Волоски на коже встали дыбом, одежда начала потрескивать, что только усилило страх. Девушка сбросила скорость, мотоцикл увяз задними колесами в глубоком песке.

Спустившись на дно впадины, отец остановился, резко развернув мотоцикл так, что тот едва не опрокинулся. Однако сэр Реджинальд удержался в седле и вскинул карабин к плечу. Раздался громкий треск. Кара посмотрела на сернобыка, но тот уже скрылся в песчаном вихре и казался теперь лишь смутной тенью. И все же девушка смогла разглядеть, что он, вздрогнув, начал заваливаться. Смертельный выстрел. Отец все же поразил антилопу!

Кара вдруг устыдилась собственной глупости. Поддавшись страхам, она уступила свое место в охоте.

– Папа!.. – крикнула девушка, собираясь поздравить отца, гордая его упрямым прагматизмом.

Однако слова застряли у нее в горле. Воздух разорвал пронзительный рев, который исходил из «песчаного дьявола», словно из мрака преисподней. Темный силуэт сернобыка бился в самом центре пылевого вихря. Из глотки умирающего животного вырвался агонизирующий стон.

Сэр Реджинальд, не успевший спешиться, начал лихорадочно разворачивать свой мотоцикл. Он обернулся к дочери, и та увидела, что его глаза широко раскрыты от ужаса.

– Кара! Спасайся! Беги отсюда!

Девушка не тронулась с места. Что происходит?

Вдруг предсмертный стон резко оборвался, словно задули свечу. Воздух наполнился отвратительным запахом опаленной шерсти и горелого мяса. Он волнами накатывался из впадины, захлестывая Кару. Она задыхалась. Отец по-прежнему возился с мотоциклом, однако тот увязал все глубже. Сэр Реджинальд оказался в ловушке. Он снова крикнул застывшей на месте дочери:

– Кара, беги!

Отец махал ей рукой, подчеркивая свои слова. Его загорелое лицо стало мертвенно-бледным.

– Милая, беги!

И тут Кара почувствовала, как песок зашевелился, приходя в движение. Сначала это был лишь мягкий толчок, словно сила притяжения внезапно увеличилась. Частицы песка, заплывав, потекли вниз, быстро сливаясь в ручейки, змейкой струящиеся навстречу «песчаному дьяволу».

Сэр Реджинальд выкрутил до отказа ручку газа. Колеса бешено завращались в песке, разбрасывая веера пыли.

– Беги же, черт побери! – крикнул он.

Девушка вздрогнула. Отец крайне редко повышал на нее голос, и никогда в его голосе не звучала безотчетная паника. Кара крутанула ручку газа, двигатель мотоцикла взревел. Девушка с ужасом увидела, что пылевой столб увеличился в диаметре, подпитываемый необъяснимыми песчаными потоками. Его край быстро продвигался к тому месту, где застрял в песке мотоцикл сэра Реджинальда.

– Папа! – крикнула Кара, желая предостеречь отца.

– Беги, дитя мое!

В конце концов ему удалось буквально усилием воли освободить мотоцикл. Вскочив в седло, сэр Реджинальд описал крутую дугу. Кара последовала его примеру. Развернувшись практически на месте, она дала полный газ и понеслась вверх по склону. Струящийся песок под колесами отгаскивал ее назад, словно она попала в водоворот, который засасывал ее в глубину. Девушке приходилось применять все искусство вождения, чтобы бороться с песчаным потоком.

Достигнув с огромным трудом края чаши, Кара обернулась. Отец все еще оставался на дне впадины, его лицо было покрыто пылью и потом; глаза сосредоточенно прищурены. Бурлящий песчаный столб приближался – огромный, искрящийся статическим электричеством. Его основание разрослось почти на всю впадину.

Кара поймала себя на том, что не в силах отвести взор. В сердце «песчаного дьявола» сгущался мрак, разрастаясь, становясь все более черным, все более непроницаемым. Электрическим искрам не удавалось разорвать темноту. В воздухе до сих пор чувствовался запах паленого мяса. Девушка в ужасе вспомнила предостережение проводника-бедуина. Черные призраки... ниснасы.

– Папа!

Однако ее отец, застрявший в более сильном течении в глубине песчаного круговорота, не мог бежать от приближающейся опасности. Край разрастающегося пылевого столба настиг его. Сэр Реджинальд встретился взглядом с дочерью, и у него в глазах мелькнул страх не за себя, а за нее.

«Беги!» – беззвучно проговорили его губы, и он тотчас же исчез во мраке, наполнявшем чрево «песчаного дьявола».

– Папа!

Воздух разорвал жуткий крик.

Прежде чем девушка успела опомниться, песчаный столб внезапно взорвался наружу. Кару выбросило из седла и зашвырнуло высоко вверх. Она закружилась в воздухе, теряя ориентацию в пространстве. Время остановило свой бег до того момента, пока земля, поднявшись снизу, не ударила ее. В руке что-то хрустнуло, но молниеносную острую боль Кара почти не почувствовала. Прокатившись кубарем по песку, она застыла лицом вниз.

Кара пролежала так несколько мгновений, не в силах пошевелиться. Однако тревога за отца заставила ее перевернуться на бок. «Песчаный дьявол» ушел прочь, умер, оставив после себя лишь висящую в воздухе грязную пыль. С трудом усевшись, девушка ахнула от боли и схватилась за руку. Кара огляделась по сторонам.

Этого не может быть! Вокруг расстилалась гладкая равнина, не тронутая отпечатками ног и следами колес. Все исчезло: не осталось ни песчаной впадины, ни тела сернобыка, ни мотоцикла.

Оглушенная Кара всматривалась в пустынные пески.

– Папа...

Крик, донесшийся из галереи, вернул Кару в настоящее. Забытая сигарета догорела до фильтра. Встав, молодая женщина загасила окурочок.

– Сюда! – снова прозвучал крик одного из экспертов, прибывших вместе с ней. – Я что-то нашел!

8 часов 02 минуты

по восточному поясному времени

Ледъярд, штат Коннектикут

Двери лифта начали открываться на последнем этаже башни Большой Пеко, и Пейнтер Кроу, пригнувшись, выскочил из кабины. Готовый нарваться на засаду, он выставил вперед пистолет: патрон дослан в патронник, указательный палец напрягся на спусковом крючке.

На площадке перед лифтами оказалось пусто. Задержав дыхание, Пейнтер прислушался. Ни голосов, ни звука шагов. Где-то далеко телевизор громко трубил «Доброе утро, Америка». Но для Пейнтера это утро было совсем не добрым.

Выпрямившись, он осторожно заглянул за угол, держа коридор под прицелом. Ничего. Скинув ботинки, Пейнтер поставил один так, чтобы не дать закрыться дверям лифта – на тот случай, если ему потребуется спешно отступить. Оставшись в носках, он в три шага перебежал к противоположной стене и осмотрелся по сторонам.

Все чисто.

Пейнтер в сердцах выругался, негодуя по поводу нехватки людей. Хотя он и заручился поддержкой службы безопасности отеля и местной полиции, уже перекрывших все выходы, количество агентов федеральных служб было резко ограничено из уважения к суверенитету индейской резервации. К тому же предполагалось, что вся задача будет заключаться только в том, чтобы схватить преступников за шиворот. Согласно худшему сценарию, всю информацию об оружии следовало уничтожить, не допустить ее передачи китайцам.

И вот теперь все полетело ко всем чертям. Пейнтера обмануло его собственное оборудование. Однако в настоящий момент его беспокоило даже не это. Кассандра...

Пейнтеру хотелось верить, что он ошибся насчет нее, однако на самом деле надежды у него не было. Он скользнул вдоль стены площадки перед лифтами в середину коридора. В обе стороны расхотелись двери с номерами. Пригнувшись, Пейнтер быстро повернулся вправо и влево. Никого. Ни Чжана, ни его телохранителей.

Пейнтер пошел по коридору. Его чувства обострились до предела. Услышав за спиной щелчок дверного замка, он, обернувшись, упал на колени и выставил перед собой пистолет. Оказалось, что это всего лишь одна из постоялиц гостиницы. В глубине коридора показалась пожилая дама в халате. Подняв с порога свежий номер газеты, которой бесплатно снабжали всех проживающих, женщина вернулась в номер, даже не заметив вооруженного человека в дальнем конце коридора.

Пейнтер снова развернулся и быстро подбежал к двери своего номера. Подергал за ручку. Заперто. Одной рукой достал ключ, другой держал пистолет нацеленным на дверь люкса Чжана. Провел ключом через электронный замок. На замке вспыхнула зеленая лампочка. Толкнув дверь, Пейнтер прижался к наружной стене.

Ни выстрелов. Ни криков.

Он прыгнул в номер. Остановился в пяти шагах за дверью, широко расставив ноги в положении для стрельбы. С этого места ему были прекрасно видны спальня и гостиная: никого.

Пробежав вперед, Пейнтер заглянул в спальню и в ванную. Никого постороннего и никаких следов Кассандры. Он вернулся к ряду электронной аппаратуры и взглянул на мониторы. На них по-прежнему выводилось изображение люкса Чжана, снятого с различных

ракурсов. Все обитатели покинули номер. Компьютер исчез. В комнатах оставался лишь один человек...

– Господи, только не это!

Забыв про осторожность, Пейнтер бросился к двери. Метнувшись через коридор, он судорожно достал мастер-ключ службы охраны, отпиравший все двери в башне, ворвался в номер Чжана и пробежал через гостиную в спальню.

Она висела обнаженная, на веревке, закрепленной к вентилятору под потолком. Лицо и шея, стиснутая петлей, побагровели. Ноги, которые еще судорожно дергались, когда Пейнтер видел ее на экране монитора, теперь безжизненно свисали вниз.

Убрав пистолет в кобуру, Пейнтер перескочил через стул и подпрыгнул вверх. Выдернув кинжал из ножен на запястье, он одним молниеносным движением перерезал веревку. Грузно опустившись на пол, Пейнтер отбросил кинжал и успел подхватить падающее тело. Согнувшись пополам, он опустил его на кровать, а сам упал на колени. Его пальцы лихорадочно завоились с узлом.

– Проклятье!

Веревка глубоко впиалась в худенькую шею, но в конце концов отпустила свою жертву. Пейнтер растянул петлю, опытным движением ощупывая шею. Позвоночник не сломан.

Но жива ли она? В ответ девочка издала судорожный вдох, ее тело содрогнулось. Пейнтер облегченно опустил голову.

Она открыла глаза. Взгляд был испуганный и растерянный. Из груди вырвался кашель. Руки задергались, сражаясь с невидимым противником. Пейнтер попытался успокоить ее, заговорив по-китайски:

– Ничего не бойся. Все в порядке. Лежи спокойно. Ничего не бойся.

Девочка выглядела младше своих тринадцати лет. На детском обнаженном теле остались следы насилия. Чжан бесстыдно и жестоко воспользовался ею, после чего бросил болтаться в петле, чтобы отвлечь внимание, задержать погоню.

Пейнтер откинулся на пятки. Девочка, свернувшись в клубок, начала всхлипывать. Он не стал ее трогать, понимая, что так будет лучше. У него в ухе запищала рация.

– Коммандер Кроу, – вызывал начальник службы безопасности гостиницы Джон Фентон. – У северного выхода из башни перестрелка.

– Чжан?

Вскочив на ноги, Пейнтер бросился к окну.

– Да, сэр. По сообщениям моих людей, он использует вашу напарницу в качестве живого щита. Она может получить случайную пулю. Я направляю туда дополнительных людей.

Пейнтер потянул окно. Оборудованная предохранительным устройством створка приоткрылась так, что он смог лишь просунуть голову.

– Необходимо заблокировать все дороги.

– Оставайтесь на связи.

До ушей Пейнтера долетел визг покрышек. Лимузин «линкольн», рванув со стоянки, понесся к башне. Это была личная машина Чжана, и она направлялась за ним.

В наушнике снова зазвучал голос начальника службы безопасности:

– Он пробился на улицу через северный выход. Ваша напарница по-прежнему у него в руках.

«Линкольн» подъехал к углу башни. Пейнтер нырнул назад в комнату.

– Срочно заблокируйте дороги, черт побери!

Однако времени было недостаточно. Сигнал тревоги был подан всего минуты четыре назад, а здешней охране приходилось в основном иметь дело с пьяными драками и мелким

воровством, но не с проблемами национальной безопасности. Чжана должен остановить он сам. Нагнувшись, Пейнтер подобрал с пола кинжал.

– Оставайся здесь, – ласково произнес он по-китайски.

Бросившись в гостиную, Кроу с помощью кинжала отодрал решетку вентиляции. Просунув руку внутрь, Пейнтер вытащил черное устройство, спрятанное внутри. Электромагнитная граната была размером с футбольный мяч. Пейнтер выскочил с ней в коридор и побежал по ковровой дорожке, молниеносно составляя в голове план и определяя, в какой стороне находится северный выход относительно планировки последнего этажа. Времени на точные расчеты не было.

Промчавшись мимо восьми дверей, Пейнтер остановился и снова достал мастер-ключ. Проведя карточкой по электронному замку, он распахнул дверь, как только вспыхнула зеленая лампочка.

– Служба безопасности! – крикнул Пейнтер, врываясь в комнату.

Пожилая женщина, которую он уже видел в коридоре, сидела в кресле. Поспешно отбросив газету, она натянула халат к подбородку.

– Что случилось? – испуганно спросила она по-немецки.

Пейнтер быстро прошел мимо нее к окну.

– Пустяки, не стоит беспокоиться.

Он раздвинул окно. И снова створка поднялась только так, что он смог лишь просунуть голову. Пейнтер посмотрел вниз. «Линкольн» стоял прямо под ним. Задняя дверь лимузина захлопнулась. Прогрели выстрелы. Пули впились в крыло, однако машина была бронированной – настоящий танк американского производства. Завизжали покрышки, взметнув султаны дыма от горелой резины.

Откинувшись назад, Пейнтер просунул в окно похожее на мяч устройство. Нажав кнопку включения гранаты, он что есть силы швырнул ее вниз, моля Бога о том, чтобы не опоздать.

Шины «линкольна» вошли в сцепление с асфальтом, и визг прекратился. Пейнтер мысленно обратился с молитвой к душам предков. Радиус действия электромагнитной гранаты составляет всего двадцать ярдов. Пейнтер затаил дыхание. Как там говорится в старой поговорке: «Находиться к противнику достаточно близко надо только в том случае, если хочешь поразить его ручной гранатой или сапогом».

Наконец прозвучал приглушенный хлопок. Попал ли он? Пейнтер выдохнул задержанный воздух и снова высунул голову в окно. «Линкольн» как раз объезжал угол башни, но вместо того, чтобы описать плавный поворот, лимузин неуклюже крутанулся и врезался в ряд припаркованных машин. Ткнувшись капотом в одну из них, «линкольн» застыл. Выбежавшие на улицу охранники в форме быстро окружили выведенную из строя машину.

– Что происходит? – повторила пожилая немка.

Развернувшись, Пейнтер быстро направился к двери.

– Ничего, я просто выбросил мусор.

Его немецкий был не так идеален, как китайский, но, судя по всему, старуха поняла. Он пробежал по коридору к площадке перед лифтами. Вытащил свой ботинок, освобождая двери лифта, и нажал кнопку первого этажа.

Электромагнитная граната не позволила Чжану бежать, но при этом она наверняка стерла всю информацию в его компьютере, уничтожив результаты исследований. Однако Пейнтера это не слишком заботило.

Кассандра – он должен ее увидеть!

Как только двери кабины открылись, Пейнтер вбежал в игровой зал, где царил всеобщее смятение. Перестрелка не осталась незамеченной, хотя были и такие, кто продолжал спокойно сидеть перед игровыми автоматами, упрямо нажимая кнопки.

Подбегая к северному входу, Пейнтер преодолел несколько колец оцепления, показывая свое удостоверение, и наконец заметил начальника службы безопасности, махавшего ему рукой. Джон Фентон повел Пейнтера на улицу. В вестибюле царил разгром. Под ногами хрустело битое стекло, в воздухе висел сильный запах пороховых газов.

– Не понимаю, почему машина разбилась, – сказал Фентон. – Впрочем, для нас это к счастью.

– Тут дело не в везении, – ответил Кроу и, коротко рассказав об электромагнитной гранате, подытожил: – Так что кое у кого из гостей сегодня возникнут проблемы, когда они будут заводить свои машины. И на первых этажах наверняка сгорело несколько телевизоров.

Выйдя на улицу, Пейнтер увидел, что местная служба безопасности уже взяла ситуацию в свои руки. На подмогу подоспели несколько темно-серых машин полиции.

Пейнтер огляделся по сторонам. Телохранители Чжана стояли на коленях со сложенными на затылках руками. На земле лежали два тела, прикрытые куртками сотрудников службы безопасности. Оба мужчины. Подойдя к ним, Пейнтер приподнял одну куртку. Под ней оказался еще один телохранитель: половина лица снесена пулей. Проверять второго не было необходимости. Пейнтер узнал лакированные штиблеты Чжана.

– Он застрелился, – раздался в группе охранников и полицейских знакомый голос. – Предпочел смерть, лишь бы не попасть к нам в руки.

Обернувшись, Пейнтер увидел идущую к нему Кассандру. На бледном лице молодой женщины играла смущенная улыбка. Она была без блузки, в одном лифчике. Левое плечо обвязано толстым слоем бинтов. Кассандра кивнула на черный чемоданчик, лежащий на земле, – ноутбук Чжана.

– Итак, вся информация пропала, – заметил Пейнтер. – Ее стер электромагнитный импульс.

– А может быть, и нет, – усмехнулась Кассандра. – Чемоданчик оборудован медной сеткой Фарадея. Так что, возможно, он защищен от воздействия электромагнитных импульсов.

Пейнтер облегченно вздохнул. Если информация цела и невредима, еще не все потеряно. Но удастся ли узнать пароль? Он шагнул к Кассандре. Та радостно улыбнулась. Пейнтер вытащил пистолет и приставил его ко лбу молодой женщины.

– Пейнтер, ты что... – отпрянула назад та.

Он шагнул следом за ней, держа ствол нацеленным ей в голову.

– Назови пароль доступа.

К ним приблизился Фентон.

– Коммандер Кроу...

– Не мешайте, – оборвал его Пейнтер.

Все его внимание было обращено к Санчес.

– Четыре телохранителя и Чжан. Все они здесь. Если Чжану было известно о том, что мы за ним следим, высока вероятность того, что он предупредил своего связного. Они должны были бежать вместе, чтобы довести сделку до конца.

Кассандра попыталась было повернуть голову и перевести взгляд на распростертые тела, однако Пейнтер остановил ее дулом пистолета.

– Неужели ты думаешь, что это я? – нервно рассмеялась она.

Не отнимая пистолет от ее головы, Пейнтер показал свободной рукой на трупы.

– Я узнаю работу пистолета сорок пятого калибра. Такого, как твой.

– Его отобрал Чжан. У тебя мания преследования. Я...

Пейнтер сунул руку в карман и показал Кассандре «жучок», обнаруженный в кабине лифта. Та напряглась, отводя взгляд.

– Крови на нем нет, Кассандра. Ни капли. Из чего следует, что ты его не имплантировала, как должна была.

Ее лицо мгновенно ожесточилось.

– Пароль доступа, Кассандра.

Она бросила на него холодный, отрешенный взгляд.

– Ты же знаешь, что я не могу.

Пейнтер всмотрелся в это незнакомое лицо, ища черты бывшего напарника и не находя их. На лице Кассандры не было ни стыда, ни вины – только решимость. А у Пейнтера не было ни времени, ни сил, чтобы ломать ее. Он кивнул Фентону:

– Пусть ваши люди наденут на нее наручники. И не спускайте с нее глаз.

Подняв с земли чемоданчик с компьютером, Пейнтер направился прочь.

– Ты заплыл в опасные воды, Пейнтер. И вокруг кишат акулы, сжимая кольцо.

Не обращая на Кассандру внимания, он прошел к северному входу. Оставалось лишь признать: он совершенно не разбирается в женщинах.

Однако, прежде чем Пейнтер успел войти в здание, дорогу ему преградил высокий мужчина в шляпе шерифа. Это был один из местных полицейских.

– Коммандер Кроу?

– Да, в чем дело?

– Вам срочный телефонный звонок.

Пейнтер наморщил лоб.

– От кого?

– От адмирала Ректора, сэр. Можете поговорить с ним по радиотелефону в машине.

Пейнтер нахмурился. Адмирал Тони Ректор по прозвищу Тигр был директором УППО-НИР, его самым главным начальником. Пейнтеру еще ни разу не доводилось встречаться с ним лично, он лишь видел его подпись на приказах и служебных записках. Неужели в Вашингтон уже дошли слухи о сегодняшнем провале?

Полицейский-индеец провел Пейнтера к одной из серых полицейских машин, на крыше которой продолжали мигать проблесковые маячки. Кроу взял трубку.

– Коммандер Кроу слушает. Чем могу служить, сэр?

– Коммандер, срочно возвращайтесь в Арлингтон. За вами уже выслан вертолет.

Словно в подтверждение его слов вдалеке послышался рев мотора.

Адмирал Ректор продолжал:

– Вас сменит коммандер Джайлс. Введете его в курс дел. Свяжитесь со мной, как только приземлитесь в аэропорту Даллеса. Там вас будет ждать машина.

– Вас понял, сэр, – ответил Пейнтер, но связь уже оборвалась.

Выйдя из машины, он уставился на серо-зеленый вертолет, плавно летящий над лесистыми холмами, над землей его предков. Его охватило неприятное предчувствие, то ощущение, которое его отец называл «боязнью белых глаз». Чем объясняется срочный вызов к адмиралу Ректору? Что это за чрезвычайные обстоятельства? Помимо воли у него в ушах зазвучало зловещее пророчество Кассандры: «Ты заплыл в опасные воды, Пейнтер. И вокруг кишат акулы, сжимая кольцо».

3. Дела сердечные

14 ноября,

17 часов 05 минут по Гринвичу

Лондон, Англия

– Сюда! Я что-то нашел!

Обернувшись, Сафия увидела, что один из специалистов с металлоискателем подзывает своего напарника. Ну что еще случилось?

Мужчины стали разгребать в стороны осколки бронзовых статуэток, чугунные курильницы и медные монеты. Шлепая по воде, Сафия подошла к ним посмотреть находку. Это могло быть что-нибудь важное. В противоположном конце галереи в дверях показалась услышавшая крик Кара и присоединилась к маленькой группе.

– Что вы нашли? – со спокойной властью произнесла Кара.

– Затрудняюсь ответить, – объяснил специалист, кивая на зажатый в руках металлоискатель. – Но я регистрирую очень сильный сигнал.

– Осколок метеорита?

– Точно сказать не могу. Источник находится вот под этой каменной глыбой.

Сафия разглядела, что «каменная глыба» представляет собой туловище и нижние конечности изваяния из песчаника, опрокинутого на спину. Она узнала его, несмотря на то что голову и верхние конечности оторвало взрывом. Это изваяние в человеческий рост когда-то охраняло вход в гробницу в Салале. Оно было создано за двести лет до рождения Христа. Изваяние изображало мужчину с каким-то длинным предметом у плеча. Кое-кто полагал, что предмет похож на ружье, однако на самом деле это был погребальный светильник, который плакальщики носили на плече.

Уничтожение изваяния было огромной потерей. Теперь от него остались лишь туловище и обломки ног. Температура при взрыве была такой высокой, что песчаник оплавился. Его поверхность покрылась твердой стеклянной коркой.

Вокруг изувеченной скульптуры столпились члены команды Кары в красных касках. Мужчина, сделавший открытие, указал металлодетектором на поверженное изваяние:

– Надо откатить эту глыбу в сторону и посмотреть, что под ней.

– За работу, – кивнув, согласилась Кара. – Нам понадобятся ломы.

Двое рабочих поспешили к сложенным инструментам. Сафия шагнула вперед, загораживая собой изваяние.

– Кара, подожди! Разве ты не узнала эту статую?

– Что ты хочешь сказать?

– Посмотри внимательнее. Это та самая статуя, которую обнаружил твой отец. Та, которая была в земле у входа в гробницу в Салале. Нам нужно постараться спасти то, что еще можно спасти.

– Мне наплевать. – Взяв подругу за локоть, Кара отстранила ее. – Сейчас гораздо важнее найти разгадку того, что произошло с моим отцом.

Сафия упрямо стояла на своем:

– Кара, неужели ты думаешь, что это может иметь какое-то отношение к гибели твоего отца?

Кара махнула рукой, подзывая рабочих с ломками.

– Дайте один.

Сафия застыла на месте. Она обвела взглядом остальные залы галереи и увидела их теперь в совершенно другом свете. Неужели вся коллекция, вся ее работа, плоды стольких лет для Кары в действительности являлись лишь мемориалом Реджинальда Кенсингтона? А

на самом деле Кара пожелала поставить своеобразный эксперимент, собрать все результаты исследований в одном месте, чтобы определить, что именно произошло столько лет назад с ее отцом в пустыне...

Сафия вспомнила историю, которую в юности рассказала ей, заливаясь слезами, подруга. Кара была убеждена, что ее отца погубило какое-то сверхъестественное явление. Сафия помнила подробности.

Ниснасы... Призраки, обитающие в безлюдной пустыне.

Еще подростками они с Карой изучали все предания на эту тему, стараясь узнать как можно больше о таинственных ниснасах. Легенды гласили, что это души людей, давным-давно населявших большой город в самом сердце пустыни. Этот город упоминался в сказаниях под разными названиями: Ирам, Вабар, Убар, Город тысячи колонн. Упоминания о его падении можно было встретить в Коране, в сказках «Тысяча и одна ночь», в описаниях походов Александра Македонского. Основанный праправнуками библейского Ноя, Убар вскоре превратился в богатый и развращенный город, жители которого предавались всем мыслимым порокам. Правитель города не внял предостережениям пророка по имени Гуд, и Бог стер город с лица земли, похоронил в песках, чтобы его больше никто не видел. Погребенный в безжизненной пустыне, Убар стал Атлантидой на суше. Появились легенды, утверждавшие, что город под песком до сих пор существует. Он населен призраками умерших, его жители застыли, превратившись в камень, а по предместьям бродят злобные джинны и еще более отвратительные ниснасы – жестокие твари, обладающие сверхъестественной силой.

Сафия была уверена, что Кара давным-давно отбросила все подобные предания как чистую выдумку. Особенно после того, как следствие пришло к выводу, что гибель ее отца произошла из-за карстового разлома, внезапно открывшегося в песках. Подобные смертельные ловушки нередки в тех местах. Порой их жертвами становятся ничего не подозревающие путники или даже целые грузовики. Основанием пустыни служит преимущественно известняк с пещерами и тоннелями, некогда промытыми подземными водами. Они время от времени обрушиваются, что, как правило, сопровождается явлением, которое описала Кара: большим столбом кружащейся пыли, который поднимается над пустыней.

Кара нетерпеливо схватила ломик и подошла к опрокинутому изваянию. Судя по всему, объяснения геологов ее тогда не убедили. Сафия подумала, что ей следовало бы догадаться об этом, особенно принимая в расчет увлечение древней Аравией, которое у Кары переросло в настоящую манию. Подруга тратила миллиарды на то, чтобы проникнуть в прошлое, чтобы собрать как можно больше исторических реликвий всех эпох. Для этой цели Кара нанимала лучших специалистов.

Сафия закрыла глаза, гадая, какая часть ее собственной жизни была растрчена впустую во имя этих бредовых замыслов. Какое давление оказала на нее Кара, когда она выбирала, в каком направлении продолжить образование? Как Кара влияла на исследовательскую работу здесь, в музее? Сафия тряхнула головой. На то, чтобы разобраться во всем этом, понадобится много времени.

Открыв глаза, Сафия шагнула к изваянию, загоразивая его собой.

– Я тебе не позволю портить статую ломом.

Кара отстранила подругу. Ее голос прозвучал спокойно и рассудительно:

– Если там находится осколок метеорита, очень важно его найти, и ради этого можно оставить пару царапин на разбитой статуе.

– Важно для кого? – Сафия постаралась скопировать невозмутимость подруги, однако ее вопрос прозвучал скорее как обвинение. – Из той исторической эпохи в Аравии до наших времен дошла лишь горстка изваяний, и эта статуя – одна из них. Даже покалеченная временем, она не имеет цены, а ты хочешь ее уничтожить!

– Метеорит...

– Может подождать, – отрезала Сафия, обрывая свою благодетельницу. – По крайней мере, изваяние можно осторожно сместить в сторону.

Кара устремила на нее стальной взгляд, ломавший даже мужчин. Сафия выдержала его, поскольку она знала эту женщину еще маленькой девочкой. Шагнув к подруге, она взяла у нее ломик, с изумлением обнаружив, что у Кары дрожат руки.

– Я знаю, на что ты надеешься, – прошептала Сафия.

Им обеим была известна история обнаруженного английским археологом метеорита причудливой формы, похожего на стоящего на коленях верблюда. Якобы именно этот верблюд охранял вход в погребенный песками затерянный город, который назывался Убаром.

И вот сейчас метеорит взорвался при самых странных обстоятельствах.

– Должна быть какая-то связь, – пробормотала Кара, повторяя свои собственные слова, произнесенные некоторое время назад.

Сафия знала лишь один способ развеять надежды подруги.

– Тебе прекрасно известно, что Убар уже обнаружен.

Она умолкла, давая Каре возможность осознать смысл ее слов.

В 1992 году легендарный город был открыт археологом-любителем Николасом Клэппом с помощью спутникового локатора, способного просвечивать верхний слой почвы. Основанный приблизительно за девятьсот лет до нашей эры рядом с одним из немногочисленных в этих местах колодцев, древний город был важным перевалочным пунктом на Дороге благовоний, которая связывала оазисы в прибрежных горах Омана с богатыми городами на севере. На протяжении веков Убар процветал и разрастался. Затем настал день, когда половина города провалилась в гигантский карстовый разлом, после чего уцелевшие суевверные жители покинули Убар и город поглотили пески.

– Убар был не более чем обычным торговым городом, – продолжала Сафия.

Кара покачала головой, но Сафия не смогла определить, то ли подруга не соглашается с ее последним утверждением, то ли заставляет себя принять действительность. Сафия вспомнила, в какой восторг пришла Кара, узнав про открытие Клэппа. Газеты всего мира раструбили о нем под броскими заголовками: «Обнаружен легендарный затерянный город в Аравии!» Кара поспешила в Оман, чтобы увидеть все своими глазами и лично участвовать в раскопках. Однако, как правильно заметила Сафия, за два года работ, в ходе которых были обнаружены лишь глиняные черепки и кухонная утварь, выяснилось, что древнее городище является не более чем заброшенным перевалочным пунктом на караванной тропе, после чего интерес к нему угас. Ни несметных сокровищ, ни черных призраков. Остались лишь болезненные воспоминания, терзающие живых.

– Леди Кенсингтон, – снова заговорил специалист с металлоискателем, первым обнаруживший сильный сигнал, – возможно, доктор аль-Мааз права и эту чертову штуковину трогать не надо.

Женщины обернулись к поверженному изваянию. С двух сторон к нему специалисты приставили свои металлоискатели. Приборы дружно пищали.

– Я ошибался, – продолжал первый специалист. – Обнаруженный мной источник сигнала находится не под камнем.

– Тогда где же он? – раздраженно спросила Кара.

Ответил второй специалист:

– Он внутри.

Наступила изумленная тишина, которую первой нарушила Кара.

– Внутри?

– Да, мэм. Я приношу свои извинения. Мне не сразу пришла в голову мысль взять пеленг двумя металлоискателями. Я никак не предполагал, что внутри камня может что-нибудь оказаться.

Сафия шагнула вперед.

– Вероятно, это просто случайное вкрапление самородного железа.

– Нет, если судить по показаниям наших приборов. Сигнал очень сильный.

– Необходимо разбить статую, – сказала Кара.

Сафия нахмурилась. Проклятье! Она опустилась на колени перед изваянием.

– Мне нужен фонарик.

Кто-то из членов команды Кары передал ей фонарик.

– Что ты собираешься делать? – нетерпеливо спросила Кара.

– Заглянуть внутрь.

Сафия провела ладонью по поверхности изваяния, оплавленной жаром взрыва. Песчаник превратился в стекло. Поставив фонарик лампочкой вниз на грузное туловище статуи, молодая женщина включила его.

Тотчас же озарилась вся остекленевшая поверхность изваяния. Сквозь мутную темную корку проступили неясные детали. Сафия не разглядела ничего необычного, однако стекло имело в толщину всего около двух дюймов. То, что они искали, должно было находиться в глубине каменной глыбы.

Кара, склонившись рядом с Сафией, заглянула через плечо и ахнула.

– В чем дело? – спросила Сафия, начиная было убирать фонарик.

– Подожди, – остановила ее Кара. – Посвети в середину.

Сафия послушно переместила луч света к середине туловища.

Показалась какая-то тень, темный сгусток, запрятанный в глубине, в том самом месте, где стекло переходило в камень. В свете луча сгусток сиял темно-багровым цветом. Его форму нельзя было ни с чем спутать – особенно если учесть, в каком месте груди он находился.

– Это сердце, – прошептала Кара.

Сафия отшатнулась, пораженная не меньше подруги.

– Человеческое сердце...

20 часов 05 минут

Несколько часов спустя Кара Кенсингтон стояла в туалетной комнате для обслуживающего персонала, расположенной рядом с отделом древней истории Ближнего Востока.

Ну, теперь еще одну...

Молодая женщина вытряхнула на ладонь оранжевую таблетку. Аддерал – сильное тонизирующее средство, содержит двадцать миллиграммов амфетамина, отпускается по рецепту врача. Кара взвесила таблетку в руке. Какое мощное воздействие заключено в такой маленькой штучке! Но возможно, сейчас его будет недостаточно. Подумав, Кара вытряхнула вторую таблетку. В конце концов, прошлой ночью она не сомкнула глаз, а впереди еще много работы.

Взяв таблетки в рот, Кара запрокинула голову назад, заглатывая их, затем, не запив водой, посмотрела на свое отражение в зеркале. Лицо покраснелось, зрачки расширились. Кара провела рукой по волосам, пытаясь взбить их, придать подобие какой-то формы. Тщетно.

Наклонившись к раковине, она включила холодную воду и, намочив ладони, прижала к щекам, стараясь дышать как можно глубже. Казалось, прошли не часы, а дни с тех пор, как неожиданный звонок поднял ее с кровати в особняке родового поместья Блэкхит. Услышав о

взрыве, Кара вскочила в лимузин, и шофер помчал ее по пустынным ночным улицам сквозь грозу к Британскому музею.

И что теперь?

В течение всего бесконечно длинного дня различные следственные бригады собирали в галерее всяческие улики: образцы обугленного дерева, пластмассу, металлы и даже кости. Наконец из груды обгоревшего мусора были извлечены несколько осколков метеорита, покрытых слоем шлака. По предварительной версии, от электрического разряда шаровой молнии воспламенились какие-то летучие компоненты, находившиеся в глубине самородного железа. Однако пока что никто не осмеливался предположить, что это были за компоненты. Дальнейшие исследования продолжатся в многочисленных лабораториях как в Англии, так и за ее пределами.

Кара не могла скрыть разочарование. Увидев на мониторе видеонаблюдения светящуюся сферу шаровой молнии, она вспомнила тот день, когда ее отец исчез в облаке пыли, окруженный вихрем, искрящимся голубоватыми электрическими разрядами. Теперь взрыв и еще одна смерть. Молодая женщина не сомневалась, что должна быть какая-то связь между прошлым и настоящим. Но какая? Неужели она снова зашла в тупик, как это часто бывало за последние годы?

Стук в дверь заставил Кару оторваться от изучения собственного отражения в зеркале.

– Кара, мы готовы приступить к исследованиям.

Это была Сафия. В голосе подруги Кара услышала обеспокоенность. Одна только Сафия понимала, какой груз лежит на сердце у Кары.

– Уже иду.

Бросив пластмассовый пузырек в сумочку, Кара щелкнула застежкой. Первая волна энергии, вызванная принятым препаратом, чуть притупила чувство отчаяния. Напоследок еще раз тщетно попытавшись пригладить волосы, Кара подошла к двери, распахнула ее и оказалась в зале, выбранном для временной лаборатории, – в знаменитом Сводчатом зале Британского музея.

Построенное в 1839 году двухъярусное помещение в западном крыле музея обладало характерными чертами ранневикторианской архитектуры: ряды библиотечных шкафов, кованые чугунные лесенки и переходы, изогнутые арки потолка, вместительные ниши. Эти стены помнили Чарльза Дарвина и Ливингстона, членов Королевского научного общества, которые облаченными во фраки собирались здесь среди рядов старинных книг и табличек с древними письменами. Этот зал, никогда не бывший открытым для широкой публики, теперь использовался отделом древней истории Ближнего Востока в качестве учебного центра и вспомогательного архива.

А сегодня закрытому для всех, за исключением немногих избранных, Сводчатому залу суждено было стать импровизированным моргом. Кара посмотрела на каменное изваяние, обезглавленное, без рук, лежащее в углу на носилках. Это было все, что осталось от древней статуи, находившейся в северном крыле. Сафия настояла на том, чтобы обломок извлекли из мусора и перевезли сюда, в безопасное место.

Изваяние освещали две галогенные лампы, а рядом на столике были разложены, подобно инструментам в операционной, зубила различных размеров, молотки и щетки.

Сафия натянула на руки латексные перчатки. Она была в плотном фартуке; глаза закрывали защитные очки.

– Все готовы?

Кара кивнула.

– Предлагаю расколоть старику грудь, – с обычным грубоватым энтузиазмом американцев подал голос молодой парень.

Кара, знакомая со всеми, кто работал в галерее, знала аспиранта Северо-Западного университета Клея Бишопа. Парень, которому предстояло на этот вечер стать оператором-документалистом, возился с цифровой видеокамерой, установленной на штатив.

– Мистер Бишоп, проявите побольше уважения, – попросила Сафия.

– Извините, – поспешно ответил Бишоп с хитрой улыбкой, позволявшей усомниться в искренности его слов.

Долговязый представитель «следующего поколения», Бишоп обладал довольно приятной внешностью. Он был в джинсах, черной футболке с портретом рок-звезды и кроссовках, которые когда-то могли быть белыми, во что сейчас, правда, верилось с трудом. Выпрямившись, молодой человек потянулся, демонстрируя полоску обнаженного живота, и провел рукой по рыжему ежику на голове. Единственным намеком на его принадлежность к ученой братии были очки с толстыми стеклами в черной оправе, достаточно некрасивые, чтобы снова быть в моде.

– У меня все готово, доктор аль-Мааз.

– Отлично.

Шагнув в свет галогенных ламп, Сафия остановилась перед столиком с инструментами. Кара обошла вокруг, чтобы наблюдать с другой стороны, и встала рядом с начальником службы безопасности Райаном Флеммингом, единственным посторонним, присутствующим на «вскрытии». Судя по всему, он пришел, когда Кара отлучалась в туалет. Флемминг кивнул ей, и по его виду сразу стало ясно, что он, подобно большинству сотрудников музея, чувствовал себя неуютно в ее присутствии.

Пока Сафия производила замеры, Флемминг смущенно покашливал.

– Я пришел сюда, как только узнал о вашем открытии, – промямлил он, обращаясь к Каре.

– Зачем? – спросила та. – Это как-то связано с соображениями безопасности?

– Нет, из чистого любопытства. Не каждый день находят статуи, внутри которых спрятано сердце, – ответил Флемминг, кивнув на изваяние.

Это действительно было так, хотя Кара подозревала, что Флемминга привели сюда дела сердечные другого рода. Взгляд начальника службы безопасности задерживался гораздо чаще на Сафии, чем на странном камне. Позволив Флеммингу предаваться восторженному обожанию дамы сердца, Кара повернулась к расprostертому на полу изваянию. В ярком свете ламп под оболочкой расплавленного стекла расцвело буро-красное сияние.

Кара склонилась над статуей. Сердце, выполненное в натуральном размере с соблюдением всех анатомических особенностей, несомненно, было изготовлено из какой-то металлической руды, поскольку его присутствие обнаружили металлоискатели. И тем не менее у Кары возникло такое ощущение, что, если она будет смотреть на него достаточно долго, сердце начнет биться.

Сафия приблизилась к обломку статуи с алмазным резакom и аккуратно процарапала стекло, очертив правильный квадрат вокруг скрытого в камне сердца.

– Я хочу сохранить как можно больше. Надеюсь, что слой оплавленного песчаника слабо связан с остальной породой.

Затем Сафия прилепила к стеклянному квадрату присоску и крепко взялась за рукоятку. Взяв резиновую киянку, она с силой постучала по периметру стекловидного квадрата. Под царапинами появились маленькие трещинки. Все присутствующие вздрагивали при каждом ударе. Даже Кара поймала себя на том, что крепко стиснула пальцы в кулаки.

Одна только Сафия оставалась спокойной. Кара знала, что в стрессовых ситуациях ее подруга легко поддается приступам паники, но когда занимается любимой работой в привычной среде, то становится твердой, как алмаз в резаке, и такой же острой. Молодая женщина работала в спокойной сосредоточенности, с невозмутимостью последователей дзен-

буддизма. И все же Кара заметила во взгляде подруги блеск. Блеск восторженного возбуждения. Уже давно Кара не видела ничего подобного в глазах Сафии, превратившейся в бледную тень той женщины, которой она когда-то была.

– Надеюсь, этого будет достаточно, – наконец объявила Сафия.

Отложив киянку, она маленькой кисточкой смела стеклянную крошку и песчинки, полностью очистив поверхность. Затем слегка надавила на рукоятку присоски сначала в одном направлении, потом в другом, осторожно раскачивая стеклянный квадрат. Вдруг Сафия резким движением потянула присоску вверх, поднимая кусок освободившегося стекла.

Шагнув ближе, Кара заглянула во вскрытую грудь изваяния. Как выяснилось, сердце было выполнено детальнее, чем ей показалось вначале. Каждая камера была воспроизведена с мельчайшими подробностями, включая тончайшие артерии и вены на поверхности. Сердце уютно устроилось в ложе из песчаника, словно изваяниеросло вокруг естественным путем – жемчужина внутри устрицы.

Осторожно освободив стекло от присоски, Сафия перевернула его. На внутренней стороне расплавленного камня отчетливо отпечатались поверхность сердца. Сафия повернулась к объективу видеокамеры.

– Клей, ты получаешь хорошую картинку?

Пригнувшись к видеоискателю, Клей покачивался на каблуках.

– Черт возьми, это просто фантастика!

– Считаю это положительным ответом.

Сафия опустила стекло на столик.

– А что насчет сердца? – спросил Флемминг.

Обернувшись к изваянию, Сафия склонилась над вскрытой грудью. Она осторожно постукала ручкой кисточки по сердцу. Все присутствующие услышали отчетливый звон.

– Определенно, это металл. Судя по рыжевато-розовому цвету, скорее всего, бронза.

– Звук такой, будто сердце полая внутри, – заметил Клей, перемещая штатив так, чтобы добиться лучшего ракурса. – Пошевелите его.

Сафия покачала головой.

– Лучше этого не делать. Видите, как местами песчаник выступами охватывает сердце? Оно сидит очень прочно. Полагаю, его не надо трогать. Перед тем как что-либо предпринять, необходимо показать сердце другим исследователям.

На протяжении всей последней минуты Кара не смела сделать вдох. Сердце бешено стучало в ушах, и амфетамин тут был ни при чем. Неужели, кроме нее, никто этого не заметил?

Однако прежде чем она успела спросить, в глубине Сводчатого зала хлопнула дверь. Все вздрогнули от неожиданности. Послышались приближающиеся шаги. Двое мужчин.

Сафия перевела луч галогенной лампы в глубь библиотеки.

– Это директор Тайсон.

– Эдгар, – шагнула вперед Кара, – что вы здесь делаете?

Директор музея отступил в сторону, открывая взорам своего спутника. Это был следователь отдела убийств полиции Большого Лондона.

– Инспектор Сэмюэлсон находился со мной, когда до нас дошло известие о вашем блестящем открытии. Мы как раз заканчивали, и он попросил разрешения лично взглянуть на эту поразительную находку. Разве я мог отказать, учитывая ту помощь, которую он нам оказал?

– Разумеется, – учтиво ответила Кара, скрывая свое раздражение. – Вы пришли как раз вовремя.

Она сделала жест, приглашающий новоприбывших к импровизированному операционному столу. Ее собственному открытию придется подождать еще немного.

Флемминг повернулся к своему начальнику.

– Полагаю, я уже достаточно насмотрелся. Надо сходить проверить ночную смену.

Он направился к выходу, задержавшись для того, чтобы обратиться к Сафии:

– Благодарю вас за то, что позволили наблюдать за вашей работой.

– Всегда пожалуйста, – рассеянно ответила та, не в силах думать ни о чем, кроме обнажившегося сердца.

От Кары не укрылось, как начальник службы безопасности задержал взгляд на Сафии и отвернулся, раненный ее безразличием. Сафия вечно будет оставаться слепой ко всему, за исключением своей работы. И более значительные мужчины, чем Райан Флемминг, не смогли найти место в ее жизни.

Инспектор Сэмюэлсон занял место начальника службы безопасности. Пиджак он держал перекинутым через руку, рукава рубашки были засучены.

– Надеюсь, я вам не мешаю?

– Все нет, – заверила его Сафия. – Это открытие – счастливый случай.

– Вот как.

Инспектор склонился над изваянием. Кара не сомневалась, что его привело сюда нечто большее, чем простое любопытство. Случайные совпадения нередко становятся объектом полицейских расследований.

Эдгар Тайсон встал за спиной Сэмюэлсона.

– Это просто восхитительно, вы не находите? Несомненно, ваше открытие привлечет внимание всего мира.

Инспектор Сэмюэлсон выпрямился.

– Откуда это изваяние?

– Его обнаружил мой отец, – сказала Кара.

Вопросительно подняв бровь, Сэмюэлсон перевел на нее взгляд. Кара заметила, что директор Тайсон, отступив назад, смущенно уставился на мыски своих ботинок. Тема была слишком деликатной.

Подняв на лоб защитные очки, Сафия продолжила объяснение, избавив подругу от необходимости касаться больного места.

– Реджинальд Кенсингтон финансировал археологическую экспедицию, которая отправилась наблюдать за раскопками при возведении нового мавзолея на месте старой гробницы в городе Салала на побережье Омана. Сэр Реджинальд обнаружил эту статую в земле неподалеку от гробницы. находка оказалась редчайшей: изваяние доисламской эпохи, датируемое третьим веком до нашей эры, в таком изумительном состоянии. Впрочем, гробница на протяжении двух тысячелетий почиталась как святыня, поэтому окружающая местность оставалась в неприкосновенности. Уничтожение этого прекрасно сохранившегося памятника истории – настоящая трагедия.

Похоже, Сэмюэлсон не разделял ее чувств.

– Однако гибель статуи позволила совершить новое открытие. Так что тут есть некое равновесие. Чего нельзя сказать про беднягу Гарри Мастерсона.

– Разумеется, – поспешно заявила Сафия. – Я вовсе не хотела сказать, что его смерть не стала настоящей трагедией. Вы совершенно правы.

Сэмюэлсон обвел взглядом присутствующих, задержавшись на аспиранте Клее Бишопе. Судя по всему, инспектор почему-то остался недоволен увиденным. Он снова повернулся к скульптуре.

– Вы упомянули о гробнице, рядом с которой обнаружили это изваяние.

– Да. Это была гробница наби Амираана.

– Какого-то фараона, да?

Сафия улыбнулась.

– Фараоны были в Древнем Египте.

Как и Кара, она прекрасно понимала, что инспектор нарочно строит из себя дурачка.

– В Аравии самыми известными являются гробницы, в которых захоронены люди, упомянутые в Коране или Библии. В данном случае речь идет о персонаже обеих священных книг.

– Наби Амиран? Не припоминаю, чтобы слышал это имя на уроках Закона Божьего.

– На самом деле в Библии это достаточно важная фигура. Вам приходилось слышать о Деве Марии?

– Смутно.

Сэмюэлсон произнес это так искренне, что Сафия не сдержала улыбки. Она выждала паузу, чтобы придать больший вес своим словам, но затем все же смилостивилась.

– Наби Амиран – отец Девы Марии.

13 часов 54 минуты

по восточному поясному времени

Арлингтон, штат Виргиния

Пейнтер Кроу сидел на заднем сиденье серебристого седана «Мерседес-С500». Машина плавно скользила по федеральной автостраде номер 66 из международного аэропорта Даллеса, направляясь на восток в сторону Вашингтона, однако конечной целью пути являлась не столица. Включив сигнал поворота, водитель, молчаливый парень с телосложением центрального защитника футбольной команды, свернул у указателя на Арлингтон. До штаб-квартиры УППОНИР оставалось ехать меньше полумили.

Пейнтер взглянул на часы. Всего два часа назад он находился в Коннектикуте. Его предала напарница, которой он безгранично доверял на протяжении последних пяти лет, и теперь он никак не мог перестать думать об этом.

Их с Кассандрой завербовали из войск специального назначения приблизительно в одно и то же время: он служил в «морских котиках»², она – в «рейнджерах» сухопутных сил. УППОНИР отобрало их для новой строго засекреченной команды «Сигма», которая только что была создана в Управлении. Большинство сотрудников УППОНИР даже не подозревало о ее существовании. Задача «Сигмы» заключалась в том, чтобы осуществлять поиск и захват. Военизированное подразделение подготовленных в техническом отношении агентов скрытно направлялось в горячие точки, где с риском для жизни добывало или защищало новейшие достижения и технологии в военной области. Если отряд «Дельта» был создан для борьбы с терроризмом, то целью «Сигмы» являлось обеспечение технологического превосходства Соединенных Штатов. Причем добиваться этого следовало любой ценой.

И вот сейчас вызов в штаб-квартиру. Несомненно, речь идет о новом задании. Но чем объясняется подобная спешка?

Проехав по Норт-Фэрфакс-драйв, «мерседес» свернул на стоянку. Преодолев сложную систему постов безопасности, машина наконец встала на свободное место. Широкоплечий верзила с безучастным лицом подошел к ней и открыл дверь.

– Коммандер Кроу, прошу следовать за мной.

Пейнтера провели в главное здание к приемной кабинета директора и попросили подождать, пока адъютант доложит о прибытии. Пейнтер хмуро уставился на закрытую дверь.

Вице-адмирал Тони Ректор возглавлял Управление перспективных программ оборонных научно-исследовательских разработок Министерства обороны с тех самых пор, с каких Пейнтер в нем работал. До этого он руководил разведывательным подразделением УППО-

² «Морские котика» – подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

НИР – отделом информационной безопасности, который особое значение приобрел после событий 11 сентября 2001 года. Отдел следил за потоками данных, протекающими по компьютерным сетям всего мира, выискивая в них информацию о подготовке террористических актов и переводах финансовых средств. Опыт и ум, проявленные адмиралом, вскоре позволили ему занять пост директора УППОНИР.

Дверь открылась. Сопровождающий, отступив в сторону, махнул рукой, пропуская Пейнтера. Как только Кроу зашел в кабинет, у него за спиной закрылась дверь.

В кабинете, стены которого были обшиты темным красным деревом, ощущался тонкий аромат трубочного табака. В центре комнаты стоял стол. Сидевший за ним Тони Ректор, по прозвищу Тигр, встал и пожал Пейнтеру руку. Это был крупный мужчина, не имевший ни капли жира, но сейчас, после шестидесятилетнего рубежа, его накачанные мышцы несколько обмякли. Правда, плоть в этом человеке была единственным, о чем можно было сказать «мягкое». Глаза горели голубыми бриллиантами, гладко зализанные волосы серебрились сединой. Его рукопожатие оказалось стальным. Поздоровавшись с Пейнтером, адмирал кивком указал на одно из двух кожаных кресел для гостей.

– Присаживайтесь. Я пригласил доктора Макнайта. Он сейчас присоединится к нам.

Доктор Шон Макнайт, основатель и командир отряда «Сигма», непосредственный начальник Пейнтера, как и он сам, в прошлом служил в «морских котиках», а затем защитил докторские диссертации по физике и информационным технологиям. Раз приглашен доктор Макнайт, значит, в игре участвуют все большие шишки. То есть случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Сэр, могу я спросить, с чем все это связано?

Адмирал Ректор удобно устроился в кресле.

– Я уже слышал о досадной неприятности, случившейся в Коннектикуте, – сказал он, уходя от ответа на вопрос Пейнтера. – Ребята из отдела новейших технологий с нетерпением ждут, когда им доставят компьютер этого китайского шпиона. Будем надеяться, им удастся вытянуть из него информацию о плазменном оружии.

– К сожалению, нам... мне не удалось получить пароль.

Директор УППОНИР пожал плечами.

– По крайней мере, информация не попала в руки китайцев. И принимая в расчет то, с чем вам пришлось столкнуться, вы поработали на славу.

Кроу удержался от вопроса о судьбе своей бывшей напарницы. Скорее всего, Кассандру доставят в какое-нибудь укромное место, где досконально допросят. Ну а дальше, кто может сказать? База Гуантанамо, Форт-Ливенворт или какая-то другая военная тюрьма? Это уже будет забота не Пейнтера. И тем не менее у него внутри не утихала ноющая боль. Он надеялся, что виной этому лишь несварение желудка. Определенно, у него не было никаких оснований переживать по поводу судьбы Кассандры.

– А теперь что касается вашего вопроса, – продолжал адмирал, возвращая Пейнтера в настоящее. – Отдел военных разработок привлек наше внимание к одному событию. Прошлой ночью в Британском музее произошел взрыв.

Кроу кивнул. По дороге из аэропорта он слышал выпуск новостей по радио.

– Удар молнии.

– Так было сообщено прессе.

Услышав это, Пейнтер выпрямился. Однако прежде чем он успел начать расспросы, дверь открылась. В кабинет ворвался, как ураган, доктор Шон Макнайт. Лицо его покраснелось, лоб был усеян каплями пота, словно командир отряда «Сигма» всю дорогу бежал.

– Получено подтверждение, – запыхавшись, сообщил он адмиралу.

Ректор кивнул.

– В таком случае садитесь. Времени у нас в обрез.

Пейнтер украдкой оглядел своего начальника, усевшегося во второе кресло. Макнайт проработал в УППОНИР двадцать два года, в том числе в должности директора отдела специальных проектов. Одним из его первых «специальных проектов» явилось создание отряда «Сигма». Именно у Макнайта родилась мысль собрать команду оперативников, обладающих техническими знаниями и прошедших военную подготовку. «Мозги и мускулы, – как любил говорить он, – которые будут действовать с хирургической точностью, защищая и оберегая секретные технологии».

Кроу одним из первых лично пригласил сам Макнайт, когда Пейнтер лечился в госпитале после перелома ноги, полученного во время операции в Ираке. Пока он поправлялся, Макнайт обучил его искусству оттачивать не только тело, но и разум. Кроу прошел учебу в лагере начальной академической подготовки, оказавшуюся сложнее обучения в учебном центре «морских котиков». На всем белом свете не было другого человека, к кому Пейнтер относился бы с таким уважением и почтением.

И вот сейчас он видит Шона Макнайта в таком потрясении. Усевшись на край кресла, Макнайт выпрямил спину. Казалось, он спал в темно-сером костюме, который был на нем. В этот момент Макнайт выглядел на все свои пятьдесят пять лет: вокруг глаз тревожные морщинки, губы плотно сжаты, пепельно-седые волосы взъерошены.

Судя по всему, произошло что-то очень серьезное.

Адмирал Ректор повернул стоявший у него на столе плазменный монитор так, чтобы было видно Пейнтеру.

– Коммандер Кроу, первым делом вам следует просмотреть эту видеозапись.

Пейнтер с готовностью подался вперед; на экране компьютера появилось черно-белое изображение.

– Это запись службы безопасности Британского музея.

Пейнтер молча смотрел немое изображение. Вот на экране появился охранник, вошедший в галерею музея. Сюжет длился недолго. Когда запись закончилась взрывом, озарившим весь экран, Пейнтер откинулся назад. Двое начальников внимательно наблюдали за ним.

– Эта светящаяся сфера, – наконец произнес Пейнтер. – Если не ошибаюсь, это была шаровая молния.

– Совершенно верно, – подтвердил адмирал Ректор. – Это предположение привлекло внимание двух исследователей из отдела военных разработок, которые в то время как раз находились в Лондоне. До сих пор шаровую молнию еще ни разу не удавалось заснять на пленку.

– И до сих пор не было зафиксировано ни одного случая таких разрушительных последствий, – добавил доктор Макнайт.

Пейнтер вспомнил лекции по электричеству, которые прослушал в ходе подготовки к работе в отряде «Сигма». Первые упоминания о шаровых молниях восходят еще к древним грекам. Их появление наблюдалось в самых разных местах, в том числе и большими группами людей. Шаровые молнии встречаются крайне редко, поэтому природа их возникновения до сих пор остается загадкой. Гипотез было множество: от свободно парящего сгустка плазмы, вызванного ионизацией воздуха во время грозы, до испарения двуокиси кремния из почвы в месте попадания молнии.

– Что же на самом деле произошло в Британском музее? – спросил Пейнтер.

Адмирал Ректор достал из ящика письменного стола почерневший предмет, похожий на каменный обломок размером с теннисный мяч, и положил его на промокашку.

– Сегодня утром это было доставлено самолетом военно-транспортной авиации.

– Что это такое?

Адмирал кивком предложил Пейнтеру взять необычную породу. Пейнтер удивился неожиданной тяжести осколка. Это не камень. Обломок обладал удельной плотностью свинца.

– Метеоритное железо, – объяснил доктор Макнайт. – Кусок того экспоната, который несколько минут назад взорвался на экране монитора.

Пейнтер вернул осколок на стол.

– Я ничего не понимаю. Вы хотите сказать, что взрыв вызвал метеорит? А не шаровая молния?

– И да и нет, – загадочно ответил Макнайт.

– Что вам известно о Тунгусском метеорите в России? – спросил Ректор.

Неожиданная смена предмета разговора застигла Пейнтера врасплох. Нахмурившись, он стал копаться в памяти.

– Немногое. В тысяча девятьсот восьмом году где-то в Сибири упал метеорит, что вызвало мощный взрыв.

Ректор откинулся назад.

– «Мощный» – это мягко сказано. Ударная волна повалила лес в радиусе сорока миль от эпицентра, на площади, равной приблизительно половине территории штата Род-Айленд. Мощность взрыва была эквивалентна примерно двум тысячам атомных бомб. На удалении четырехсот миль от места взрыва лошадей валило с ног. Определение «мощный» не позволяет получить полное представление об этом взрыве.

– Были и другие последствия, – подхватил Макнайт. – Магнитная буря образовала круговорот диаметром шестьсот миль. На протяжении многих дней после взрыва ночное небо озарялось сиянием огромного количества пыли, поднятой в воздух, настолько ярким, что можно было читать газету. Электромагнитный импульс обежал половину земного шара.

– Господи, – пробормотал Пейнтер.

– Очевидцы, наблюдавшие взрыв на удалении сотен миль, говорили о мелькнувшей в небе ослепительной точке, яркостью сравнимой с солнцем, за которой следовал радужный переливающийся хвост.

– Метеорит, – сказал Пейнтер.

Адмирал Ректор покачал головой.

– Это одна из версий. Астероид с каменным ядром или комета. Однако эта версия не дает ответа на несколько вопросов. Во-первых, так и не было обнаружено ни одного осколка метеорита. Отсутствовала даже неизбежная в таких случаях иридиевая пыль.

– Углеродистые метеориты обычно оставляют иридиевые следы, – объяснил Макнайт. – Однако в случае с Тунгусским метеоритом таких следов не нашли.

– И не было кратера, – добавил адмирал.

Макнайт кивнул.

– Сила взрыва составляла около сорока мегатонн. До этого последний метеорит сопоставимых размеров упал в Аризоне приблизительно пятьдесят тысяч лет назад. Тогда сила взрыва составляла всего три мегатонны, лишь малую часть от Тунгусского, но остался огромный кратер диаметром в милю и глубиной в пятьсот футов. Почему такой кратер не образовался в бассейне Подкаменной Тунгуски? Тем более что точно известно, где именно произошел взрыв, – это было определено по деревьям, поваленным от эпицентра.

У Пейнтера не было ответа на эти вопросы. Как и еще на один, более насущный, возникший у него в голове: «Какое это имеет отношение к тому, что произошло в Британском музее?»

Макнайт продолжал:

– Кроме того, с момента взрыва в регионе наблюдались любопытные биологические последствия: ускоренный рост некоторых видов папоротников, увеличение количества

мутаций, в том числе генетических аномалий семян и хвои деревьев, изменение популяций. Не избежали влияния Тунгусского метеорита и люди. У местных племен эвенков наблюдаются аномалии резус-фактора крови. Все это отчетливо указывает на последствия радиации, скорее всего, гамма-лучей.

Пейнтер попытался охватить разумом взрыв, не оставивший кратера, необычные атмосферные явления и сильный радиационный фон.

– Так что же все-таки явилось причиной всего этого?

Ответил адмирал Ректор:

– Кое-что довольно небольшое. Весом всего около семи фунтов.

– Это невозможно, – пробормотал Пейнтер.

Адмирал пожал плечами.

– Да, если иметь дело с обычной материей...

Недосказанная загадка повисла в воздухе. В конце концов заговорил доктор Макнайт:

– Самые последние исследования, произведенные в тысяча девятьсот девяносто пятом году, позволяют предположить, что над сибирской тайгой действительно взорвался метеорит, но только сложенный из антивещества.

Пейнтер широко раскрыл глаза.

– Из антивещества?

Теперь он наконец понял, почему его пригласили на совещание. В то время как большинство людей считало антиматерию уделом научной фантастики, в прошедшее десятилетие она стала реальностью с получением первых античастиц в лабораториях. Передовые позиции занимала лаборатория Европейского центра физики высоких энергий в швейцарской Женеве. В подземном антипротоновом кольце малой энергии уже на протяжении почти двадцати лет вырабатывалась антиматерия. Однако к настоящему времени энергии всех антипротонов, полученных в лаборатории центра за целый год, хватало только на то, чтобы на несколько мгновений зажечь электрическую лампочку.

И тем не менее антивещество открывало захватывающие перспективы. Всего один грамм антиматерии может выделить энергию, эквивалентную взрыву атомной бомбы. Разумеется, сначала необходимо найти дешевый, доступный способ получения антивещества. А это было невозможно.

Пейнтер поймал себя на том, что он не может оторвать взгляд от куска метеоритного железа, лежащего на столе перед адмиралом Ректором. Ему было известно, что верхние слои земной атмосферы постоянно бомбардируются античастицами космических лучей, которые тотчас же аннигилируют, сталкиваясь с веществом атмосферы. Выдвигались постулаты, что в космическом вакууме могут существовать астероиды и кометы, состоящие из антивещества, которое осталось после Большого взрыва.

Пейнтер постепенно начинал складывать отдельные фрагменты в единое целое.

– Так значит, этот взрыв в Британском музее...

– Мы исследовали некоторую часть обломков, собранных в зале, где произошел взрыв, – сказал Макнайт. – Металл и дерево.

Пейнтер вспомнил фразу, которую выпалил его непосредственный начальник, ворвавшись в кабинет. «Получено подтверждение». У него в желудке образовался холодный комок.

Макнайт продолжал:

– Обломки обладают слабой радиационной сигнатурой, которая совпадает с сигнатурой Тунгусского метеорита.

– Вы хотите сказать, что взрыв в Британском музее был вызван аннигиляцией антивещества? Что тот метеорит действительно состоял из антиматерии?

Адмирал Ректор покатал опаленный осколок по столу.

– Разумеется, нет. Это обычное метеоритное железо. И ничего больше.

– Тогда я ничего не понимаю.

Снова заговорил Макнайт:

– От радиационной сигнатуры нельзя просто так отмахнуться. Совпадение слишком полное, чтобы быть случайным. Что-то произошло. Единственное объяснение состоит в том, что в этом метеорите было заключено антивещество, в каком-то неизвестном устойчивом состоянии. Электрический разряд шаровой молнии вывел его из этого состояния и спровоцировал цепную реакцию, которая привела к взрыву. Все антивещество было поглощено в момент взрыва.

– И осталась только эта оболочка, – добавил адмирал, указывая на обломок.

В кабинете воцарилась тишина. Сказанное имело слишком большое значение. Адмирал Ректор снова взял в руку железный самородок.

– Вы можете представить себе, какие будут последствия, если мы окажемся правы? Источник энергии практически неограниченной мощности, если существуют хотя бы намеки на то, как такое оказалось возможно, или, что еще лучше, образец. Это ни в коем случае не должно попасть в чужие руки.

Пейнтер поймал себя на том, что послушно кивает.

– Итак, каким будет наш следующий шаг?

Адмирал Ректор всмотрелся в его лицо.

– Нельзя допустить утечки этой информации, в том числе и нашим ближайшим союзникам. Слишком много ушей жадно ловят то, что говорят болтливые рты.

Он кивнул доктору Макнайту, предлагая ему продолжить. Командир отряда «Сигма» помолчал, собираясь с мыслями.

– Коммандер Кроу, мы хотим, чтобы вы возглавили небольшую команду, которая будет работать в Британском музее. Мы уже подготовили вам легенду – вы группа американских ученых, занимающихся изучением шаровых молний. Контакты будете устанавливать там и тогда, где и когда сможете. В Лондоне ваша задача будет заключаться в основном в том, чтобы держать глаза широко раскрытыми. Вы должны будете следить за любыми намеками на то, что сделаны какие-то новые открытия. Мы же здесь продолжим исследования, мобилизовав все силы. Если потребуются продолжить какие-то работы в Лондоне, ваша команда станет нашим передовым отрядом.

– Слушаюсь, сэр.

Адмирал Ректор и доктор Макнайт быстро переглянулись. Уловив в их взглядах немой вопрос, Кроу почувствовал, как у него по спине пробегают ледяные мурашки. Адмирал снова кивнул. Макнайт повернулся к Пейнтеру:

– Есть еще одно обстоятельство. Вполне вероятно, мы будем не единственными, кто работает в этом направлении.

– Что вы хотите сказать?

– Как вы помните, директор упомянул о двух сотрудниках отдела военных разработок, действовавших в Лондоне.

– Это они первыми обратили внимание на видеосъемку шаровой молнии.

– Совершенно верно.

И снова начальники Пейнтера быстро переглянулись. Затем командир отряда «Сигма» устремил на своего подчиненного пристальный взор.

– Четыре часа назад они были обнаружены мертвыми у себя в номере. Убиты выстрелом в голову. В номере все перевернуто вверх дном. Кое-что пропало. Полиция Большого Лондона считает, что это разбойное нападение с целью ограбления.

Адмирал Ректор подался вперед.

– Но я никогда не мог терпеть случайные совпадения. От них у меня начинает болеть сердце.

Макнайт кивнул.

– Неизвестно, связаны ли как-нибудь эти убийства с нашим расследованием, но мы хотим, чтобы вы и ваша команда считали, что они связаны. Будьте начеку и присматривайте друг за другом.

Пейнтер молча кивнул.

– Ну, будем надеяться, что, пока вы не переправитесь через Атлантику, новых значительных открытий сделано не будет, – заключил адмирал.

21 час 48 минут по Гринвичу

Лондон, Англия

– Ты должна извлечь сердце.

Сафия, проводившая измерения с помощью крошечного серебряного штангенциркуля, удивленно подняла голову. Вокруг уходил в полумрак Сводчатый зал музея. В библиотеке их осталось всего трое: Кара, Клей Бишоп и она сама. Директор Тайсон и инспектор полиции ушли двадцать минут назад. Судя по всему, доскональные измерения мельчайших деталей не вызвали у них никакого интереса, а первоначальный восторг по поводу надгробного изваяния с могилы отца Девы Марии прошел.

Сафия вернулась к измерениям.

– Придет время, я извлеку сердце.

– Нет, ты должна сделать это сейчас.

Сафия пристально посмотрела на подругу. Яркий свет галогенных прожекторов отчетливо вырисовывал лицо Кары. Ослепительное сияние полностью лишило его краски, но Сафия обратила также внимание на серебристый блеск кожи, на расширенные зрачки. Кара находилась в наркотическом опьянении. Опять амфетамины. Три года назад Сафия была одной из немногих, кто знал, что продолжавшаяся месяц «поездка за границу», совершенная леди Кенсингтон, в действительности явилась курсом лечения в дорогой частной наркологической клинике в Кенте. Как давно Кара опять начала принимать наркотики? Сафия растерянно посмотрела на Клея. Сейчас не лучшее время спорить с Карой.

– Почему такая спешка? – вместо этого спросила она.

Кара лихорадочно огляделась по сторонам. Ее голос перешел на шепот.

– Еще до того, как появился следователь, я кое-что обнаружила. Странно, что ты до сих пор сама ничего не заметила.

– Что именно?

Склонившись над изваянием, Кара указала на обнажившуюся часть сердца, а именно на правый желудочек.

– Посмотри на эту выпуклую линию, – сказала она, проводя по бурому металлу кончиком штангенциркуля.

– Одна из коронарных артерий или вен, – сказала Сафия, восхищенная тончайшей работой.

– Так ли? – возразила Кара. – Взгляни, верхний участок проходит практически строго горизонтально, после чего резко поворачивается вниз с обеих сторон под углом девяносто градусов.

Она провела штангенциркулем по необычному кровеносному сосуду. Ее пальцы тряслись характерной амфетаминовой дрожью.

Кара продолжала:

– В этом сердце все так, как сделано природой. Леонардо да Винчи пришлось бы очень постараться, чтобы добиться такой анатомической точности. Но природа не любит прямых углов.

Сафия склонилась ближе. Она провела кончиком пальца по металлическому сердцу, словно читая азбуку Брейля. Сомнение медленно сменилось потрясением.

– Концы... они просто обрываются. Они никуда не вливаются.

– Это буква, – решительно заявила Кара.

– Эпиграфическое южноаравийское письмо, – согласилась Сафия, называя древний алфавит, предшествовавший древнееврейской и арамейской письменностям. – Это буква «Б».

– И посмотри на то, что виднеется на верхней камере сердца.

– На правом предсердии, – подсказал сзади Клей.

Обе женщины удивленно оглянулись.

– Я какое-то время учился на медицинском, пока не понял, что вид крови оказывает такое... в общем, негативное воздействие на то, что я съел на завтрак.

Повернувшись к изваянию, Кара снова указала кончиком штангенциркуля:

– Значительная часть правого предсердия все еще скрыта песчаником, но, по-моему, там изображена еще одна буква.

Сафия склонилась ниже. Виднеющийся конец сосуда обрывался так же резко, как и в предыдущем случае.

– Мне придется работать очень осторожно.

Она подошла к столику, на котором были разложены пинцеты, зубила и маленькие молотки. Вооружившись необходимым инструментом, Сафия принялась за работу точными движениями хирурга, проводящего сложную операцию: молотком и зубилом откалывала большие куски хрупкого песчаника, затем пинцетом и кисточкой убирала обломки. Через несколько минут правое предсердие оказалось полностью открытым.

Сафия сосредоточенно уставилась на линии, на первый взгляд напоминающие коронарные сосуды. Однако на самом деле они изображали букву.

Этот рисунок был слишком сложным для простого совпадения.

– А это что за буква? – спросил Клей.

– Точного аналога в английском алфавите нет, – ответила Сафия. – Эта буква произносится приблизительно как «уа». Поэтому в транслитерации она часто изображается как «У-А». И примерно так же произносится. Хотя, сказать по правде, в эпиграфическом южноаравийском письме гласных букв нет.

Кара посмотрела ей в глаза.

– Мы должны извлечь сердце, – повторила она. – Если на нем имеются и другие буквы, они должны находиться на противоположной стороне.

Сафия кивнула. Левая половина сердца оставалась заключенной в каменную грудь. Молодой женщине не хотелось разбивать изваяние дальше, однако любопытство заставило ее без разговоров снова взять в руки инструмент. Сафия принялась за работу. Ей потребовалось добрых полчаса на то, чтобы удалить песчаник, стискивавший сердце. Наконец она приладила присоску и ухватилась за рукоятку обеими руками. Обратившись с молитвой ко всем древним богам Аравии, Сафия ровно потянула присоску вверх, напрягая мышцы.

Сначала ей показалось, что сердце не поддается, но на самом деле оно просто оказалось гораздо тяжелее, чем она предполагала. С искаженным от усилия лицом Сафия решительным движением извлекла сердце из груди. На пол посыпались кусочки песчаника и пыль. Кара торопливо приблизилась. Сафия уложила сердце на квадратный кусок мягкой замши, чтобы не поцарапать, после чего освободила присоску. Сердце перекатилось набок. Это движение сопровождалось тихим шлепком.

Сафия оглянулась. Услышали ли этот звук остальные?

– Говорил я вам, что оно полое внутри, – прошептал Клей.

Сафия рукой покачала сердце на куске замши. Центр тяжести ощутимо перемещался. Молодая женщина почему-то вспомнила детские куклы-неваляшки.

– Внутри какая-то жидкость.

Клей отшатнулся назад.

– Замечательно, но только пусть это будет не кровь. Я предпочитаю иметь дело с трупами, выпотрошенными и укутанными, как мумии.

– Оно наглухо закрыто, – заверила его Сафия, осматривая сердце. – Я даже не могу разглядеть, как оно открывается. Такое ощущение, что слой бронзы был просто отлит вокруг жидкости.

– Одни загадки внутри других, – заметила Кара, в свою очередь покатав сердце по замше. – А другие буквы есть?

К ней присоединилась Сафия. Им потребовалось какое-то время на то, чтобы сориентироваться и определить две камеры, которые до этого были скрыты в камне. Сафия провела пальцем по левому желудочку. Поверхность оказалась ровной и гладкой.

– Ничего, – произнесла Кара, удивленная и сбита с толку. – Быть может, буква стерлась.

Сафия изучила поверхность более тщательно и протерла ее салфеткой, смоченной в изопропиловом спирте.

– Я не вижу никаких царапин и следов.

– А что насчет левого предсердия? – спросил Клей.

Кивнув, Сафия перевернула сердце и быстро заметила линию, изгибающуюся вдоль поверхности.

– Это буква «Р», – испуганно прошептала Кара. Она обессиленно рухнула на стул. – Не может быть...

Клей нахмурился.

– Я ничего не понимаю. Буквы «Б», «УА» или «У» и «Р». Что это обозначает?

– А эти три буквы эпиграфического южноаравийского письма должны быть вам знакомы, мистер Бишоп, – заметила Сафия. – Быть может, не в такой последовательности.

Взяв карандаш, она написала буквы так, как они должны были читаться.

– Южноаравийское письмо, в отличие от английского, читается справа налево, как иврит и арабское. У-Б-Р. Это одни согласные, гласных букв нет.

Молодой американец широко раскрыл глаза.

– У-Б-А-Р. Проклятый затерянный город в Аравии, Атлантида в песках.

Кара покачала головой.

– Сначала взрывается обломок метеорита, который должен охранять Убар, а теперь мы находим это название, написанное на бронзовом сердце.

– Если оно действительно бронзовое, – возразила Сафия, которая стояла, по-прежнему склонившись над столом.

Ее слова вывели Кару из оцепенения.

– Что ты хочешь сказать?

Сафия подняла сердце.

– Когда я вынимала его, оно показалось мне слишком тяжелым, особенно если учесть, что оно полое и заполнено жидкостью. Взгляните на поверхность левого желудочка, которую я протерла спиртом. Металл слишком бурый.

Кара выпрямилась; ее глаза зажглись догадкой.

– Ты полагаешь, что оно железное, как и осколок метеорита?

Сафия кивнула.

– Возможно, оно из того же самого метеоритного железа. Надо будет исследовать его подробнее, однако в любом случае это какая-то бессмыслица. В ту эпоху, когда была высечена эта скульптура, народы Аравийского полуострова еще не умели плавить и обрабатывать железо, не говоря уж о том, чтобы создавать такие произведения искусства. Здесь столько загадок, что я даже не знаю, с чего начинать.

– Если ты права, – сурово заявила Кара, – то убогий перевалочный пункт на караванном пути, обнаруженный в пустыне, является лишь предисловием к длинному повествованию. Многие остались непознанным.

Она указала на сердце.

– Как, например, истинное сердце Убара.

– Но что нам делать сейчас? Каким будет наш следующий шаг? Мы нисколько не приблизились к разгадке тайны Убара.

Клей внимательно осмотрел сердце.

– Как-то странно, что на левом желудочке никаких букв нет.

– Название «Убар» пишется с помощью всего трех букв, – объяснила Сафия.

– В таком случае зачем использовать четырехкамерное сердце и наносить буквы в направлении тока крови?

Сафия резко обернулась.

– Будьте добры, объясните.

– Кровь входит в сердце из тела через полую вену и попадает в правое предсердие.

Буква «У».

Молодой американец ткнул пальцем в обрубок большого кровеносного сосуда, подходящего к верхней правой камере сердца, и продолжил урок анатомии, сопровождая пояснения движением пальца.

– Затем кровь проходит через атриовентрикулярный клапан в правый желудочек. Буква «Б». Отсюда кровь через легочную артерию отправляется в легкие и возвращается, обогащенная кислородом, через легочную вену в левое предсердие. Буква «Р». Итого получается слово «Убар». Но почему дальше надпись обрывается?

– А действительно, почему? – нахмурившись, пробормотала Сафия.

Она задумалась над загадкой. Название города нанесено в том направлении, в котором течет кровь. Похоже, в этом содержится какое-то указание, подсказка. Смутно забрезжила догадка.

– Куда направляется кровь, покидая сердце?

Клей указал на толстый изогнутый сосуд в самом верху.

– Через аорту в головной мозг и в остальное тело.

Перекатив тяжелое сердце, Сафия отыскала конец аорты и уставилась на обрубок. Толстый кровеносный сосуд был закупорен кусочком песчаника. Торопясь очистить поверхность камер, Сафия не стала терять время на то, чтобы его убрать.

– О чем ты думаешь? – спросила Кара.

– Похоже, надпись на что-то указывает.

Положив сердце на стол, Сафия стала счищать песчаник с конца аорты. Рассыпчатый камень поддался без труда. Увидев то, что было скрыто за песком, Сафия отпрянула назад.

– Что это? – спросил Клей, заглядывая ей через плечо.

– То, что в древности ценилось жителями Аравии больше самой крови.

Маленьким пинцетом Сафия достала несколько кусочков окаменевшей смолы. Молодая женщина уловила приятный аромат кристаллов, сохранившийся на протяжении долгих столетий. Это был запах эпохи, предшествовавшей рождению Христа.

– Ладан, – тихо промолвила Кара, и в ее голосе прозвучало благоговейное почтение. – Что это значит?

– Это указатель, – ответила Сафия. – Подобно крови текут богатства Убара.

Она повернулась к подруге.

– Это сердце показывает на Убар, на следующий шаг, который приведет к порогу города.

– Но куда именно оно указывает? – спросила Кара.

Сафия, трогая пинцетом кусочки ладана, покачала головой.

– Точно сказать не могу, но город Салала стоял в самом начале знаменитой Дороги благовоний. И в нем находится гробница наби Амираана.

Кара выпрямилась.

– В таком случае именно оттуда мы должны начать поиски.

– Поиски?

– Нужно немедленно организовать экспедицию, – быстро заговорила Кара, возбуждение которой теперь подпитывалось не амфетамином, а надеждой. – Трогаться в путь надо через неделю, не позже. Я поручу своим людям в Омане заняться всеми необходимыми приготовлениями. И нам понадобятся лучшие специалисты. Разумеется, ты сама и все те, кого ты сочтешь нужным пригласить.

– Я? – спросила Сафия, чувствуя, что ее сердце пропустило удар. – Я не... Уже много лет я не работала в поле.

– Ты едешь с нами, – решительно заявила Кара. – Тебе пора вылезти из этих пыльных коридоров. Вернуться в мир.

– Я смогу координировать работу, оставаясь здесь. Раскопки можно вести без меня.

Кара пристально посмотрела на подругу, надеясь, что та передумает, как это уже не раз происходило в прошлом. Ее голос перешел на хриплый шепот.

– Саффи, ты мне очень нужна. Если там действительно что-то есть, ответ... Ты нужна мне там. Одна я не смогу.

Она тряхнула головой, готовая вот-вот расплакаться. Сафия сглотнула подступивший к горлу комок, борясь с собой. Ну как она может отказывать подруге? Она увидела в глазах Кары страх и надежду. Однако у нее самой в голове до сих пор звучали отголоски криков, которые Сафия не могла заглушить. Она по-прежнему ощущала, что ее руки перепачканы детской кровью.

– Я не могу.

Судя по всему, у нее на лице что-то дрогнуло, потому что Кара в конце концов кивнула головой.

– Я тебя понимаю.

Однако, судя по ее сдавленному голосу, она ничего не понимала. Понять Сафию не мог никто. Кара продолжала:

– Но в одном ты была права. Нам обязательно потребуется опытный археолог на месте. А раз ты с нами не едешь, придется пригласить кого-то другого, и я, кажется, знаю, кого именно.

Сафия догадалась, кого она имеет в виду. О нет, только не его... Похоже, Кара прочла мысли подруги.

– Ты знаешь, что у него самый большой опыт археологических раскопок в этом регионе.

Порывшись в сумочке, она достала сотовый телефон.

– Если мы хотим добиться успеха, нам понадобится Индиана Джонс.

4. Бурлящая вода

15 ноября, 7 часов 02 минуты

Река Янцзы, Китай

– Никакой я не Индиана Джонс! – перекрывая рев реактивного двигателя катера, проорал он в спутниковый телефон. – Меня зовут Омаха. Доктор Омаха Данн, Кара, и тебе это прекрасно известно!

Ответом ему стал измученный вздох.

– Омаха, Индиана... Какая разница, черт побери! Все ваши американские имена одинаковые.

Склонившись над штурвалом, он вел катер на полной скорости по извилистой реке. Стиснутые с обеих сторон отвесными утесами, мутные воды Янцзы, извиваясь и бурля, неслись по ущелью, заслуженно прозванному Тесниной. Через несколько лет плотина «Три ущелья» затопит весь район, превратив его в спокойное озеро с глубинами до двухсот футов, но пока что подводные скалы и бешеные протоки не позволяли ни на мгновение расслабиться человеку, рискнувшему на плавание по бурной реке, пробивающейся сквозь узкое горло.

Однако опасность исходила не только от скал и водоворотов. Совсем рядом с бортом катера просвистела пуля. Предупредительный выстрел. Преследователи быстро нагоняли катер на двух черных скутерах «Скимитар-170», чертовски быстроходных судах.

– Послушай, Кара, что ты хочешь?

Наскочив на пенящийся бурун, катер на мгновение подлетел в воздух. Омаху подбросило над сиденьем, и он крепче ухватился одной рукой за штурвал. У него за спиной раздалось удивленное восклицание. Омаха крикнул через плечо:

– Держись!

Катер тяжело плюхнулся в воду. За восклицанием последовал стон.

– А теперь продолжай.

Взгляд назад убедил Омаху в том, что с его младшим братом Денни все в порядке. Тот лежал на корме, распластавшись, засунув голову в ящик с припасами под задней скамьей. Два черных скутера за кормой неумолимо приближались. Омаха зажал ладонью микрофон.

– Доставай ружье!

Брат вылез из ящика, вытаскивая двустволку, и тыльной стороной запястья поправил очки на носу.

– Готово!

– А патроны?

– Ах да!

Денни снова нырнул в ящик. Омаха молча покачал головой. Его брат, известный палеонтолог, в двадцать четыре года уже защитил докторскую диссертацию, однако в простых житейских вопросах он оставался несобранным подростком. Омаха снова поднес микрофон к губам.

– Кара, что ты задумала?

– Что у вас происходит?

– Пока ничего, но кое-что намечается. Зачем ты мне позвонила?

Последовала долгая пауза. Омаха не мог определить, то ли это следствие задержки прохождения сигнала от Лондона до Китая через спутник, то ли Кара просто задумалась. Так или иначе, у него самого появилась хорошенько подумать. Он уже четыре года не встречался с Карой Кенсингтон. С тех самых пор, как разорвал помолвку с Сафией аль-Мааз. Омаха понимал, что этот звонок обусловлен не праздным любопытством. Кара

говорила быстро, глотая от волнения слова, и у него в груди вспыхнула тревога за Сафию. Он понял, что не сможет закончить разговор до тех пор, пока не убедится, что с ней все в порядке.

Наконец Кара заговорила снова:

– Я собираюсь направить экспедицию в Оман. Мне бы хотелось, чтобы полевые работы возглавил ты. Мое предложение тебя заинтересовало?

Омаха едва удержался, чтобы не выключить телефон. Так значит, вот в чем причина этого дурацкого звонка.

– Нет, спасибо.

– Это очень важно.

Омаха услышал в голосе Кары отчаяние.

– Каковы временные рамки? – простонал он.

– Мы собираемся в Маскате через неделю. Не могу рассказать все подробности по телефону, но речь идет об очень важном открытии. Возможно, будет переписана вся история Аравийского полуострова.

Прежде чем Омаха успел ответить, к нему протиснулся Денни.

– Я зарядил оба ствола. Но я не представляю себе, как ты собираешься остановить наших преследователей, ведь в патронах соль.

– Не я. Стрелять будешь ты. Целься в корпус. Напугай их, выиграй немного времени. А у меня и без того забот по горло.

Омаха указал на коробку со спутниковым телефоном. Кивнув, Денни полез обратно на корму. Натянув наушники на голову, Омаха успел поймать конец фразы Кары:

– ...случилось? В кого ты собираешься стрелять?

– Успокойся. Мы просто хотим отпугнуть больших водяных крыс.

Ему не дал договорить оглушительный выстрел.

– Промазал! – в сердцах выругался Денни.

Снова заговорила Кара:

– Так что насчет экспедиции?

Денни вставил в двустволку новый патрон.

– Стрелять еще?

– Да, черт побери!

– Замечательно, – обрадовалась Кара, превратно поняв его восклицание. – Ждем тебя через неделю в Маскате. Место ты знаешь.

– Подожди! Я вовсе не...

Однако связь уже прервалась. Омаха швырнул наушники на дно. Кара прекрасно поняла, черт побери, что он не дал согласия принять участие в экспедиции. Как всегда, она просто воспользовалась ситуацией.

– Я попал одному из них в лицо! – с изумлением прокричал Денни. – Скутер повернул к берегу. Но берегись! Второй заходит к нам с правого борта!

Омаха взглянул направо. Обтекаемый черный «Скимитар» несся параллельным курсом. В нем, низко пригнувшись, сидели четверо в поношенной военной форме. Бывшие солдаты. Один из них поднес ко рту рупор. Раздались фразы по-китайски, произнесенные с повелительными интонациями, общий смысл которых был ясен: «Остановитесь, иначе умрете!» В подкрепление этому требованию появился ручной гранатомет, нацеленный на катер.

– Мне сдается, на этот раз стрелять в них солью бесполезно, – заметил Денни, обессиленно опускаясь на скамью.

Не имея выбора, Омаха перевел назад ручку газа, сбрасывая скорость. Он замахал рукой, показывая, что признает поражение. Денни открыл бардачок. В нем лежали три вели-

колепно сохранившихся окаменевших яйца тираннозавра. Обнаруженные в пустыне Гоби, они предназначались для музея в Пекине. К несчастью, у подобных сокровищ много поклонников. Частные коллекционеры приобретают такие реликвии на черном рынке, выкладывая за них баснословные суммы.

– Будь готов, – шепнул брату Омаха.

Денни закрыл бардачок.

– Пожалуйста, не делай то, что, как я опасуюсь, ты собираешься сделать.

– Никто и никогда еще ничего у меня не крал. В здешних краях я единственный разоритель могил.

Омаха поднял крышку, которая закрывала кнопку подачи азотсодержащего горючего в импульсный ускоритель, встроенный в турбодвигатель. Этот катер он купил у одного мастера в Новой Зеландии. До того судно возило туристов по реке в окрестностях Окленда.

Его взгляд сосредоточился на следующем изгибе петляющей реки. Тридцать ярдов. Если повезет. Омаха нажал на кнопку. Азотсодержащий газ хлынул в сопло, воспламеняя импульсный ускоритель. Из сдвоенной выхлопной трубы вырвались языки пламени, сопровождаемые диким ревом реактивного двигателя. Нос катера задрался вверх; корма осела в воду. Со скутера донеслись злобные крики. Захваченные врасплох преследователи не успели нацелить гранатомет.

Омаха толкнул рычаг управления двигателем до отказа вперед. Катер буквально полетел над водой – стремительная торпеда из алюминия и хромированной стали. Денни принялся лихорадочно пристегиваться ремнем.

– О господи!

Омаха застыл у штурвала, чуть согнув ноги в коленях. Когда они приблизились к острой скале, торчащей из воды, Омаха рискнул оглянуться. Скутер несся следом, пытаясь нагнать беглецов. У преследователей было одно бесспорное преимущество. Яркая вспышка обозначила пуск реактивной гранаты. При взрыве она уничтожает вокруг себя все в радиусе двадцати метров. Так что подходить особо близко к цели не требовалось.

Омаха резко выкрутил штурвал вправо, и катер, высоко задрав левый борт, вспорол воду и завернул за скалу. Граната пролетела мимо, едва не зацепив корму. Выйдя из поворота, Омаха выровнял катер и направил его на стремнину. Граната взорвалась в скалах на противоположном берегу. В облаке дыма и пыли градом простучали раздробленные взрывом камни.

Омаха выжимал из двигателя все до предела. Катер теперь несся вперед, едва касаясь воды. Вел при этом себя он так, словно скользил по льду. Позади из дыма, затянувшего поворот, показался черный скутер, продолжавший погоню. Преследователи заряжали гранатомет новой гранатой.

Нельзя дать им возможность сделать еще один прицельный выстрел. К счастью, Теснина позволяла маневрировать. Повороты и излучины не давали катерам находиться в виду друг друга в течение долгого времени, однако они также вынудили Омаху выключить реактивный ускоритель и сбросить скорость.

– Мы сможем от них оторваться? – спросил Денни.

– Не думаю, что у нас есть выбор.

– А почему бы просто не отдать им эти треклятые яйца? По-моему, наши жизни стоят дороже.

Омаха покачал головой, дивясь наивности брата. Трудно было поверить, что они родные братья. Оба были одного роста – шесть футов два дюйма, оба имели одинаковые золотисто-соломенные волосы, но Денни выглядел так, словно состоял из одних костей, скрепленных проволокой. У Омахи же кости обросли слоем упругих мышц, закаленных суровой жизнью, а кожа была опалена солнцем пяти из шести континентов. И десять лет, отделявшие

старшего брата от младшего, оставили у него на лице складки, подобные годовым кольцам на спиле дерева: морщинки в уголках глаз, глубокие борозды на лбу. Следы того, что он слишком много хмурился и недостаточно улыбался.

А Денни остался нетронутым, гладким – чистым листом бумаги, ждущим, когда на нем что-нибудь напишут. Он вихрем пронесся по Колумбийскому университету и невероятно быстро защитил диссертацию. Омаха подозревал, что отчасти подобная скорость объяснялась тем, что Денни стремился как можно скорее присоединиться к своему старшему брату и познать окружающий мир.

Что ж, вот он, этот мир: работа с утра до вечера, редкая возможность принять душ, зловонные палатки, грязь и пот в каждой складке кожи. И ради чего? Ради того, чтобы находка оказалась в руках каких-то грабителей?

– Если мы отдадим им яйца...

– Они все равно нас убьют, – закончил Омаха, бросая катер в очередной крутой поворот. – Эти ребята не любят оставлять следы.

Денни всмотрелся за корму.

– Значит, мы бежим.

– Как можно быстрее.

Скутер появился из-за поворота, и рев двигателя «Скимитара» стал громче. Преследователи сокращали расстояние. Омахе требовалось набрать скорость; а для этого надо было молиться о полосе спокойной воды, достаточно длинной, чтобы открыть до конца форсунки ускорителей, но не слишком длинной, чтобы преследователи успели сделать еще один прицельный выстрел.

Омаха вертел катер по узкой протоке из стороны в сторону. Охваченный тревогой, он не заметил скрытый водой камень. Катер налетел на валун, на мгновение застыл на нем, а затем алюминиевый корпус со скрежетом освободился и плюхнулся в реку.

– Ничего хорошего в этом не было, – заметил Денни.

Совершенно верно. Омаха нахмурился. Он почувствовал под ногами настойчивую дрожь корпуса. Даже на гладкой воде. Что-то определенно оторвалось.

И снова двигатель «Скимитара» взревел громче.

Выписывая очередной поворот, Омаха успел бросить взгляд на преследователей. До них оставалось меньше семидесяти ярдов. Повернувшись вперед, он услышал испуганный крик Денни. Вода впереди бурлила, покрытая белой пеной. Здесь она была стиснута двумя отвесными скалами. Длинная прямая полоса – слишком длинная, слишком прямая.

Если бы можно было где-нибудь причалить и попытать свои шансы на суше, Омаха рискнул бы. Однако выбора не было. Он продолжал вести катер вниз по реке, высматривая подводные камни и следя за течением. У него в голове возникли наметки плана.

– Денни, тебе это не понравится.

– Что?

Пройдя вниз около четверти бурной протоки, Омаха развернул катер в заводь и, описав круг, направил его носом вверх по течению.

– Что ты надумал?

– Днище пробито, – объяснил Омаха. – Теперь нам от них не оторваться. Придется вступить в бой.

Денни похлопал по прикладу двустволки.

– Заряд соли против реактивного гранатомета?

– Главное – элемент внезапности. А также точный расчет.

Выдвинув рычаг газа до отказа вперед, Омаха вернул катер в протоку вверх по течению. Он мысленно следил по карте, составленной в голове: обогнуть этот порог, завернуть за водоворот, обойти скалу, разрезающую поток, прижаться к более спокойному краю. Он

нацелился на отраженную волну, которая взгорбилась над валуном, гладко отполированным непрерывно текущей водой.

Скутер приближался, рев его двигателя нарастал.

– Вот они... – пробормотал Денни, поправляя очки.

Омаха разглядел за гребнем воды нос «Скимитара», появившегося из-за поворота. Откинув крышку, он поставил большой палец на кнопку управления реактивным ускорителем и перевел заслонки на максимальную скорость. Все или ничего.

«Скимитар» завернул за скалу, и преследователи заметили беглецов. Наверное, они предположили, что те застряли, попав в мощный водоворот. Скутер начал сбрасывать скорость, однако инерция и течение реки неудержимо влекли его прямо к порогу. Теперь до преследователей оставалось всего десять ярдов. Слишком близко, чтобы стрелять из гранатомета. Осколки заденут скутер и тех, кто в нем находится.

Наступило затишье. По крайней мере, так казалось.

– Хватайся крепче! – предупредил Омаха, нажимая кнопку реактивного ускорителя.

Казалось, кто-то взорвал под кормой катера целый ящик тротила. Рванув вперед, катер налетел на стоячую волну, зацепив днищем скрытый под водой валун. Нос заполз на плоский камень, опуская корму вниз. Реактивные струи, вырвавшиеся из двух сопел, поставили легкий алюминиевый корпус чуть ли не вертикально вверх. Оставляя за собой огненный след, катер поднялся в воздух, перелетая через волну.

Денни в ужасе заорал, и на этот раз Омаха присоединился к брату.

Катер завис в воздухе над «Скимитаром», однако в действительности он не был предназначен для полетов. Как только азотсодержащая смесь перестала поступать в форсунки, реактивный ускоритель заглох и катер рухнул на углепластиковый корпус «Скимитара».

Удар больно отдался Омахе в ягодицы. Хлынувшая через борта вода захлестнула его, но катер тотчас же снова выскочил на поверхность.

– Денни!

– Пока что живой.

Ошеломленный брат сидел, пристегнутый ремнем. Омаха осторожно подполз к борту и посмотрел вниз.

Корпус скутера был разбит вдребезги; обломки расплывались в разные стороны. Среди них качался труп, погруженный лицом в воду. По мутной реке расплывалась кровь, образуя свой собственный ручеек. В воздухе висел сильный запах горячего. Но течение благополучно увлекло катер прочь от обломков, так что взрыва можно было не бояться.

Омаха разглядел в воде двоих человек, которые, судорожно цепляясь за обломки, спускались на своих импровизированных плавсредствах по бурной протоке. Похоже, они потеряли всяческий интерес к яйцам динозавра. Вернувшись за штурвал, Омаха проверил двигатель. Тот, почихав, умер. Здесь больше надеяться не на что. Алюминиевый корпус был помят, киль оторвало, но, по крайней мере, катер оставался на плаву. Омаха достал весла. Отстегнувшись, Денни взял одно из них.

– И что дальше?

– Будем звать помощь, пока не подоспел второй скутер.

– И к кому ты намерен обратиться?

12 часов 05 минут по Гринвичу

Сафия тщательно заворачивала железное сердце в специальную упаковочную бумагу, не содержащую кислоты, когда зазвонил лежащий на скамье телефон. Это был мобильник Кары. Кара оставила его, снова отлучившись в туалет. Для того чтобы немного освежиться, как сказала она Сафии и Клею. Но Сафия знала, в чем заключается истинная причина. Новая доза таблеток.

Телефон продолжал звонить.

– Может быть, мне ответить? – предложил Клей, собиравший штатив.

Вздыхнув, Сафия взяла телефон. Вдруг это что-нибудь очень важное.

– Алло, – сказала она, раскрывая аппарат.

Далекий собеседник кашлянул, прочищая горло.

– Сафия? – послышался мягкий изумленный голос, слишком хорошо знакомый ей.

Сафии показалось, что вся ее кровь отхлынула в ноги.

– Омаха?

– Я... я пытался дозвониться до Кары. И не имел понятия, что ты с ней.

Ей с трудом удалось заставить язык шевелиться. Голос ее прозвучал неестественно.

– Кара сейчас занята. Если ты подождешь, я...

– Сафия!

Сафия, уже собравшаяся положить телефон, застыла и держала его так, словно забыла, как им пользоваться. Из телефона доносился тихий голос Омахи:

– Я, может быть...

Он запнулся, подбирая слова, и наконец остановился на нейтральном вопросе.

– Раз ты сейчас вместе с Карой, тебе должно быть известно, что все это значит. В какую экспедицию меня хотят втянуть?

Сафия прижала телефон к уху. Вести деловой разговор она сможет.

– Долгая история, но мы тут кое-что нашли. Нечто из ряда вон выходящее. Это позволяет взглянуть абсолютно по-новому на историю Убара.

– Убара?

– Совершенно верно.

Последовала еще одна затянувшаяся пауза.

– То есть это имеет какое-то отношение к отцу Кары.

– Да. И возможно, Кара наконец наткнулась на что-то существенное.

– Ты тоже примешь участие в экспедиции?

Этот вопрос был произнесен деревянным голосом.

– Нет, от меня будет больше проку здесь.

– Чепуха! – прокричал Омаха, и следующие его слова хлынули таким громким, стремительным потоком, что Сафии пришлось оторвать телефон от уха. – Об Убаре и его истории тебе известно больше, чем кому бы то ни было из живущих на земле. Ты должна ехать! Если не ради Кары, то ради себя самой!

Внезапно у Сафии за спиной прозвучал голос:

– Он прав. – Кара, услышавшая последние слова Омахи, подошла к подруге. – Разрешить эту загадку и все остальные, с какими нам предстоит столкнуться, мы сможем только в том случае, если ты будешь с нами.

Сафия растерянно перевела взгляд с телефона на подругу, чувствуя себя в ловушке. Протянув руку, Кара забрала у нее телефон.

– Омаха, она отправляется с нами.

Сафия открыла было рот, собираясь возразить.

– Это слишком важно, – оборвала ее Кара, обращаясь одновременно к ней и к Омахе. Ее глаза лихорадочно блестели от наркотического возбуждения.

– Я не приму отказа ни от одного из вас.

– Я в деле, – услышала Сафия электронный шепот Омахи. – Кстати, я бы не отказался, если бы мне помогли выбраться отсюда.

Забрав телефон, Кара отошла в сторону, превратив разговор в личный. Молча выслушав то, что сообщил ей Омаха, она кивнула и сказала:

– Слушай, Индиана, бывало ли хоть раз, чтобы ты не попадал в передряги? Ладно, у меня есть твои координаты, полученные по GPS³. Через час за тобой прилетит вертолет.

Она захлопнула телефон и повернулась к Сафии.

– Знаешь, очень хорошо, что у вас с ним ничего не вышло.

– Кара...

– Ты отправляешься с нами. Трогаемся в путь через неделю. Ты должна, ради меня.

Она вихрем вылетела из зала, а Клей после некоторой паузы смущенно произнес:

– Я тоже не имею ничего против того, чтобы отправиться с вами.

Сафия нахмурилась. Молодой американский аспирант ничего не смыслит в реальном мире. Впрочем, быть может, это и к лучшему. У Сафии возникло предчувствие, что сейчас она затронула нечто такое, что лучше было бы оставить в покое.

³ GPS – глобальная система позиционирования, позволяющая с помощью спутников точно определить местонахождение объекта на земле, на море, в воздухе и даже в космосе.

5. Хождение по канату

15 ноября, 2 часа 12 минут по Гринвичу

Лондон, Англия

Через несколько часов после ухода Кары Сафия сидела в своем темном кабинете. Только настольная лампа вырывала из мрака море газет и зачитанных журналов. Как Кара может требовать от нее, чтобы она всего за неделю собралась ехать в Оман? Особенно после взрыва в галерее. Здесь еще столько дел!

Она не может ехать. Только и всего. И Кара просто должна это понять. Ну а если не поймет, Сафии это уже не касается. Она будет поступать так, как лучше для нее самой. Этот урок она четко усвоила от своего психотерапевта. Ей потребовалось четыре года на то, чтобы хоть как-то упорядочить свою жизнь, ощущать спокойствие днем и не мучиться кошмарами ночью. Здесь ее дом, и она не бросит его ради погони за призрачной жар-птицей в пустынях Омана. И еще этот больной вопрос с Омахой Данном...

Сафия рассеянно жевала ластик на конце карандаша. За последние двенадцать часов это была ее единственная еда. Она понимала, что ей нужно уйти из музея, перехватить запоздалый ужин в пабе на углу, а затем постараться урвать несколько часов сна. К тому же Билли был целый день обделен вниманием, и теперь для того, чтобы загладить обиду, неплохо было бы угостить его кусочком свежего тунца.

И тем не менее Сафия не могла заставить себя стронуться с места. Она снова и снова прокручивала в памяти разговор с Омахой. У нее в груди с новой силой пульсировала старая боль. Ну зачем она взяла этот телефон...

Сафия познакомилась с Омахой десять лет назад, в Сухаре. Двадцатидвухлетняя выпускница Оксфорда, она тогда собирала материал для диссертации о парфянском влиянии в Южной Аравии. Омаха застрял в том же самом приморском городе, ожидая получить одобрение правительства Омана на проведение исследований в отдаленном уголке спорной территории.

– Вы говорите по-английски? – были первые слова Омахи, с которыми он обратился к Сафии.

Она работала за столиком на веранде небольшого общежития, выходящей на Аравийское море. В этом общежитии собрались все бедные студенты, что-либо изучавшие в окрестностях Сухара, поскольку комнату здесь можно было снять за гроши, и это было единственное место, где подавали приличный кофе.

Недовольная тем, что ее прервали, Сафия ответила довольно резко:

– Надеюсь, сэр, что, являясь гражданкой Великобритании, я владею английским лучше вас.

Подняв взгляд, она увидела молодого мужчину с золотисто-соломенными волосами, васильково-голубыми глазами, светлой щетиной на подбородке, в потертом костюме песчано-защитного цвета, традиционном оманском головном платке и со смущенной улыбкой на лице.

– Прошу прощения, – продолжал незнакомец. – Я обратил внимание, что у вас есть пятый номер журнала «Аравийская археология и эпиграфическое письмо». Вы не могли бы одолжить его на минутку? Мне нужно заглянуть в одну статью.

Сафия взяла журнал.

– В какую именно?

– В статью «Оман и Объединенные Арабские Эмираты на карте Птолемея». Я отправляюсь в пограничные районы.

– Вот как? А я считала, что эти территории закрыты для иностранцев.

И снова улыбка, но только на этот раз чуть тронутая смешинкой.

– Вы меня поймали. Мне следовало бы сказать, что я надеюсь отправиться в пограничные районы. Я до сих пор не получил ответ из консульства.

Откинувшись назад, Сафия с любопытством оглядела своего собеседника с ног до головы и перешла на арабский.

– И чем вы намереваетесь там заняться?

Не растерявшись ни на мгновение, молодой мужчина ответил также по-арабски:

– Я собираюсь помочь разрешить пограничный спор, установив древние пути кочевья местных племен дуру и тем самым сославшись на исторический прецедент.

Сафия, решив проверить, насколько хорошо он знаком с географией региона, продолжила по-арабски:

– Вам надо быть особенно осторожным в Умм-эль-Самиме.

– Да, зыбучие пески, – кивнув, ответил незнакомец. – Мне приходилось читать об этих коварных местах.

Его взгляд горел живым интересом. Смиловитившись, Сафия протянула ему журнал.

– Но помните, что это единственный экземпляр, который имеется в Институте изучения Аравии. Я вынуждена попросить вас никуда не уносить журнал отсюда.

– Вы упомянули Институт изучения Аравии? – Незнакомец шагнул к ней. – Это то самое некоммерческое учреждение, которое содержится на средства «Кенсингтонских нефтяных скважин», не так ли?

– Да, а что?

– Я тщетно пытался выйти на кого-нибудь из руководства института, чтобы мне помогли смазать шестеренки в правительстве Омана, но никто не хочет отвечать на мои письма и звонки. Расколоть это заведение не легче, чем его спонсора, Кару Кенсингтон. Вот уж кому как нельзя лучше подходит выражение «холодная рыба».

– Гм, – неопределенно произнесла Сафия.

Представившись, доктор Омаха Данн попросил разрешения читать журнал, подсев к ней за столик. Сафия пододвинула ему стул.

– Я слышал, здесь готовят очень неплохой кофе, – заметил доктор Данн, усаживаясь рядом.

– Но чай еще лучше, – возразила Сафия. – Впрочем, опять же я англичанка.

Какое-то время они сидели молча. Каждый читал свой журнал, изредка украдкой бросая друг на друга взгляды и попивая – он кофе, она чай. Увидев, как за спиной у ее гостя открылась дверь на веранду, Сафия помахала рукой. Американский археолог обернулся, и у него глаза от удивления вылезли из орбит.

– Доктор Данн, – безмятежно произнесла Сафия, – позвольте представить вам леди Кару Кенсингтон. Вам будет приятно узнать, что она тоже говорит по-английски.

Сафия с ребяческим удовольствием отметила, как молодой американец побледнел, застигнутый врасплох. У нее возникло подозрение, что подобное происходит с ним нечасто.

До вечера все трое беседовали, обсуждая текущие события на Аравийском полуострове и у себя дома, делясь друг с другом интересными фактами из истории Аравии. Перед самым заходом солнца Кара ушла, чтобы присутствовать на деловом ужине с членами местной торговой палаты, предварительно пообещав доктору Данну помочь организовать экспедицию.

– Полагаю, я перед вами в долгу и мне следует пригласить вас на ужин, – сказал он, когда Кара ушла.

– А мне, наверное, следует принять ваше приглашение.

Вечер они провели, неспешно наслаждаясь шашлыком из королевской макрели с местными острыми лепешками рухаль. Они говорили до тех пор, пока солнце не погрузилось в

море и на небо не высыпали звезды. Этот ужин стал их первым свиданием. Второе состоялось только через полгода, когда Омаха наконец вышел из йеменской тюрьмы, куда попал за то, что без разрешения проник в мусульманскую святыню. Потом они продолжили время от времени встречаться на четырех из шести континентов. Как-то на Рождество в своем родовом доме в Линкольне в штате Небраска Омаха торжественно опустился на колено перед диваном, на котором сидела Сафия, и предложил ей выйти за него замуж. Такого счастья она еще не испытывала никогда в жизни.

Но месяц спустя одна ослепительная вспышка все переменяла.

Пытаясь отогнать это воспоминание, Сафия наконец встала из-за стола, чтобы проветриться. В кабинете было слишком душно. Ей требовалось пройтись, рассеяться, ощутить лицом дуновение свежего ветерка, даже несущего холодную сырость лондонской зимы. Надев пальто, Сафия заперла дверь.

Ее кабинет располагался на втором этаже. Лестница, ведущая на первый этаж, находилась в противоположном конце крыла, рядом с Кенсингтонской галереей, и, следовательно, Сафии предстояло еще раз пройти мимо места взрыва. Ей не хотелось делать это, однако выбора не было.

Сафия пошла по длинному темному коридору, освещенному лишь редкими красными лампами сигнализации. Обычно она с наслаждением гуляла по опустевшему музею. После суеты дня здесь наступало спокойное умиротворение. Сафия нередко бродила мимо закрытых решеткой галерей, глядя на теряющиеся в полумраке витрины и стеллажи, находя утешение в невозмутимом величии истории. Но сегодня ночью все было иначе.

Вдоль всего северного крыла, как сторожевые башни, стояли вентиляторы на высоких штативах, которые, жужжа и громыхая, тщетно рассеивали запах обугленного дерева и горелой пластмассы. Полы были покрыты извивающимися оранжевыми шнурами обогревателей, которые просушивали залы и коридоры после того, как черную от копоти воду откачали насосы. Во всем крыле стояла удушливая духота знойных тропиков. Непрерывно работающим вентиляторам с трудом удавалось хоть как-то расшевелить застоявшийся воздух.

Громко стуча каблуками по мраморным плитам пола, Сафия проходила мимо залов, в которых были выставлены этнографические коллекции музея: кельтская, русская, китайская. По мере приближения к Кенсингтонской галерее видимых последствий взрыва становилось все больше: закопченные стены, обрывки желтой полицейской ленты, сметенная в кучки осыпавшаяся штукатурка, битое стекло.

Проходя около входа в Египетскую галерею, Сафия услышала за спиной приглушенное позвякивание, похожее на хруст стекла. Остановившись, она оглянулась. На мгновение ей показалось, что в Византийской галерее мелькнул огонек. Застыв на месте, Сафия долго всматривалась в темноту, но так больше ничего и не увидела.

Она подавила нарастающую панику. С тех пор как начались приступы, Сафии стоило большого труда отличать реальную опасность от мнимой. Сердце ее бешено колотилось, к горлу подступил ком, а волосы на руках встали дыбом. Над головой крутился вентилятор, хрипя, словно астматик.

Вероятно, это был лишь свет фар проезжавшей мимо машины, попыталась заверить себя Сафия. Сглотнув комок беспокойства, она обернулась и увидела темный силуэт, маячивший в коридоре перед входом в Кенсингтонскую галерею. Сафия отпрянула назад.

– Сафия? – Подняв руку, фигура включила фонарик, ослепивший Сафию ярким светом. – Доктор аль-Мааз?

Облегченно вздохнув, Сафия поспешила вперед, прикрывая рукой глаза. Перед ней был начальник службы безопасности Райан Флемминг.

– Райан? Я полагала, вы уже давно ушли домой.

Улыбнувшись, Флемминг выключил фонарик.

– Я уже собирался уходить, когда директор Тайсон прислал сообщение мне на пейджер. Двое американских ученых добились разрешения осмотреть место взрыва.

Он провел Сафию к входу в галерею. Там в полумраке двигались две фигуры в одинаковых синих спортивных костюмах. Единственными источниками света были переносные лампы на штативах, которые отбрасывали тусклые желтоватые пятна. В темноте отчетливо светились приборы американских ученых. Судя по всему, счетчики Гейгера. Каждый из ученых держал в одной руке сам измеритель с ярким жидкокристаллическим экраном, а в другой – черную метровую штангу с датчиком, соединенным с измерителем витым шнуром. Ученые медленно обходили один из залов галереи, проводя датчиками вдоль обугленных стен и груд мусора.

– Физики из Массачусетского технологического института, – объяснил Флемминг. – Они прилетели сегодня вечером и приехали сюда прямо из аэропорта. Похоже, у них очень влиятельные знакомые. Тайсон распорядился, чтобы я немедленно впустил их в галерею. «Безотлагательно», как выразился наш уважаемый директор. Наверное, мне нужно вас представить.

Все еще не оправившаяся от испуга, Сафия попыталась было вежливо откланяться.

– Мне пора бежать домой.

Но Флемминг уже шагнул в галерею. Один из ученых, высокий смуглый мужчина, заметил сначала его, затем Сафию. Опустив штангу с датчиком, он быстро подошел к ней.

– Доктор аль-Мааз, какая удача! – Мужчина протянул руку. – Я надеялся поговорить с вами. Я доктор Кроу. Пеинтер Кроу.

Сафия пожала протянутую руку. Его глаза, пронизательные и внимательные, были цвета ляпис-лазури, черные как смоль волосы спускались до плеч. Сафия обратила внимание на непривычный бронзовый цвет лица. Она предположила было, что перед ней индеец, однако ее сбили с толку голубые глаза. Быть может, все дело только в странном имени. Пеинтер Кроу. Впрочем, возможно, он латиноамериканец. Широкая улыбка доктора Кроу была тем не менее сдержанной.

– А это моя коллега, доктор Корал Новак.

Слегка кивнув, женщина быстро протянула Сафии руку. Похоже, ей не терпелось вернуться к исследованиям.

Трудно было представить себе двух столь непохожих друг на друга людей, как эти американские ученые. Рядом со своим красивым смуглым напарником женщина казалась лишь бледной тенью, почти лишенной пигментации. Ее кожа сияла, словно только что выпавший снег, тонкие губы были бесцветными, глаза светились ледяной голубизной. Светлые от природы волосы были коротко острижены. Ростом нисколько не уступавшая Сафии, гибкая и легкая, американка при том обладала какой-то непоколебимостью. Это чувствовалось по ее крепкому рукопожатию.

– Что именно вы ищете? – спросила Сафия, отступая назад.

Пеинтер показал щуп с датчиком.

– Мы проверяем радиационные сигнатуры.

– Радиационные сигнатуры? – не смогла скрыть своего изумления Сафия.

Пеинтер рассмеялся – не снисходительно, а лишь добродушно.

– Не беспокойтесь. Мы ищем определенную сигнатуру, которая остается после удара молнии.

Сафия кивнула.

– Не стану вас отвлекать. Было приятно с вами познакомиться. Если я чем-нибудь смогу вам помочь, дайте знать.

Она направилась было к выходу. Пеинтер шагнул за ней.

– Доктор аль-Мааз, я сам как раз намеревался вас разыскивать. У меня есть несколько вопросов, которые мне хотелось бы обсудить с вами. Например, за обедом.

– Боюсь, я очень занята.

Посмотрев в его голубые глаза, Сафия почувствовала, что попала в ловушку и не может отвести взгляд. Она прочитала на лице Пейнтера разочарование.

– Быть может, мы что-нибудь сообразим, доктор Кроу. Попробуйте завтра утром позвонить мне на работу.

Пейнтер кивнул.

– Отлично.

Сделав над собой усилие, Сафия оторвала взгляд. От дальнейшего ее избавил Райан Флемминг.

– Я вас провожу, – предложил он.

Сафия направилась следом за ним, упорно стараясь не обернуться. Давно уже в присутствии мужчины она не чувствовала себя так глупо и так взволнованно. Должно быть, это запоздалые последствия неожиданного разговора с Омахой.

– Нам придется спуститься по лестнице пешком. Лифты до сих пор не работают.

Она старалась не отставать от Флемминга.

– Странные они люди, эти американцы, – снова заговорил тот, когда они вышли на лестницу. – Вечно куда-то торопятся. Вот почему-то им потребовалось приехать сюда прямо сегодня ночью. Они настояли на этом, объяснив, что якобы радиационные следы быстро исчезнут. Сейчас или никогда.

Сафия пожала плечами. Спустившись вниз, они прошли до бокового выхода, которым пользовался обслуживающий персонал.

– По-моему, такие причуды свойственны не столько американцам, сколько ученым вообще, – нарушила молчание Сафия. – Мы люди неприветливые и настойчивые.

Улыбнувшись, Флемминг кивнул.

– Я уже обратил внимание.

Достав ключ, начальник службы безопасности отключил сигнализацию и отпер замок. Широко распахнув дверь плечом, он придержал ее, выпуская Сафию. Его взгляд стал застенчивым.

– Я тут подумал, Сафия, если у вас будет время, может быть...

Выстрел прозвучал не громче треска скорлупы грецкого ореха. Правый висок Флемминга словно взорвался изнутри, забрызгав дверь кровью и мозгом. Осколки костей черепа, отскочив от металлической двери, улетели в коридор.

Не успело тело Флемминга упасть на землю, как в распахнутую дверь ворвались трое вооруженных людей в масках. Пригвоздив Сафию к стене, они зажали ей рот, душа ее. В лоб ей уперлось дуло пистолета.

– Где сердце?

Кроу не отрывал взгляда от красной стрелки счетчика Гейгера. Когда он подвел датчик к разбитому стенду, стрелка переместилась в оранжевую область. Сигнал достаточно сильный.

Это устройство было разработано в ядерной лаборатории в Уайт-Сэнде. Сканер мог регистрировать очень слабое радиационное излучение. А эти два прибора были специально настроены на обнаружение сигнатуры радиационного распада, свойственной аннигиляции антивещества. При столкновении атомов вещества и антивещества оба исчезают с выделением большого количества энергии. Именно следы этой энергии и должны были вынюхивать чувствительные приборы.

– Я вижу здесь очень сильный сигнал, – окликнула Пейнтера напарница.

Ее голос прозвучал буднично, деловито. Пейнтер подошел к ней.

Корал Новак работала в отряде «Сигма» относительно недавно, ее пригласили из ЦРУ только три года назад. Тем не менее вскоре после своего прихода она защитила докторскую диссертацию по ядерной физике и завоевала черные пояса в шести видах единоборств. Ее коэффициент интеллекта зашкаливал за рамки, и к тому же Корал обладала энциклопедическими познаниями в самых различных областях.

Естественно, Пейнтер был наслышан о Корал Новак, они даже встречались один раз на общем собрании, но для более близкого знакомства у них был лишь короткий перелет из Вашингтона в Лондон. Для двоих замкнутых, сдержанных людей времени слишком мало, чтобы установить какие-либо отношения, кроме чисто профессиональных. Помимо воли Пейнтер постоянно сравнивал свою новую напарницу с Кассандрой, что делало его лишь еще более немногословным. Общие черты обеих женщин подсознательно пробуждали в нем подозрение, в то время как немногочисленные отличия заставляли сомневаться в компетентности Корал. Это было глупо. Пейнтер все понимал, но ничего не мог с собой поделать. Лишь время поможет разобраться, что к чему.

Когда он подошел к Корал, та показала датчиком на расплавленную бронзовую амфору.

– Коммандер, пожалуйста, проверьте мои показания. Я снимаю сигнал, который зашкаливает аж в красную зону.

Взглянув на свой прибор, Пейнтер убедился, что его напарница права.

– Определенно, тут было жарко.

Корал опустила на колени. Надев тонкие перчатки со свинцовыми нитями, она взяла амфору и осторожно ее перевернула. Внутри что-то громыхнуло. Корал вопросительно посмотрела на Пейнтера. Тот кивнул, приглашая ее продолжать. Просунув руку в амфору, Корал пошарила и вытащила осколок камня размером с наперсток. Она положила его на затянутую в перчатку ладонь. С одной стороны камешек был почерневшим от взрыва. Другая оставалась рыжевато-бурой, металлической. Значит, это не камень, а железо.

– Осколок метеорита, – сказала Корал, протягивая Кроу камень, который счетчик Гейгера зафиксировал как источник сильной радиации. – И взгляните на дополнительные показания, которые я сняла. Кроме зет-бозонов и глюонов на фоне гамма-излучения, как это можно было бы ожидать в случае аннигиляции антивещества, этот образец излучает в очень слабых объемах альфа- и бета-радиацию.

Пейнтер нахмурился. Его собственные познания в ядерной физике были весьма скудными. Корал убрала осколок в свинцовую коробочку.

– Та же самая сигнатура радиационного излучения наблюдается при распаде урана.

– Урана? Который используется в ядерном оружии?

Она кивнула.

– Необогатенного. Возможно, в метеоритном железе застряло несколько атомов.

Корал не отрывалась от дисплея прибора. Ее лоб пересекла одинокая морщина, что для этой каменно невозмутимой женщины было выражением сильных эмоций.

– В чем дело? – встревоженно спросил Пейнтер.

Корал продолжала возиться с настройками счетчика Гейгера.

– В полете я еще раз просмотрела результаты исследований специалистов УППОНИР.

У меня вызвала сомнение их теория о том, что антивещество было заключено в теле метеорита в некой стабильной форме.

– Вы считаете, такое невозможно? Определенно, гипотеза была слишком смелой. Антивещество всегда немедленно перестает существовать, вступая в контакт с любым веществом, даже с кислородом воздуха. Каким образом оно могло существовать внутри метеоритного железа?

Корал пожала плечами, не отрываясь от прибора.

– Даже если и согласиться с этой теорией, все равно останется вопрос, почему антивещество все же взорвалось в тот конкретный момент времени. Почему именно этот электрический разряд вывел его из стабильного состояния? Чистая случайность? Или тут было нечто большее?

– А вы сами что думаете?

Корал указала на счетчик Гейгера.

– Распад урана. Это своеобразные часы. На протяжении тысячелетий энергия высвобождается в строго определенных, заранее предсказуемых количествах. Возможно, когда уровень радиации превысил какой-то определенный порог, антивещество вышло из стабильного состояния. После чего мощный электрический разряд шаровой молнии спровоцировал начало цепной реакции.

– Бомба с часовым механизмом.

– С ядерным часовым механизмом, взведенным много тысяч лет назад.

Мысль эта была пугающей. Хмурая складка по-прежнему не исчезала со лба Корал. Судя по всему, ей не давала покоя еще какая-то мысль.

– Что еще? – спросил Кроу.

Выпрямившись, молодая женщина впервые посмотрела в глаза своему напарнику.

– Если существует какой-нибудь другой источник этого антивещества – что-нибудь вроде материнской жилы, – весьма вероятно, там оно тоже выходит из стабильного состояния. Так что, если мы надеемся отыскать этот источник, нам ни в коем случае нельзя мешкать. Возможно, тот же самый ядерный часовой механизм ведет неумолимый отсчет.

Пейнтер задумчиво посмотрел на свинцовую коробку.

– А если мы не найдем его, то лишимся надежды открыть новый источник энергии.

– Или, что гораздо хуже, – Корал обвела взглядом закоптелые стены галереи, – вот это повторится в значительно больших масштабах.

Кроу помолчал, давая этой мысли впитаться.

В нависшей тишине с ближайшей лестницы донеслись быстрые шаги. Пейнтер обернулся. Послышался голос. Слов разобрать было нельзя, но это был определенно голос доктора аль-Мааз. Пейнтер ощутил укол тревоги. Почему хранилище Кенсингтонской галереи вернулась в музей? Раздался другой голос, громкий, повелительный. Незнакомый.

– Веди нас в свой кабинет.

Тут что-то не так. Пейнтер вспомнил судьбу двух сотрудников отдела военных разработок, безжалостно расстрелянных в гостиничном номере. Он обернулся к Корал. Та прищурилась.

– Оружие? – шепотом спросил Пейнтер.

У них не было времени получить разрешение на ношение оружия, что в Великобритании, славящейся своей нетерпимостью к личному огнестрельному оружию, сделать очень нелегко. Нагнувшись, Корал засучила штанину, показывая нож в ножнах. Пейнтер не представлял себе, каким образом ей удалось его провезти. Они летели обычным рейсом, чтобы не раскрывать свою легенду. Должно быть, молодая женщина сдала нож в багаж, а затем достала его в туалетной комнате зала ожидания аэропорта Хитроу.

Корал вытащила нож. Титан и сталь – длинное семидюймовое лезвие, судя по виду немецкого производства. Она протянула нож Пейнтеру.

– Возьмите.

Тот вместо этого выхватил из кучи инструментов, оставленных рабочими, лопату с длинным черенком.

Шаги приближались. Возможно, это лишь охрана музея, однако Пейнтер не собирался рисковать. Сообщив жестами Корал свой план, он щелкнул тумблером освещения, погружая галерею в полумрак. Они заняли места по обе стороны от входа в разоренное пожаром крыло.

Кроу расположился ближе к лестнице, укрывшись за штабелем деревянных поддонов. Он мог смотреть в щели между ними, сам оставаясь в тени. Корал присела на корточки за тремя мраморными цоколями.

Пейнтер поднял руку: «По моему сигналу!» Со своего места он пристально следил за входом. Ждать пришлось недолго. Черная фигура, быстро проскользнув мимо, застыла у входа на лестничную площадку. Незвестный был в маске, на плече висела автоматическая винтовка.

Определенно, это не охрана музея. Но сколько их?

Появилась вторая фигура, в таком же облачении и так же вооруженная. Незвестные осмотрели коридор. Единственным звуком оставался дребезжащий гул вентиляторов. Показался третий человек. Он держал за локоть Сафию аль-Мааз, воткнув ей в ребра дуло пистолета. Бледное лицо Сафии было залито слезами. Она передвигалась с трудом, дрожа при каждом шаге. Задыхаясь, молодая женщина пробормотала:

– Оно... оно в сейфе у меня в кабинете.

Она указала свободной рукой вдоль по коридору. Мужчина, державший ее, кивком предложил своим товарищам идти вперед.

Пейнтер медленно подался назад и, поймав взгляд своей напарницы, жестами передал приказание. Кивнув, Корал бесшумно заняла исходную позицию.

Сафия аль-Мааз, проходя по коридору, обернулась, всматриваясь во вход в Кенсингтонскую галерею. Разумеется, она понимала, что американцы по-прежнему там. А что, если она каким-нибудь произвольным словом или жестом их выдаст? Сафия замедлила шаг, ее голос прозвучал громко:

– Пожалуйста... не убивайте меня!

Тот, что держал ее за локоть, подтолкнул ее вперед.

– Делай что тебе сказали! – рявкнул он.

Сафия споткнулась, но удержалась на ногах. Ее взгляд снова устремился в полумрак галереи. Кроу догадался, что испуганным восклицанием она постаралась предостеречь их, дать возможность спрятаться. Он проникся уважением к смелой женщине.

Двое в масках скользнули по коридору, остановившись напротив укрытия, за которым затаился Пейнтер. Они настороженно поводили винтовками по разоренной галерее и, ничего не обнаружив, двинулись дальше.

В двух шагах позади них третий тащил за собой Сафию аль-Мааз. Проходя мимо входа в галерею, та бросила взгляд в темноту. Пейнтер отметил, что она облегченно вздохнула, увидев ближайšie к коридору залы пустынными.

Как только Сафия со своим похитителем миновали вход в галерею, Пейнтер подал знак напарнице: «Пошли!»

Выскочив из-за мраморных цоколей, Корал перекатилась через плечо и оказалась между двумя автоматчиками и третьим неизвестным, державшим Сафию. Ее неожиданное появление застигло того врасплох. Он оторвал дуло пистолета от ребер своей пленницы. Только это и нужно было Пейнтеру. Он не хотел, чтобы хранительница Кенсингтонской галереи стала жертвой случайного выстрела. Иногда человек, получив удар по голове, успевает бессознательно нажать на спусковой крючок.

Беззвучно выскользнув из тени, Пейнтер мастерски нанес удар лопатой. Голова неизвестного дернулась в сторону, громко хрустнула кость. Он как подкошенный рухнул на пол, увлекая Сафию за собой.

– Лежите и не поднимайтесь! – бросил ей Пейнтер, спеша на помощь Корал.

В этом не было необходимости. Его напарница уже была в движении. Развернувшись на свободной руке, Корал выбросила вперед обе ноги, ударив ближайшего к ней под колени. У того подогнулись ноги. Одновременно другой рукой молодая женщина с невероятной точ-

ностью метнула нож и поразила второго, перебив ему позвоночник у основания черепа. Сдавленно охнув, тот повалился вперед. Корал с плавным изяществом закончила сальто – гимнастка, которая выполняет упражнение, несущее смерть. Каблуками она со всей силы ударила в лицо первому нападавшему, который пытался подняться. Тот отлетел назад, ударившись затылком о мраморный пол. Корал прыгнула на него, готовая продолжать схватку, но тот уже был без сознания. Второй нападавший лежал, не подавая признаков жизни. По мраморным плитам растекалась кровь.

Сафия пыталась выбраться из-под мертвого похитителя. Пейнтер опустился на колени, протягивая ей руку.

– Вы не ранены?

Сафия уселась на полу, опершись спиной о стену.

– Н-нет... кажется, не ранена.

Скользнув взглядом по картине кровавой бойни, она уставилась в пустоту. В ее голосе прозвучала острая боль.

– О господи, Райан! Его застрелили у входа.

Пейнтер оглянулся на лестницу.

– Сколько всего было нападавших?

Сафия покачала головой. Ее глаза были широко раскрыты от ужаса.

– Трое. А может, и больше. Я не знаю...

Пейнтер склонился над ней.

– Доктор аль-Мааз, – суровым тоном произнес он, привлекая внимание Сафии, которая была на грани шока. – Скажите, был кто-нибудь еще?

Она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, ее лицо окаменело от страха. Вздвогнув, Сафия заговорила более твердым голосом:

– Внизу больше никого не было. Но Райан...

– Я им займусь.

Пейнтер повернулся к Корал.

– Оставайся с доктором аль-Мааз. Я взгляну, что там внизу, и попробую вызвать охрану.

Он подобрал пистолет, выпавший из руки нападавшего. «Вальтер». Сам он такой бы ни за что не выбрал. Ему был ближе его табельный «глок». Однако сейчас приходилось довольствоваться тем, что имелось под рукой.

Корал достала из кучи мусора моток веревки, чтобы связать единственного оставшегося в живых нападавшего.

– А как же наша легенда? – шепнула она, украдкой взглянув на хранительницу Кенсингтонской галереи.

– Что ж, мы с тобой американские ученые, обладающие самыми разносторонними навыками, – ответил Пейнтер.

– Другими словами, будем держаться правды, – сказала Корал, и у нее в глазах блеснула едва заметная веселая искорка.

С такой напарницей он сработается. Пейнтер направился к двери.

Сафия проводила взглядом мужчину, спускавшегося по лестнице. Он двигался бесшумно, словно скользя по льду. Кто он такой?

Тихий стон снова привлек ее внимание к женщине. Та стояла, коленом прижимая оставшегося в живых неизвестного к полу. Она заломила ему руки за спину, вызвав у поверженного мужчины новый стон. Затем женщина умелыми движениями быстро связала ему руки. У Сафии мелькнула мысль, что либо у нее большой опыт спутывать телят, либо она не простой ученый-физик. Однако Сафия не дала разыграться своему воображению. Она сосредоточилась на том, чтобы дышать глубоко и размеренно. Казалось, даже несмотря на работающие без усталости вентиляторы, в воздухе ощущался недостаток кислорода.

Лицо и все тело Сафии были липкими от пота. Она неподвижно сидела у стены, подобрала колени и уронила голову на грудь. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не раскачиваться. Настолько обезумевшей Сафии выглядеть не хотелось. Эта мысль помогла ей несколько успокоиться. Она старалась не смотреть в сторону двух трупов. Наверняка уже поднята тревога. Вот-вот появятся сотрудники службы безопасности музея, принесут с собой свет и успокоительное присутствие большого количества людей.

Но пока что коридор оставался слишком пустынным, слишком темным, слишком сырым. Сафия поймала себя на том, что ее взгляд помимо воли не отрывается от выхода на лестницу. Райан... Нападение снова промелькнуло у нее перед глазами как кровавый фильм ужасов, но только немой. Нападавшие пришли за железным сердцем, тем самым, которое она нашла. Сафия так гордилась этим открытием, но из-за него погиб Райан. В его смерти виновна она. Неужели все повторяется опять? Все ее тело содрогнулось от рыданий. Сафия попыталась зажать рот руками и почувствовала, что задыхается.

– С вами все в порядке? – спросила женщина.

Сафия, беззвучно трясясь, сжалась в комок.

– Вам нечего опасаться. Доктор Кроу с минуты на минуту приведет сюда охрану.

Сафия сидела, прижавшись к стене, ей хотелось укрыться от окружающего мира.

– Быть может, будет лучше, если я...

Голос женщины-физика оборвался сдавленным хрипом.

Сафия подняла взгляд. Неестественно выпрямившись, американка отступила назад, уронила руки и запрокинула голову назад. Казалось, ее от пяток до макушки охватила дрожь. Приступ. Сдавленный хрип продолжался.

Объятая ужасом, Сафия на четвереньках поползла прочь, в сторону лестницы. Что произошло?

Внезапно тело женщины обмякло, и она повалилась вперед. В полумраке коридора Сафия отчетливо увидела голубой огонек, потрескивающий у нее на спине. Над одеждой американки поднимался дымок. Она затихла, не двигаясь. Это какой-то абсурд... Но когда голубой огонек погас, Сафия разглядела тонкую проволоку. Она уходила от распростертой на полу женщины к фигуре, застывшей в темноте в трех метрах от нее.

Еще один человек в маске. У него в руке был странный пистолет. Такое оружие Сафия уже видела в кино, а не в реальной жизни: тазер – бесшумный посыльный смерти.

Сафия задом отползала прочь, скользя каблуками по мраморным плитам. Она вспомнила жуткое предчувствие беды, охватившее ее, когда она выходила из своего кабинета. Ей показалось, что она видела кого-то в Византийской галерее. Похоже, этот загадочный отблеск не был плодом ее распаленного воображения. Со стремительностью, порожденной приливом адреналина и паникой, Сафия вскочила на ноги. До лестницы было рукой подать. Если она успеет до нее добежать, спуститься до помещения охраны...

Что-то со стуком упало на мраморный пол ей под ноги, шипя и плюясь голубыми искрами. Еще один заряд тазера. Метнувшись от него, Сафия побежала к лестнице. Нападавшему потребуется несколько секунд, чтобы перезарядить тазер.

Сафия выбежала на лестницу, ожидая в любое мгновение ощутить между лопатками удар молнии. Или просто пулю. Не произошло ни того ни другого. Сафия буквально вывалилась на лестницу. Ее встретили крики, донесшиеся снизу. Прогремел выстрел, оглушительно громкий в замкнутом пространстве. Значит, у входа враги.

Подчиняясь инстинкту, Сафия бросилась наверх. Все ее мысли были сосредоточены только на том, чтобы не останавливаться, бежать к спасению. Тяжело дыша, она поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. В этом крыле музея третьего этажа не было. Лестница вела на крышу.

Добежав до первой площадки, Сафия ухватилась за перила, разворачиваясь. Следующий пролет вел к двери аварийного выхода. Запертая, если пытаться открыть ее снаружи. Если толкнуть изнутри, дверь автоматически откроется. Прозвучит сигнал тревоги, однако сейчас это было как раз к лучшему. Оставалось только молиться, что дверь не запирают на ночь.

У входа на лестницу прозвучали шаги. Вытянув перед собой руки, Сафия навалилась на дверь, нажимая на рукоятку. Дверь не поддавалась. Всклипнув, Сафия отчаянно заколотила по стали кулаками. Нет...

Кроу стоял, подняв руки над головой. «Вальтер» лежал на полу у него под ногами. Каким-то чудом Пейнтер не получил пулю в голову. Она просвистела рядом со щекой, настолько близко, что обожгла кожу. Его спасли лишь быстрый прыжок в сторону и кувырок.

Пейнтер представлял, как все выглядело со стороны. Он стоял, опустившись на колени перед телом Райана Флемминга, распростертым у входа, сжимая в руке пистолет. К месту действия подоспели трое сотрудников службы безопасности, и разразился настоящий хаос. Тщетно попытавшись что-либо объяснить, Кроу вынужден был бросить оружие и поднять руки.

– Доктор аль-Мааз подверглась нападению, – сказал он охраннику, державшему его под прицелом пистолета.

Второй тем временем обыскивал его, а третий говорил по рации.

Пейнтер старался быть убедительным.

– Мистера Флемминга убили, а ее захватили. Мне и моему коллеге удалось справиться с нападавшими наверху.

С таким же успехом можно было обращаться к глухому. Охранник просто сделал движение пистолетом. У Кроу на лбу высыпали крупные градинки пота. Охранник, говоривший по рации, обернулся к своим товарищам.

– Нам нужно задержать его в караульном помещении и ждать прибытия полиции. Патрульная машина уже в пути.

Пейнтер взглянул на лестницу. У него в груди нарастала тревога. Выстрел обязательно должны были услышать наверху. Неужели Корал и Сафия, испугавшись, спрятались?

– Эй ты, положи руки на затылок, – приказал охранник. – Шагай сюда!

Он махнул пистолетом, указывая вдоль по коридору, прочь от лестницы. Из всех троих огнестрельное оружие было только у него одного, и он, судя по всему, чувствовал себя с ним весьма неудобно. Охранник держал пистолет слишком низко, слишком нетвердо. Вероятно, это был единственный пистолет на всю службу безопасности и его редко извлекали на свет божий из ящика с нафталином. Однако недавний взрыв сделал всех дергаными, пугливыми.

Пейнтер сплел пальцы на затылке и повернулся туда, куда ему указали. Ему необходимо снова стать хозяином положения. Держа руки на виду, он развернулся, подходя к неопытному охраннику. При этом перенес вес тела на правую ногу. Охранник на полсекунды отвел взгляд. Времени предостаточно. Пейнтер выбросил левую ногу вперед и вверх, ударя охранника по запястью.

Пистолет, громыхая, отлетел вдаль по коридору. Молниеносным движением Пейнтер подобрал с пола «вальтер» и направил его на троих ошеломленных охранников.

– А теперь будем делать все так, как говорю я.

Переполненная отчаянием, Сафия снова навалилась на ручку двери аварийного выхода. Та упорно отказывалась шевелиться. Молодая женщина бессильно ударила кулаком по косяку. И вдруг она увидела на стене кодовый замок. Не считыватель электронной карточки, а старый, с клавиатурой, на которой нужно набрать нужную комбинацию. Паника комаром запищала в ушах у Сафии.

Каждому сотруднику музея была выдана собственная кодовая комбинация, которую тот при желании мог заменить на любую другую. Но первоначально в качестве комбинации была выбрана дата рождения. Сафия так и не удосужилась изменить свой код.

Ее внимание привлек шум шагов. Она обернулась.

Преследователь, поднявшись на один пролет, остановился на лестничной площадке. Они встретились взглядами. Теперь преследователь сжимал в руке не тазер. Пистолет.

Стоя спиной к двери, Сафия нащупала клавиатуру и вслепую набрала дату своего рождения – в музее за несколько лет она привыкла, почти не глядя, работать на калькуляторе. Сафия надавила на ручку двери. Та щелкнула, но не повернулась. Выход оставался закрытым.

– Тупик, – глухо произнес преследователь. – Спускайся, или умрешь.

Прижимаясь спиной к двери, Сафия осознала свою ошибку. С наступлением нового тысячелетия календарь охранной системы был модифицирован. Теперь год обозначался не двумя цифрами, а четырьмя. Непослушными пальцами Сафия быстро ввела восемь цифр: две на день, две на месяц и четыре на год рождения.

Преследователь шагнул, поднимая пистолет.

Сафия надавила спиной на ручку. Дверь распахнулась. Сафии в спину ударил холодный ветер. Пошатнувшись, она вывалилась наружу и отскочила в сторону. Пуля срикошетила от стальной двери. Повинуясь отчаянию, Сафия захлопнула дверь прямо перед закрытым маской лицом.

Не задерживаясь ни мгновения, не зная, защелкнется ли замок, Сафия бросилась за угол крохотной будки, которой заканчивался аварийный выход. Ночь стояла слишком ясная. Ну где же знаменитый лондонский туман, который был бы сейчас так кстати? Молодая женщина лихорадочно огляделась по сторонам, ища, куда спрятаться.

Единственным укрытием представлялись небольшие металлические сооружения: колпаки вентиляционных шахт, трубы системы отопления, электрические распределители. Однако все они отстояли слишком далеко друг от друга. А остальная часть крыши Британского музея казалась крепостной стеной, окружающей перекрытый стеклянным куполом центральный двор.

Сзади донесся приглушенный выстрел. С грохотом распахнулась дверь. Преследователь вырвался на крышу.

Сафия метнулась к ближайшему укрытию. Невысокий парапет окружал центральный двор. За ним виднелась крыша из стекла и стали. Перебравшись за парапет, Сафия затаилась.

Ее ноги стояли на металлическом ободе огромного купола площадью два акра, расстилавшемся бескрайней равниной из стеклянных треугольников. Некоторых стекол неоставало: разбитые вчерашней грозой, они были временно заменены листами пластмассы. Остальные треугольники сияли в свете звезд зеркалами, сходясь в центр, где посреди внутреннего двора возвышался сверкающий медный купол Читального зала, подобно острову в море стекла.

Сафия присела на корточки, понимая, в каком положении оказалась. Если преследователь заглянет за парапет, ей укрыться негде. Послышались шаги, хруст гравия, покрывавшего крышу. Покружив, шаги стихли, затем зазвучали снова, приближаясь к тому месту, где затаилась Сафия.

Выбора нет. Сафия выползла на крышу, передвигаясь на четвереньках, словно краб, по стеклянным плитам, моля Бога о том, чтобы они выдержали ее вес. Падение с высоты сорока футов на твердый мрамор внизу станет таким же убийственным, как и пуля в голову. Если ей удастся добраться до куполообразного острова Читального зала, укрыться за ним...

Одна плита треснула под коленом у Сафии, словно хрупкий лед. Должно быть, стекло пострадало во время грозы. Сафия поспешно перекатилась в сторону, а плита, расколовшись,

вывалилась из стальной рамы и полетела вниз. Через мгновение послышался гулкий звон стекла, разбившегося вдребезги о мрамор.

Сафия успела проползти лишь до половины бескрайней крыши – муха, попавшая в зеркальную паутину. И вот-вот неминуемо появится паук, привлеченный грохотом. Ей нужно спрятаться, найти норку, в которой можно укрыться. Норка была только одна.

Сафия перекатилась обратно к выбитой раме, думая лишь о том, как спрятаться, опустила ноги в зияющую дыру и улеглась животом на крышу. Она ухватилась за стальную перемычку, соскользнула вниз, повисла на руках на высоте сорока футов и оказалась лицом к тому месту, где пряталась за парапетом. Сквозь стекло проникал чистый и ясный свет звезд.

Над каменным барьером показалась голова в маске, оглядывающая стеклянную крышу. Сафия затаила дыхание. Снаружи в серебристом свете звезд крыша кажется зеркальной. Разглядеть то, что внутри, невозможно. Однако у Сафии уже начинали затекать мышцы рук, острая сталь впиалась в пальцы. А ей еще потребуется усилие для того, чтобы забраться обратно.

Она опустила взгляд на теряющийся в темноте двор. До земли слишком далеко. Единственный свет исходил от редких красноватых ламп дежурного освещения. И тем не менее Сафия различила под ногами осколки разбитой стеклянной панели. То же самое случится с ее телом, если она упадет.

Сафия крепче стиснула пальцы, чувствуя, как гулко колотится сердце. Оторвав взгляд от земли, она снова посмотрела вверх и увидела, как преследователь в маске перебирается через парапет. Что он замыслил?

Оказавшись на крыше, человек двинулся вперед, стараясь перемещаться по стальной раме. Он направлялся прямо к тому месту, где находилась Сафия. Как ему удалось так быстро ее найти? И тут до нее дошло. Ведь она сама заметила бреши в крыше, закрытые пластмассовыми щитами. Они зияли выбитыми зубами в широкой улыбке. И только одна дыра оставалась незакрытой. Судя по всему, преследователь догадался, что его жертва провалилась вниз, и решил подойти, чтобы убедиться в этом. Его движения были быстрыми, уверенными, такими непохожими на ее собственное паническое ползание. Сжимая в руке пистолет, преследователь приближался к тому месту, где затаилась Сафия.

Что делать? Бежать больше некуда. У Сафии мелькнула мысль просто разжать руки. По крайней мере, в этом случае она сама распорядится своей жизнью. На глаза навернулись слезы. Затекшие пальцы ныли. Достаточно только отпустить руки. Однако пальцы отказывались повиноваться. Судорожно сжатые кисти намертво вцепились в стальную раму.

Неизвестный пересек последнюю стеклянную панель, а Сафия продолжала висеть под крышей. Наконец заметив ее, он от удивления отступил назад, затем посмотрел вниз. Раздался смех, негромкий и зловещий. Сафия поняла свою ошибку. Пистолет нацелился ей в лоб.

– Назови мне комбинацию сейфа...

Послышался громкий треск выстрела. Вскрикнув, Сафия в испуге разжала левую руку и осталась висеть лишь на правой. Вывернутый плечевой сустав пронзила острая боль. Сафия увидела стрелявшего. Он стоял внизу на мраморном полу. Знакомая фигура. Американец. Широко расставив ноги, он целился вверх. Сафия отвернулась и подняла взгляд.

Стеклянная панель, на которой стоял ее преследователь, внезапно разлетелась на тысячу осколков. Похититель отпрянул назад, споткнулся и выронил пистолет. Взлетев вверх, оружие упало в разбитую панель. Похититель, петляя, побежал по стеклянной крыше, торопясь достичь парапета.

Американец стрелял и стрелял, выбивая панели вслед за перемещениями неизвестного. Однако тот неизменно оказывался на шаг впереди. Наконец фигура добралась до парапета и перелезла через него. Скрылась из виду.

Американец громко выругался. Он подошел к тому месту, над которым висела Сафия, словно летучая мышь под потолком. Вот только у нее не было крыльев. Сафия попыталась ухватиться за раму второй рукой. Ей пришлось немного покачаться, но в конце концов пальцы снова стиснули сталь.

– Вы сможете продержаться еще немного? – встревоженно окликнул ее американец.

– По-моему, выбора у меня нет, – недовольно ответила Сафия. – Разве не так?

– Если раскачаться, – предложил американец, – быть может, вам удастся зацепиться ногами за соседний переплет.

Сафия поняла, что он предлагает. Собравшись с духом, она качнулась, согнула колени и забросила ноги на раму. И тотчас же боль в руках ослабла, поскольку вес ее тела теперь был распределен по нескольким опорам. Сафии пришлось сделать над собой усилие, чтобы не расплакаться от облегчения.

– Охранники уже спешат к вам.

Вывернув шею, Сафия посмотрела на американца. Она поймала себя на том, что если не будет говорить, то начнет выть.

– А ваша напарница...

– С ней все в порядке. Получила электрический разряд, испортила новую блузку, но скоро придет в себя.

Сафия облегченно закрыла глаза. Слава богу. Еще одну смерть она бы не перенесла. Особенно после Райана. Сафия сделала несколько размеренных вдохов и выдохов, успокаиваясь.

– Как вы себя чувствуете? – спросил американец, не отрывая от нее взгляда.

– Ничего. Но, доктор Кроу...

– Зовите меня Пейнтер. Думаю, мы уже преодолели первый этап знакомства.

– Похоже, я уже второй раз за сегодняшний вечер обязана вам жизнью.

– Это преимущества знакомства со мной.

Хотя Сафии не было видно его лицо, она явственно представила, как оно расплылось в хитрой усмешке.

– Ничего смешного тут нет.

– Будет, только попозже.

Нагнувшись, американец подобрал пистолет, выроненный похитителем. Это напомнило Сафии о том, что она собиралась сказать.

– Тот человек, в которого вы стреляли... Это была женщина.

Американец продолжал разглядывать оружие.

– Знаю.

Пейнтер изучал пистолет, который держал в руке. Это был «ЗИГ-Зауэр» калибра 45 миллиметров, со специальными резиновыми накладками на рукоятке, сделанными на заказ. Не может быть! Затаив дыхание, Пейнтер перевернул оружие. Рычажок предохранителя располагался справа. Специальная доработка для стрелка-левши, каких не много.

Пейнтеру был знаком этот пистолет. Ему был знаком стрелок. Он поднял взгляд на дорогу из выбитых стеклянных панелей.

Кассандра.

Часть вторая Песок и море

6. Возвращение

2 декабря, 6 часов 42 минуты

Международный аэропорт Хитроу

Кара встретила его у трапа, ведущего к открытой двери самолета «лирджет». Перегородив дорогу, она сказала резко:

– Доктор Кроу, я хочу ясно дать понять, что на борту этого самолета у вас не будет никакой власти. Вам удалось каким-то образом затесаться в нашу экспедицию, но я вас определенно не приглашала.

– Я это уже понял по тому приему, которым меня удостоила ваша свора адвокатов, – ответил американец, закидывая рюкзачок на плечо. – Кто бы мог предположить, что эти крючкотворы способны так упорно драться?

– Толку из этого все равно никакого не вышло. Вы здесь.

Хитро усмехнувшись, американец пожал плечами. Как и прежде, он даже не попытался как-то объяснить, почему американское правительство настояло на том, чтобы он и его напарница приняли участие в экспедиции, которой предстояло отправиться в Оман. Были задействованы самые разные рычаги: финансовые, юридические и даже дипломатические. Все это происходило на фоне шумихи, поднятой средствами массовой информации вокруг попытки ограбления Британского музея.

Кара всегда считала свое влияние значительным, однако оно поблекло в сравнении с тем давлением, которое оказал на подготовку экспедиции Вашингтон. Соединенные Штаты проявили очень большой интерес к Оману. Кара потратила три недели, тщетно пытаясь убрать с дороги препоны, которые одну за другой выставляли американцы, но в конце концов вынуждена была признать, что, если она не уступит, экспедиция просто не состоится.

Однако из этого еще не следовало, что ее капитуляция была безоговорочной.

– Отныне, – решительно произнесла Кара, – вы беспрекословно подчиняетесь нам.

– Понятно.

Почему-то этот односложный ответ еще больше вывел Кару из себя. Но выбора у нее не было, и она отступила в сторону, освобождая дорогу. Американец не двинулся с места.

– Нам незачем ссориться. Мы не враги, леди Кенсингтон. У нас с вами одна и та же цель.

Кара нахмурилась.

– И какая же?

– Найти ответы на вопросы.

Пейнтер Кроу устремил на нее взгляд своих ясных голубых глаз, непроницаемый, но не холодный. Впервые Кара обратила внимание, какой же он красивый. Но только это была не красота фотомодели, а утомленная мужественность, которую американец носил легко и свободно. Его длинные прямые волосы были распущены; лицо, несмотря на ранний час, гладко выбрито. Кара ощутила тонкий аромат лосьона, приправленный мускусным бальзамом. Или это запах самого американца? Кара постаралась сохранить лицо бесстрастным, а голос – ровным.

– И на какой же именно вопрос, доктор Кроу, вы хотите найти ответ?

Он, не мигая, выдержал ее взгляд.

– О том же самом я могу спросить вас, леди Кенсингтон. Какую тайну хотите раскрыть вы? Определенно, вами движет нечто большее, чем чисто академический интерес к древним могилам.

Сверкнув глазами, Кара нахмурилась. Под таким взглядом увядали президенты международных корпораций. Однако доктор Пейнтер Кроу оставался невозмутимым. Наконец он начал подниматься по трапу – предварительно сделав одно загадочное замечание:

– Похоже, у каждого из нас есть тайны, которые нам хотелось бы сохранить. По крайней мере, до определенного времени.

Следом за Пейнтером Кроу к трапу подошла его напарница, доктор Корал Новак. Высокая, упругая, в ладно скроенном сером костюме. С таким же холщовым рюкзачком с личными вещами. Чемоданы и оборудование американских ученых уже были погружены в багажный отсек. Перед тем как ступить на трап, Корал Новак скользнула взглядом по самолету.

Кара хмуро проследила, как американцы входят в «лирджет». Хотя они выдавали себя за обычных ученых-физиков, работающих по контракту на американское правительство, Кара видела во всем печать армии: крепкое, атлетическое телосложение, жесткие пронизательные взгляды, отутюженные костюмы. Американцы двигались синхронно, хотя это и не бросалось в глаза: один находился впереди, а второй прикрывал его сзади. Возможно, они сами даже не сознавали этого.

И еще не надо было забывать настоящее сражение, произошедшее в музее. Кара получила подробный отчет: убийство Райана Флемминга, попытка похищения железного сердца. Если бы не вмешательство двух американцев, все было бы потеряно. Несмотря на то что доктор Кроу выдавал себя не за того, кем был на самом деле, Кара была перед ним в долгу – и дело было не только в спасении загадочной реликвии.

Кара выжидательно посмотрела в сторону аэровокзала. Из его дверей на бетонное поле шагнула Сафия и поспешила к самолету, волоча за собой чемодан на колесиках. Если бы в момент нападения на Британский музей там не оказалось этих американцев, Сафии сейчас не было бы в живых. Однако та ночь не прошла для подруги Кары бесследно. Ужас, кровь, смерть надломили что-то в Сафии. Она разом перестала возражать против участия в экспедиции, но упорно не желала объяснять перемену настроения. На все расспросы неизменно следовал краткий ответ: «Теперь это уже не имеет значения».

Сафия подошла к самолету.

– Вы ждете только меня?

Все остальные уже поднялись на борт. Кара протянула было руку к багажу, однако Сафия, захлопнув выдвижную рукоятку, подхватила чемодан.

– Я сама.

Кара не стала возражать. Она знала, что в нем находится железное сердце, упакованное в футляр, выложенный изнутри мягкой пористой резиной. Сафия не подпускала к реликвии никого – не столько оберегая, сколько считая ношей, которую она должна нести сама. Кровавый долг возложен на нее одну. Это она сделала открытие, и вся ответственность лежит только на ней.

Чувство вины траурным одеянием окутывало подругу Кары. Райан Флемминг, к которому Сафия относилась очень хорошо, был убит у нее на глазах. Ради какого-то куска железа, найденного ею.

Вздыхнув, Кара начала подниматься по трапу. Тель-Авив повторяется сначала. Тогда никто не смог утешить Сафию. И сейчас происходит то же самое.

Остановившись наверху трапа, Кара обернулась, бросив последний взгляд на затянутый туманной дымкой Лондон, который начинали окрашивать в золотистый багрянец первые лучи поднимающегося над Темзой солнца. Она попыталась отыскать в своем сердце

чувство утраты, но обнаружила только песок. Англия не была ей настоящим домом. Никогда не была.

Повернувшись к Лондону спиной, Кара вошла в салон самолета. Из двери пилотской кабины выглянул летчик.

– Мэм, диспетчер дал разрешение на взлет.

Кара кивнула.

– Хорошо, Бенджамин.

Не дожидаясь, когда за ней закроют дверь, она прошла в главный салон. Этот «лир-джет» переоборудовали в соответствии с ее собственными потребностями. Салон, отделанный изнутри кожей и деревом, был разделен на четыре части. В хрустальных вазах, закрепленных на столиках, стояли свежие цветы. В дальнем конце салона размещался длинный бар из красного дерева, купленный в антикварном магазине в Ливерпуле. За баром раздвижные двери обозначали вход в личный кабинет и покои леди Кенсингтон.

От Кары не укрылось, как Пейнтер Кроу, увидев салон, удивленно поднял брови. Она самодовольно улыбнулась. Определенно, на свое жалованье ученого, даже подкрепленное выплатами от правительства, американец не мог позволить себе подобной роскоши. Стюард, выполняющий функции дворецкого, предложил Кроу бокал содовой со льдом. Кроу обернулся, позвякивая кубиками льда.

– Что, и никакого арахиса, обжаренного в меду? – пробормотал он, проходя мимо Кары. – А я полагал, мы летим первым классом.

Кара не отводила взгляда, пока он устраивался рядом с доктором Новак. Она почувствовала, как ее торжествующая улыбка поблекла. Дерзкий ублюдок...

Пилот объявил взлет, и все стали занимать места. Сафия устроилась в одиночестве. Американский аспирант Клей Бишоп уже сидел в противоположном конце салона, пристегнувшись и прильнув к иллюминатору. Он натянул наушники, подключенные к портативному плееру у него на коленях, и полностью отключился от окружающего мира.

Убедившись, что все готовы, Кара подошла к бару. Там ее уже ждал бокал любимого вина: охлажденное шардоне из знаменитого своими виноградниками французского замка Сен-Себастьян. Первый глоток Каре позволили сделать в день ее шестнадцатилетия перед выездом на ту самую охоту. С тех пор она каждое утро выпивала бокал шардоне в память об отце. Кара покрутила бокал, вдыхая терпкий аромат вина, отдающий персиком и дубовыми листьями. Даже по прошествии стольких лет этот запах тотчас же вернул ее в то утро, полное светлых обещаний. Она снова услышала смех отца, рев верблюдов вдалеке, шепот ветерка, разбуженного поднимающимся над горизонтом солнцем.

Кара медленно потягивала вино, борясь с сухостью во рту. У нее гудела голова от двух сильнодействующих таблеток, которые она проглотила, как только проснулась два часа назад. Губами молодая женщина ощущала едва заметную дрожь пальцев, сжимающих бокал. Нельзя пить алкогольные напитки одновременно с приемом лекарств. Но это лишь один бокал шардоне, которым она должна почтить память отца.

Опустив бокал, Кара поймала на себе взгляд Сафии. Лицо подруги оставалось непроницаемым, однако в глазах горело беспокойство. Кара, не моргнув, спокойно выдержала взгляд. В конце концов Сафия отвернулась и уставилась в иллюминатор.

У подруг не было слов, чтобы утешить друг друга. Теперь больше не было.

Пустыня похитила частицу их жизни, частицу их сердец. И обрести их снова можно будет только среди песков.

11 часов 42 минуты

Маскат, Оман

Омаха в бешенстве вышел из здания Министерства национального наследия, яростным толчком распахнув перед собой дверь. Створка, отлетая обратно, едва не ударила в лицо спешившего следом за Омахой брата Денни.

– Омаха, успокойся.

Старший брат ответил гневной тирадой:

– Проклятые бюрократы! Здесь нужно получить разрешение даже на то, чтобы вытереть задницу в сортире!

– Но ты ведь добился всего, что было нужно, – попытался успокоить его Денни.

– На это ушло все утро, черт побери! И разрешение везти с собой на джипах запас долбаной солярки мы получили только потому, что этому треклятому Адольфу бен-Козлодою захотелось пообедать!

– Успокойся.

Схватив брата за локоть, Денни потащил его прочь от министерства. Прохожие бросали им вслед удивленные взгляды.

– А Сафия... Самолет Кары скоро совершит посадку. – Омаха сверился с часами. – Чуть больше чем через час.

Денни махнул рукой, подзывая такси. Белый седан «мерседес», отъехав от ближайшей стоянки, плавно затормозил у тротуара. Открыв дверь, Денни буквально запихнул брата внутрь. В салоне царил божественная прохлада кондиционера. В Маскате был еще только полдень, а температура уже поднялась выше тридцати пяти градусов.

Прохладный воздух подействовал на Омаху успокаивающе. Наклонившись вперед, он постучал по плексигласовой перегородке, отделяющей сиденье водителя.

– Пожалуйста, в аэропорт Сееб.

Кивнув, водитель, не включая сигнал поворота, тронулся с места, просто втискиваясь в плотный поток машин. Омаха откинулся на спинку сиденья и повернулся к брату.

– Мне еще никогда не приходилось видеть тебя таким возбужденным, – заметил Денни.

– О чем ты? Я возбужден? Да я абсолютно спокоен.

Денни уставился в окно.

– Ну да, как будто перспектива встретиться с бывшей невестой лицом к лицу не обрезола твой запал до короткого хвостика.

– Сафия не имеет к этому никакого отношения.

– Угу.

– У меня нет никаких причин нервничать.

– Продолжай уверять себя в этом, Омаха.

– Замолчи.

– Сам замолчи.

Омаха покачал головой. Оба брата хронически недосыпали с тех самых пор, как прибыли в Маскат две недели назад. Чтобы в такой короткий срок подготовить экспедицию, необходимо позаботиться о тысяче и одной мелочи: получить разрешения, оформить все необходимые документы, нанять охранников, рабочих, грузовики, договориться с командованием военно-воздушной базы в Тумрайте, закупить запасы воды, горючего, оружия, соли, химикатов для биотуалетов, организовать всех участников. И все эти задачи были взвалены на плечи братьев Данн.

Приезд Кары задержали неприятности в Лондоне. Если бы она приехала сюда сама, как и предполагалось, подготовка к экспедиции прошла бы значительно более гладко. Леди Кенсингтон почитали в Омани как новую мать Терезу филантропии. По всей стране таблички с ее именем украшали музеи, больницы, школы и детские приюты. «Кенсингтонские нефтяные скважины» получили много выгодных контрактов на добычу нефти, разработку

полезных ископаемых, производство пресной воды, и корпорация вела свою деятельность, заботясь о благе страны и ее народа.

Однако после происшествия в музее Кара попросила братьев не поднимать лишнего шума и без крайней необходимости не упоминать о ее участии в экспедиции. Поэтому Омахе пришлось изрядно попотеть.

Миновав деловой квартал Маската, такси запетляло по узким извилистым улочкам Старого города, стиснутым каменными заборами. Перед ними тащился грузовик, нагруженный соснами, который оставлял за собой дорожку сухих иголок.

Подготовка к Рождеству. В Омане.

Эта мусульманская страна была настолько открыта для Запада, что в ней отмечалось рождение Христа. Таким положением дел Оман был обязан исключительно своему монарху, султану Кабусу ибн-Саиду. Султан, получив образование в Европе, открыл свою страну для окружающего мира, пожаловал своему народу самые широкие гражданские права и модернизировал внутреннее устройство государства.

Водитель такси включил радио. Из динамиков полилась музыка Баха, любимого композитора султана. По высочайшему указу днем разрешалось исполнение только классической музыки.

Омаха взглянул на часы. Ровно полдень. Он выглянул в окно. Хорошо, наверное, быть монархом.

Денни нарушил молчание:

– Кажется, за нами слежка.

Омаха посмотрел на брата, проверяя, не шутит ли тот. Денни сидел, обернувшись назад.

– Вон тот серый «БМВ», в четырех машинах от нас.

– Ты уверен?

– Это «БМВ», – произнес Денни уже тверже. – Я заметил его на улице перед нашей гостиницей, затем на стоянке у Музея национальной истории.

Омаха знал, что его брат, представитель нового техногенного поколения, млеет перед любой техникой немецкого производства и прекрасно разобрался в марках машин.

– Может быть, совпадение? Просто похожая машина той же самой марки.

– Ну конечно, «пятьсот сороковой» с инжекторным двигателем. Литые диски. Тонированные стекла. Даже если...

– Достаточно рекламных призывов, – оборвал брата Омаха. – Я тебе верю. Но если за нами действительно следят, возникает только один вопрос. Почему?

Омаха вспомнил о кровавой бойне, устроенной в Британском музее. Об этом сообщалось даже в газетах. Кара предупредила его вести себя как можно осторожнее, не поднимать шума. Омаха подался вперед.

– На следующем перекрестке поверните направо, – произнес он по-арабски, рассчитывая или оторваться от хвоста, или подтвердить подозрения.

Не обращая на него внимания, водитель проехал прямо. Омаха ощутил внезапный укол паники. Он подергал дверь. Заперта. Такси проехало поворот на аэропорт. Из динамиков продолжала литься музыка Баха. Омаха снова дернул ручку двери. Проклятье!

12 часов 04 минуты

В небе над Средиземным морем

Сафия сидела, уставившись в раскрытую на коленях книгу, не в силах различить ни слова. Эту страницу она тщетно пыталась прочитать уже в течение получаса. Напряжение оголило ее нервы. Плечевые мышцы сводило, от тупой головной боли ныли зубы.

Сафия бросила взгляд на залитое солнцем голубое небо. Ни облачка. Бескрайний чистый холст. У нее возникло ощущение, что она уходит из одной жизни и спешит навстречу другой. Что во многих отношениях соответствовало истине. Она покидала Лондон, свою квартиру, стены Британского музея, все, что считала безопасным на протяжении последних десяти лет. Однако эта безопасность оказалась иллюзией настолько хрупкой, что разбилась вдребезги всего за одну ночь.

И снова руки Сафии оказались запятнаны кровью. Всею виной была ее работа.

Райан...

Сафия не могла стереть из памяти изумление, мелькнувшее в глазах Флемминга за мгновение до того, как пуля отрезала его от этого мира. Даже по прошествии нескольких недель она постоянно ловила себя на настоятельной потребности вымыть лицо, которая не отпускала ее даже ночью. Мыло и холодная вода. Однако ничто не могло смыть ощущение чужой крови на коже.

И хотя Сафия признавала иллюзорность безопасности жизни в Лондоне, город стал ей домом. Здесь у нее были друзья, коллеги по работе, любимый книжный магазин, кинотеатр, в котором крутили старые фильмы, кафе, где готовили великолепный капучино с карамелью. Лондонские улицы определяли ее жизнь.

И еще здесь был Билли. Сафия была вынуждена оставить кота у Джулии, ботаника из Пакистана, жившей в квартире под ней. Перед отъездом Сафия нашептала Билли на ухо обещания, которые надеялась сдержать.

И тем не менее ее не покидало беспокойство, пропитавшее тело до мозга костей. Частично эта тревога не поддавалась никакому объяснению, являясь лишь всепоглощающим ощущением надвигающейся опасности. Сафия обвела взглядом салон. А что, если всех, кто здесь находится, ждет такой же конец, как и Райана, – полка в городском морге, а затем холодная могила, запорошенная первым зимним снегом?

От одной мысли об этом у Сафии заledenело все внутри. Дыхание причиняло боль. Руки задрожали. Почувствовав накатывающуюся волной знакомую панику, Сафия приложила все силы, чтобы справиться с ней. Она сосредоточилась на вдохах и выдохах, обратив внимание на окружающий мир, подальше от себя самой, источника бесконечного страха.

Монотонный гул двигателей заставил всех пассажиров откинуть спинки кресел и постараться урвать краткие мгновения сна, пока самолет летит на юг. Даже Кара удалилась в свои личные покои – но только не для сна. Сквозь перегородку проникал ее приглушенный голос. Кара подготавливала прилет, разбирая горы нудных, но таких важных мелочей. Неужели она теперь совсем не спит?

Тихий шум за спиной заставил Сафию обернуться. За креслом стоял Пейнтер Кроу, появившийся словно по волшебству. В одной руке он держал высокий стакан воды со льдом, а другой протягивал крошечный хрустальный стаканчик, наполненный до краев золотисто-коричневой жидкостью. Судя по запаху, бурбоном.

– Выпейте вот это.

– Я не...

– Просто выпейте. Не растягивая. Одним глотком.

Подняв руку, Сафия приняла стаканчик, думая только о том, как бы не расплескать налитый в него напиток, а вовсе не горя желанием его выпить. С той самой кровавой ночи, когда Сафия поблагодарила доктора Кроу за спасение, они не обмолвились друг с другом и парой слов. Опустившись в соседнее кресло, Пейнтер подбодрил:

– Ну же, давайте.

Не имея сил спорить, Сафия поднесла стаканчик к губам и вылила его содержимое в рот. Бурбон обжег ей горло, спускаясь вниз, ударил в нос, а затем огненным жаром осел в желудке. Молодая женщина вернула стаканчик. Пейнтер протянул взамен стакан воды.

– Содовая с лимоном. А ее лучше пить медленно.

Сафия послушно выпила воду, держа стакан обеими руками.

– Так лучше?

Она кивнула.

– Со мной все в порядке.

Наклонившись, чтобы лучше видеть, Пейнтер всмотрелся в ее лицо. Сафия упорно избегала взгляда, уставившись на его вытянутые ноги. Пейнтер скрестил щиколотки, открывая носки. Черные, с разноцветными ромбами.

– Вы в этом не виноваты, – сказал он.

Сафия напряглась. Неужели чувство вины, охватившее ее, настолько бросается в глаза? Она смущенно покраснела.

– Не виноваты, – повторил Пейнтер.

Его голос был лишен увещательных интонаций, с какими Сафию пытались поддерживать остальные – коллеги, друзья, даже полицейский психолог. Пейнтер же произнес эти слова совершенно будничным тоном.

– Я имею в виду Райана Флемминга. Ему просто не повезло. Он оказался не в том месте и не в то время. Вот и все.

Сафия метнула на него взгляд и тотчас же снова отвернулась. Она почувствовала исходящее от Пейнтера тепло, подобное бурбону, обжигающее и мужественное. Ей удалось найти в себе силы говорить, спорить.

– Райана не было бы в музее, если бы я не задержалась допоздна на работе.

– Хрена с два.

Сафия удивилась, услышав от него такое. Пейнтер продолжал:

– Мистер Флемминг находился в музее для того, чтобы наблюдать за нами. За мной и Корал. Его присутствие в ту ночь никак не было связано с вами и с тем, что вы обнаружили железное сердце. Нас вы тоже вините в его смерти?

Отчасти это было именно так. И все же Сафия покачала головой, сознавая, на ком именно лежит вина.

– Грабители пришли за сердцем, а его нашла я.

– И если мне не изменяет память, это далеко не первая попытка кражи из Британского музея. Кажется, не далее как четыре месяца назад ночью был похищен этрусский бюст. Грабители проникли через крышу.

Сафия сидела, опустив голову.

– Райан возглавлял службу безопасности, он выполнял свою работу. И знал, с каким риском она связана.

Хотя до полной убежденности было еще далеко, Сафия почувствовала, что тугой узел у нее в желудке чуть ослаб. Впрочем, опять-таки, может быть, это объяснялось действием алкоголя.

Пейнтер прикоснулся к ее руке. Сафия вздрогнула, но американец не стал отнимать руку. Он зажал ее пальцы между ладонями, которые после холодного стакана содовой показались горячими.

– Пусть леди Кенсингтон не рада нашему участию в экспедиции, но я хочу, чтобы вы знали: вы не одиноки. Мы будем работать вместе.

Медленно кивнув, Сафия высвободила руку, смущенная этой близостью, вниманием со стороны практически незнакомого мужчины. Однако ей пришлось сплести пальцы, сохраняя тепло. Вероятно, почувствовав ее смущение, Пейнтер откинулся назад. У него в глазах блеснули веселые искорки.

– Вы просто держитесь изо всех сил... По собственному опыту я знаю, что это получается у вас чертовски хорошо.

Сафия представила себе, как она болталась под крышей музея. Хорошенькое было зрелище! И кончики ее губ тронула непрошенная улыбка, первая с той жуткой ночи. Пейнтер не отрывал взгляда от лица Сафии, всем своим видом говоря: «Ну вот, все хорошо». Наконец он встал.

– Полагаю, мне надо постараться немного поспать. Как и вам.

Решив, что такое теперь возможно, Сафия проводила Кроу взглядом. Он бесшумно прошел по застеленному ковровой дорожкой салону, возвращаясь в свое кресло. Почувствовав, что улыбка у нее на лице погасла, она прикоснулась пальцем к щеке. У нее внутри до сих пор горел огонь бурбона, помогающий ей обрести в себе опору. Как такая простая вещь могла принести столько облегчения?

Однако Сафия понимала, что в действительности все дело не в алкоголе, а в душевном тепле. Она успела забыть, что это такое. Прошло уже столько времени с тех пор, как...

12 часов 13 минут

Откинувшись назад, Омаха обеими ногами с силой ударил по стеклу, отделявшему его от водителя. Его каблуки лишь скользнули, не причинив никакого вреда. С таким же успехом можно было колотить по стальному листу. Пуленепробиваемое стекло. Омаха в отчаянии ударил локтем по боковому стеклу. Тот же самый эффект.

Они в ловушке. Их похитили.

– Та машина продолжает следовать за нами, – заметил Денни, кивая на седан «БМВ», который неотступно держался сзади на расстоянии пятидесяти ярдов.

Сквозь тонированные стекла в салоне виднелись смутные силуэты на переднем и заднем сиденьях. Такси въехало в жилой район, застроенный приземистыми домами из отштукатуренного камня, выкрашенными белым. От отраженных солнечных лучей слепило глаза. Вторая машина ехала следом, словно на привязи. Омаха снова наклонился к перегородке.

– Почему? – спросил он по-арабски.

Водитель упорно не обращал на него внимания. Молчаливый и невозмутимый, он мастерски петлял по узким улочкам.

– Нам нужно выбраться из машины, – сказал Омаха. – Попытать шансы на улицах.

Денни сидел, повернувшись к двери, и разглядывал облицовку.

– *Tou soure-ongles*⁴, Омаха, – произнес он по-французски, чтобы водитель ничего не понял.

Денни протянул руку так, чтобы водителю не было видно. Омаха сунул руку в карман. Зачем Денни понадобились его маникюрные ножницы? Он спросил по-французски:

– Ты собираешься вырезать ими дверь?

Не оборачиваясь, Денни склонил голову.

– Этот ублюдок запер нас с помощью устройства защиты детей.

⁴ Твои маникюрные ножницы (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.